СЕМЬЯ и ШКОЛА.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ю.Л. СИМАШКО.

КНИГА II.

РОДИТЕЛЯМЪ и ВОСПИТАТЕЛЯМЪ.

№ 8. ОКТЯБРЬ 1871 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, № 15.
1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Ноября 1871 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книга I.

СТРАН.

О языческой вѣрѣ нашихъ предковъ и о крещеніи ихъ. *Б. Павловичъ* . . 1
Путешествіе по Волгѣ Николая Роо. (Окончаніе). *О. Г.* 35
Исторія одного крестьянскаго мальчика-механика. (Продолженіе). 54
Солнце. *Ст. Барановскій* 79
Любимый барашекъ. 90
Дикій слонъ. *Ю. С.* 97
Одѣвающаяся куколка. 98
Казачекъ (Паяцъ) 99

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Любимый барашекъ — хромолитографія.
2. Тоже, черная для раскрашиванія.
3. Одѣвающаяся куколка.
4. Паяцъ.
5. Двѣ картины для вышивки контуровъ.

Книга II.

Отъ редакціи.
Мотивы душевной жизни. *И. П—овъ.* 1
Женская учительская семинарія. *П. Соколовскій* 20
О приготовительномъ курсѣ геометр. въ средн. учебн. заведен.. *З. Вулихъ.* 55
Золотуха. Д—ръ *Д—скій.* 71
Библіографія: I. Элементарный курсъ теоретической математики, составленный по программѣ для среднихъ учебныхъ заведеній *М. Апашянскимъ.* Ч. I. Ариѳметика 77
„ II. Алгебра. Учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *В. Воленсъ* 78
„ III. Журналистика. Обозрѣніе педагогическихъ статей въ органахъ нашей прессы за первую треть текущ. года. *Н. П—цъ.* 80
Замѣтки. *Хроникеръ* 113
Замѣтка учителя о библіотекахъ при уѣздныхъ училищахъ. *Θ. Т.* 135
Стенографическій отчетъ засѣданій С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества (засѣданіе 18-го сентября и 3-го октября). 1
Объявленія.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Семья и Школа будетъ издаваться въ 1872 году по той же программѣ, въ томъ же объемѣ, съ тѣмъ же характеромъ какъ текста обѣихъ частей, такъ и приложеній, и по той же цѣнѣ какъ было въ нынѣшнемъ 1871 году.

Готовясь вступить во второй годъ дѣятельности, редакція считаетъ обязанностію заявить, что она далека отъ мысли считать свое изданіе безъукоризненнымъ и не смотря на обиліе матеріаловъ *) собственно редакціи, на интересъ возбуждаемый стенографированными преніями единственнаго въ Россіи Педагогическаго Общества, печатающимися въ приложеніи къ Семьѣ и Школѣ, она желаетъ вызвать возможно большее число дѣятелей педагоговъ и потому страницы ея открыты для педагогическихъ статей, особенно составленныхъ преподавателями, воспитателями и родителями. Всякаго рода педагогическія заявленія, вопросы и т. п. найдутъ мѣсто на страницахъ нашего журнала, который тогда только и можетъ быть полезенъ когда будетъ органомъ размѣна мыслей, зарождающихся въ современномъ обществѣ и интересующихъ его, когда поможетъ правильной постановкѣ и рѣшенію педагогическихъ вопросовъ.

Редакція, съ своей стороны, не дѣлая никакихъ обѣщаній и не ослабляя другихъ частей журнала, обратитъ въ 1872 году особенное вниманіе на все, что касается народныхъ школъ и народнаго образованія. Другой отдѣлъ, на который редакція полагаетъ обратить полное вниманіе есть библіографія, знакомство съ педагогическими сочиненіями, особенно съ учебниками, дѣтскими и народными книгами. Извѣстно что дѣтская и народная литература уже издавна у насъ составляютъ предметъ спекуляцій прибыльной для издателей, но часто безполезной для читателей; эта литера-

*) Фактически это доказывается тѣмъ, что Редакція, обѣщавъ подписчикамъ дать въ теченіи года 100—120 листовъ, дала въ восьми вышедшихъ нумерахъ уже около 140 листовъ, а съ выходомъ 10-го нумера дастъ до 170 листовъ, что составляетъ около 1/2 болѣе противу обѣщаннаго, не считая цѣлыхъ книжекъ данныхъ въ приложеніи.

тура имѣетъ огромное значеніе для будущихъ успѣховъ нашего общества. Содѣйствовать выработкѣ правильнаго взгляда на эти отрасли литературы есть прямой долгъ редакцій каждаго педагогическаго журнала, и мы постараемся въ этомъ отношеніи сдѣлать то, что въ нашихъ силахъ.

Подписка принимается для Иногородныхъ исключительно въ Редакціи въ С.-Петербургѣ на Владимірской д. № 7, для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, кромѣ Редакціи, въ книжныхъ магазинахъ *Колесова и Михина, Я. Исакова, Русской Книжной Торговли* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Въ Москвѣ у И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ домъ Алексѣева.

Цѣна безъ доставки за 10 нумеровъ въ 20 книгахъ съ приложеніями . . . . . 8 р.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ. 8 „ 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи . 8 „ 80 „
Съ пересылкою въ Западно-Европейскія Государства . . . . . 12 „ 50 „

За *аккуратную доставку* всѣхъ *приложеній* Редакція отвѣчаетъ только тѣмъ изъ *иногородныхъ подписчиковъ*, которые подписались *непосредственно* въ Редакціи.

Отвѣтственность за доставленіе журнала лежитъ на прямой обязанности почтамта: но такъ какъ почтамтъ не отвѣчаетъ за пропажу въ дорогѣ высланныхъ нумеровъ журнала, то редакція удовлетворяетъ жалобы подписчиковъ только при исполненіи слѣдующихъ условій:

1) Не получившій кокого-либо нумера Семьи и Школы обязанъ представить въ редакцію свидѣтельство мѣстной почтовой конторы въ томъ, что онъ дѣйствительно не получилъ такого-то № журнала, и

2) Редакція, при соблюденіи этого условія подписчикомъ, будетъ удовлетворять только тѣхъ изъ нихъ, которые согласно требованіямъ почтамта, заявятъ свои жалобы не позже полученія на мѣстѣ слѣдующаго нумера журнала.

Желающіе получить квитанцію въ полученіи высланныхъ въ редакцію денегъ прилагаютъ 10 копѣечную почтовую марку.

Редакторъ-Издатель **Юл. Симашко.**

С.-Петербургъ. Владимірская № 7.

ОБЪ ИЗДАНІИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА
„ДѢЛО“
въ 1872 году.

Журналъ «ДѢЛО» будетъ издаваться въ 1872 году, при постоянномъ участіи прежнихъ его сотрудниковъ, въ томъ же направленіи и по той же программѣ, какъ и въ прошлые пять лѣтъ.

Годовое изданіе журнала «ДѢЛО» состоитъ изъ *двѣнадцати* книгъ отъ 30—33 листовъ каждая большаго формата.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки	14 руб.
съ пересылкой иногороднымъ	15 » 50 коп.
съ доставкой въ Петербургѣ	15

Подписка адресуется въ С.-Петербургъ, въ контору Редакціи журнала „ДѢЛО“ — (адресъ ея извѣстенъ Почтамту). Въ книжный магазинъ М. О. Вольфа (въ Гостиномъ Дворѣ № 18, 19 и 20). Въ Москвѣ: книжные магазины И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ въ домѣ Алексѣева) и М. М. Черенина (на Рождественкѣ въ домѣ Торлетцскаго).

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

изданія редакціи „Семья и Школа“.

1. **К. Д. Ушинскаго.** Портретъ покойнаго **20** коп.

2. **Бэме.** Письма о воспитаніи переводъ Кожевниковой и Ржевской. Цѣна **30** коп.

3. **Н. Бунакова.** Обученіе грамотѣ по звуковому способу въ связи съ предметными уроками и первоначальными упражненіями въ родномъ языкѣ. Все сочиненіе состоитъ изъ

1) Руководство для учащихъ;
2) Листы съ азбукой.
3) Первая книжка
4) Вторая книжка } Уроки чтенія.
5) Третья книжка

Цѣна полнаго экземпляра **25** коп.

Для школъ выписывающихъ не менѣе **25** экз.: цѣна за каждый **15** коп., но на 25 экз. дается только одинъ экз. Руководства для учащихъ.

Пересылка на счетъ покупателя.

МОТИВЫ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ.

Педагогико-психологическіе этюды по Грубе.

Предлагаемые этюды имѣютъ своею задачею дать читателямъ не переводъ, а возможно популярное изложеніе не совсѣмъ понятныхъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ, для нашей читающей публики, статей нѣмецкаго педагога Грубе, изданныхъ имъ подъ общимъ заглавіемъ: „Das Menschliche Triebleben der Seele“. Шаткость психологическихъ понятій въ нашемъ обществѣ, недостатокъ психологическихъ свѣдѣній, даже въ средѣ лицъ ближайшимъ образомъ стоящихъ къ дѣлу воспитанія, несмотря на общепринятое признаніе новѣйшей педагогики, что основаніе ея должна составлять психологія и антропологія; съ другой стороны, признанный педагогическій авторитетъ Грубе, извѣстнаго нашимъ читателямъ по переводамъ его сочиненій по исторіи, географіи, геометріи и ариѳметикѣ—все это достаточно объясняетъ появленіе въ нашемъ журналѣ предлагаемыхъ этюдовъ. Мы не беремъ на себя передать нашимъ читателямъ всю упомянутую книжку Грубе, а выбирая на первый разъ статью „о наклонностяхъ“, имѣемъ въ виду помѣстить еще нѣсколько психологическихъ этюдовъ въ популярномъ изложеніи.

1. О наклонностяхъ.

Жизнь человѣческой души сама по себѣ уже жизнь индивидуальная; она выражается въ каждомъ человѣкѣ особеннымъ образомъ. Отношеніе этой жизни къ внѣшнему міру въ главныхъ чертахъ опредѣляется еще прежде, чѣмъ человѣкъ бываетъ въ состояніи сознавать ее. Раса, національность, племя, семейство, природныя свойства,

темпераментъ ставятъ ребенка при самомъ рожденіи его въ опредѣленныя отношенія къ внѣшнему міру; ребенокъ приноситъ съ собою на свѣтъ извѣстныя ему свойственныя силы и стремленіе дѣйствовать этими силами, согласно присущимъ ему природнымъ свойствамъ, точно такъ-же, какъ члены тѣла требуютъ тѣхъ движеній, которыя имъ свойственны. Негръ чувствуетъ, желаетъ и думаетъ съ самаго рожденія иначе, чѣмъ монголъ, а тотъ и другой опять иначе, чѣмъ европеецъ кавказской расы. Въ крови американскаго индѣйца лежитъ наклонностъ къ безпрерывной бродячей жизни, къ охотѣ. Вообще, люди, принадлежащіе къ одному и тому же племени, имѣютъ нѣчто общее относительно направленія ихъ дѣятельности, *наклонность*, лежащую въ ихъ природѣ, и этой наклонности они слѣдуютъ безсознательно.

Члены семейства, при всѣхъ своихъ характерическихъ особенностяхъ и отличіяхъ, имѣютъ общій семейный типъ—не только въ чертахъ лица, въ походкѣ и манерахъ, но и въ нѣкоторыхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, которыя не должно считать за результатъ воспитанія или подражанія: онѣ составляютъ прирожденное свойство каждаго субъекта. При одинаковыхъ или схожихъ темпераментахъ проявляются одинаковыя или схожія наклонности. Сангвиникъ спѣшитъ отъ удовольствія къ удовольствію и не предается долго печали, между тѣмъ какъ меланхоликъ постоянно склоненъ предаваться грустному чувству. Рѣшительный холерическій темпераментъ рано выразится решительною реакціею, съ которою онъ будетъ принимать впечатлѣнія внѣшняго міра, всегда готовъ бороться съ ними; флегматическій темпераментъ также не легко будетъ поддаваться внѣшнимъ впечатлѣніямъ, но только вслѣдствіе меньшей воспріимчивости къ нимъ и свойственной ему неподвижности. Кровь, смотря по тому, будетъ ли она жиже или гуще, легче или тяжелѣе, содержитъ ли она болѣе кислорода или углерода, алѣе ли она или темнѣе—слѣдовательно болѣе артеріальна или венозна— оказываетъ рѣшительное вліяніе на наклонность къ веселому состоянію духа, къ легкомыслію или къ меланхоліи. Какъ доказалъ Молешотъ на лягушкахъ, химическія измѣненія нервной массы составляютъ причину, почему весною и осенью возбужденность этихъ животныхъ достигаетъ высшей степени, чѣмъ зимою и лѣтомъ; отъ этой же причины можетъ зависѣть большая возбужденность, большая свѣжесть у человѣка утромъ и въ юности, чѣмъ вечеромъ и въ старости. Каждый возрастъ имѣетъ свой особый темпераментъ и принадлежащія ему наклонности, которыя являются вслѣдствіе естественной потребности и ни сколько не зависятъ отъ воли человѣка. Отъ разнообразнаго смѣшенія и развитія темперамен-

товъ у каждаго индивида происходятъ также разныя наклонности и антипатіи, принадлежащія только извѣстному индивиду, такъ что и въ этомъ отношеніи одинъ индивидъ не бываетъ схожъ съ другимъ. Эту природную особенность, которая выражается въ видѣ *странной* симпатіи или антипатіи, мы называемъ „идіосинкразіей“. Есть люди, которымъ чрезвычайно нравится тотъ или другой запахъ, дѣйствующій на большинство людей непріятно. Шиллеръ любилъ запахъ гнилыхъ яблоковъ, который пріятно дѣйствовалъ на его нервы; поэтому въ ящикѣ его письменнаго стола всегда лежало нѣсколько такихъ яблоковъ. Въ видѣ *идіопатіи* являлось у Гёте чувствуемое имъ по временамъ желаніе безпрестанно чихать, въ видѣ *антипатіи* — отвращеніе его къ табачному дыму, который чрезвычайно непріятно дѣйствовалъ на его нервы, и на первыхъ порахъ такъ сильно, что у него однажды сдѣлались сильныя судороги и онъ долженъ былъ лечь въ постель. Такую антипатію безошибочно можно объяснять нѣжностію и чувствительностію даже совершенно здоровой нервной системы. Герцогъ Эпернонъ падалъ безъ чувствъ, когда видѣлъ зайца; Ришилье съ трудомъ могъ удерживаться при видѣ векши; съ Байлемъ дѣлались конвульсіи при видѣ обыкновенной дождевой капели, и даже Петръ Великій въ года своего дѣтства не могъ перейти мостъ, не задрожавъ при взглядѣ на воду. Тѣмъ не менѣе онъ преодолѣлъ это отвращеніе къ водѣ, имѣвшее конечно свои физіологическія причины, одною любовью къ мореплаванію и сдѣлался отличнымъ морякомъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ дѣйствуетъ чувство противъ чувства, сила противъ силы, и бываютъ примѣры, что люди чрезвычайно боявшіеся пауковъ, жабъ, ящерицъ и т. п., при извѣстныхъ обстоятельствахъ, напр. поставленные въ необходимость наблюдать и изучать ихъ, начинали даже интересоваться тѣми-же животными. Любя быть вмѣстѣ съ герцогомъ или Шиллеромъ, побуждаемый можетъ быть и другими обстоятельствами жизни, Гёте, какъ извѣстно, преодолѣлъ наконецъ свою антипатію къ табачному дыму. Если извѣстная идіосинкразія, исходящая прямо изъ извѣстныхъ органическихъ условій, и не можетъ быть совершенно уничтожена, то все таки ее можно преодолѣть и сдѣлать наконецъ безвредною. Никто конечно не можетъ сдѣлать себя совершенно свободнымъ отъ вліяній своего темперамента; на твердость нашихъ мыслей и воли конечно постоянно будутъ дѣйствовать благопріятныя или неблагопріятныя условія нашего темперамента; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы всѣмъ этимъ условіямъ необходимо подчинялся самосознающій человѣческій духъ. Даже раса не составляетъ необходимыхъ условій проявленія и раскрытія высшихъ сторонъ человѣческой природы; негръ, стоящій на низ-

шей ступени человѣчества, носитъ въ себѣ задатки человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова и можетъ, какъ свидѣтельствуетъ неоднократный опытъ, выразить въ своемъ родѣ родовой характеръ человѣчества. Мы говоримъ *въ своемъ родѣ*, потому что, конечно, негрская раса сама по себѣ никогда не будетъ въ состояніи сдѣлать того, что сдѣлала, и можетъ сдѣлать раса кавказская; точно такъ-же, какъ одинъ индивидъ никогда не сравняется съ другимъ одной съ нимъ расы, національности и даже семейства въ усвоеніи научныхъ познаній, въ развитіи разнаго рода высшихъ техническихъ способностей и вообще въ развитіи силъ тѣлесныхъ и духовныхъ; точно такъ-же, какъ женщина никогда не сравняется съ мужчиной въ занятіяхъ искуствами и науками, въ дѣятельности политической, церковной и общественной. Великая идея равенства всѣхъ, основанная на отвлеченномъ понятіи такъ называемаго гуманизма, заключаетъ въ себѣ ту существенную ошибку, что имѣетъ своимъ предметомъ не только общечеловѣческія начала въ однородныхъ существахъ, а напротивъ старается индивидуальныя особенности обратить въ отвлеченное общее; старается сгладить, а иногда даже уничтожить естественныя различія и особенности: къ племени индусовъ или негровъ непосредственно привить европейскую цивилизацію, дать женщинѣ занятіе мужчины, ребенку сообщить права зрѣлаго возраста. Такое стараніе никогда не увѣнчается успѣхомъ, потому что каждый возрастъ и полъ, каждая индивидуальность человѣка и народа имѣетъ *свои особенныя наклонности* вслѣдствіе прирожденныхъ ей *силъ*, имѣющихъ свое прямое основаніе въ самой этой индивидуальности,—и этихъ то силъ нельзя придать извнѣ, на нихъ напротивъ должно смотрѣть какъ на задатки, которые необходимо требуютъ своего проявленія и развитія и всегда вправѣ противодѣйствовать всякимъ насиліямъ извнѣ.

Отъ наклонностей, основанныхъ на природныхъ свойствахъ человѣка, мы переходимъ къ наклонностямъ, которыя не имѣютъ въ основаніи своемъ природныхъ особенностей индивида, къ наклонностямъ по этому *случайнымъ*. Нѣкоторые, напр., имѣютъ большую страсть къ танцамъ и при всемъ стараніи никогда не достигаютъ удовлетворительныхъ успѣховъ въ этомъ искуствѣ. Есть любители, которые съ съ величайшимъ удовольствіемъ занимаются сочиненіемъ поэтическихъ произведеній и музыкой, не имѣя настоящихъ поэтическихъ и музыкальныхъ способностей. Здѣсь дѣло объясняется просто: наклонность здѣсь развивается вслѣдствіе пріятнаго возбужденія чувствъ; вслѣдствіе тѣхъ сильныхъ впечатлѣній на чувства, которыя произвело на нихъ чтеніе поэтическихъ произведеній, слушаніе музыкальныхъ піесъ, частое посѣщеніе баловъ. Мало того: въ духовной жизни своей,

точно такъ-же, какъ и въ жизни тѣлесной, человѣкъ постоянно развивается; поэтому могутъ образовываться способности и проявляться наклонности, которыхъ (хотя онѣ и произошли на основаніи присущихъ индивиду природныхъ силъ) прежде не было, и которыя обязаны своимъ появленіемъ только внѣшнимъ условіямъ, отношеніямъ и обстоятельствамъ.

Въ этомъ смыслѣ говоримъ мы о *пріобрѣтенныхъ и случайныхъ* наклонностяхъ. При продолжительныхъ физическихъ страданіяхъ даже темпераментъ можетъ измѣниться; внезапная перемѣна въ условіяхъ жизни можетъ случайно измѣнить всё обычное настроеніе нашего духа—и при такихъ перемѣнахъ въ жизни обнаруживаются часто такія наклонности, которыя повидимому противорѣчатъ прежнему характеру человѣка.

Строго различать, проистекаютъ ли наклонности съ необходимостію изъ извѣстныхъ индивидуальныхъ условій, или-же онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ только внѣшнимъ, преходящимъ обстоятельствамъ—*должно быть одною изъ главныхъ заботъ воспитателя.* Всѣ почти дѣти, если только они здоровы, имѣютъ наклонность мѣриться другъ съ другомъ силами, приставать, придираться другъ къ другу; во всѣхъ дѣйствуетъ влеченіе къ общительности и желаніе играть. Но между тѣмъ какъ одинъ ребенокъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ превосходство своихъ физическихъ силъ, свою ловкость и выступаетъ съ отвагою, съ увѣренностію въ успѣхѣ борьбы,—другой съ горестію убѣждается, что силы его недостаточны, что члены его не искусны, что движенія его не ловки и самъ онъ не расторопенъ. Въ первомъ пробуждается наклонность, или какъ говорятъ, „*страсть*“, „*охота*“ бороться, лазить, прыгать; другой, напротивъ, чувствуетъ ко всему этому отвращеніе, потому что со всѣми подобными упражненіями связано для него непріятное чувство; одинъ предпочитаетъ шумныя занятія, другой—тихія, и между тѣмъ какъ одаренный крѣпкимъ организмомъ мальчикъ не охотно будетъ заниматься играми, требующими спокойнаго размышленія и сообразительности, ребенокъ физически слабѣйшій, но превосходящій перваго умомъ, будетъ предпочитать тѣ игры, въ которыхъ онъ можетъ высказать *свое* превосходство. Сильный мальчикъ съ мускулистыми руками любитъ гимнастическія упражненія, потому что чувствуетъ въ себѣ силу; онъ съ удовольствіемъ заглядываетъ и въ кузницу, и въ слесарню; ему самому хотѣлось бы сдѣлаться кузнецомъ или слесаремъ. Слабый ребенокъ, напротивъ, врядъ ли почувствуетъ наклонность къ подобнымъ ремесламъ, между тѣмъ какъ удачное выполненіе класныхъ уроковъ, живое проявленіе умственной силы, побѣждающей всѣ трудности, рано пробудитъ въ немъ

охоту къ чтенію и къ научнымъ занятіямъ. Онъ съ особеннымъ интересомъ прислушивается къ подвигамъ генія, героевъ науки и искуства, съ чувствомъ благоговѣнія входитъ въ кабинетъ ученаго и съ тайнымъ удовольствіемъ посматриваетъ на большую библіотеку. Кто одаренъ тонкимъ музыкальнымъ слухомъ, тотъ слушаетъ музыку съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ другой, не имѣющій такого слуха, и если онъ замѣтитъ, что можетъ безъ труда запомнить нѣкоторыя мелодіи, то скоро почувствуетъ наклонность напѣвать ихъ. Ребенокъ, учась говорить и съ удовольствіемъ замѣчая свою способность произносить звуки, чувствуетъ наклонность какъ можно чаще дѣйствовать своими органами рѣчи, лепечетъ безъ умолку и сначала говоритъ для того только, чтобы говорить, составлять звуки, даже безъ мысли и смысла. Случается также, что наклонность къ извѣстнаго рода дѣятельности, къ извѣстной наукѣ или искуству пріобрѣтается насильственнымъ преодолѣніемъ неохоты. Извѣстны примѣры великихъ пѣвцовъ и музыкантовъ, которыхъ съ дѣтскаго возраста отцы и воспитатели съ большою жестокостію принуждали пѣть и играть, и однако же они полюбили навязанное имъ силою извнѣ занятіе тогда, когда съ развитіемъ своихъ дарованій почувствовали свою собственную силу и всегда соединенное съ ея сознаніемъ высокое наслажденіе. Здѣсь неохота въ началѣ происходитъ только отъ того, что интересъ направленъ съ большею живостію въ какую нибудь другую сторону; каждое нерасположеніе предполагаетъ наклонность и каждая наклонность въ одну сторону имѣетъ въ свою очередь слѣдствіемъ нерасположеніе къ противуположности. То, что мы называемъ *природною лѣнью* человѣка, есть также стремленіе оставаться въ томъ состояніи въ которомъ онъ находится, и лѣность не есть только отрицательное свойство, но положительное преобладаніе растительной жизни сравнительно съ дѣятельностію мозга. Если ребенку давать слишкомъ много и слишкомъ часто пищу—даже когда онъ ее хорошо переваритъ—и если притомъ слишкомъ мало возбуждать его умственную дѣятельность, мало давать пищи его чувствамъ зрѣнія, слуха, его дару слова, если препятствовать его внѣшней дѣятельности, то онъ будетъ чувствовать свою силу только въ одну сторону и можетъ развить въ себѣ преобладаніе животной жизни. Но отъ такой лѣности, происходящей отъ недостатка въ упражненіяхъ, отъ ослабленія умственныхъ силъ, должно отличать ту лѣнь, которая является въ извѣстные періоды органическаго развитія, и съ которою должно обращаться съ *большею снисходительностію*. На время остановленное возбужденіе ума къ дѣятельности проявится, какъ только будутъ устранены существующія въ организмѣ препятствія, съ большею противъ прежняго

свѣжестію, и ребенокъ наверстаетъ въ короткое время то, что имъ было упущено.

Мы грѣшимъ противъ человѣческой натуры, когда образуемъ таланты на счетъ здоровья, и грѣшимъ противъ свойственнаго каждому человѣку генія, принуждая избрать призваніе, къ которому онъ не имѣетъ и не можетъ почувствовать склонности, потому что у него нѣтъ природныхъ для него дарованій. Но нельзя также не замѣтить, что въ каждомъ человѣкѣ коренится гораздо болѣе природныхъ задатковъ, нежели сколько онъ самъ сознаетъ, что иного просто надо бросить въ воду, чтобы онъ выучился плавать, и потомъ сдѣлался охотникомъ до плаванія, что иного надо отвести къ тому мѣсту и поставить тамъ, куда бы онъ самъ не пошелъ, — и гдѣ онъ, однакожъ, хотя бы вынужденный обстоятельствами, скоро утвердится и заживетъ такою дѣятельною жизнію, что самъ будетъ дивиться.

Съ каждымъ сильно возбудившемся въ человѣкѣ влеченіемъ въ душѣ возникаетъ наклонность удовлетворять этому влеченію, доставлять ему пищу, слѣдовать во всемъ его направленію, потому что съ удовлетвореніемъ его непремѣнно связывается удовольствіе. Если путь въ подобномъ направленіи душевной жизни широкъ и свободенъ, душа легко и свободно слѣдуетъ имъ и ей пріятно бываетъ оставаться на этомъ пути. Если потребовать отъ души внезапной перемѣны движенія, особенно если потребовать движенія въ противоположномъ направленіи, то пришлось бы прибѣгнуть къ такому же насилію, какое нужно употребить, чтобы сдвинуть экипажъ на другую колею, или движущееся тѣло вдругъ заставитъ идти по направленію прòтивуположному прежнему. Отсюда происходитъ сила *привычки* и ея вліяніе на наши наклонности. Что мы *привыкли* дѣлать, то дѣлаемъ охотно; къ тому, чѣмъ мы долго и много занимаемся, мы чувствуемъ *любовь*. Французскій языкъ употребляетъ слово aimer въ самомъ обширномъ значеніи его (во фразѣ: j'aime à me promener означаетъ— частую, соединенную съ удовольствіемъ прогулку); по русски также говорятъ: *онъ любитъ игру, вино, кофе*, потому что отъ частой игры, питья вина и кофе происходитъ наклонность къ этому занятію, къ этимъ предметамъ наслажденія. Пріятность наслажденія, правда, уменьшается отъ частаго повторенія; кто каждый день куритъ, и особенно куритъ много, тотъ не будетъ чувствовать возбужденія и сознательнаго удовольствія отъ куренія, точно такъ, какъ и пьющій каждый день кофе, не чувствуетъ ни малѣйшаго волненія отъ этого напитка. Но и пріятныя ощущенія, которыя связаны были прежде съ часто повторявшимися прогулками, куреньемъ и употребленіемъ кофе, образуютъ наконецъ опредѣленныя расположенія души, которыя безсозна-

тельно укрѣпляются, сливаясь съ обыденною нашею жизнью, хотя въ отдѣльномъ случаѣ и не принимаются нашимъ сознаніемъ, какъ пріятныя ощущенія. Но именно это крѣпкое усвоеніе ихъ и дѣлаетъ ихъ силою, которая даетъ настроеніе душѣ и побуждаетъ ее къ повторенію привычныхъ возбужденій, и при отсутствіи тотчасъ выражается неудовольствіемъ, которое не прежде умолкаетъ, пока не будетъ возстановленъ, нарушенный порядокъ. Житель горной страны, которому каждый день приходится бороться съ суровою горною природой, съ трудомъ втаскивать по крутымъ скаламъ удобреніе полей, подвергаться съ стадами своими суровой непогодѣ, совсѣмъ не предается сантиментальному созерцанію красотъ горной природы, которая представляетъ ему гораздо болѣе тяжкихъ трудовъ, чѣмъ удовольствій; зеленыя горныя равнины, покрытыя травою, журчащіе водопады, грохочущія лавины для него такъ-же обыкновенны, какъ для жителя приморья приливъ и отливъ. Но душа его вбираетъ въ себя всѣ эти красоты природы безсознательно, какъ легкія его вдыхаютъ чистый, рѣзкій горный воздухъ,—и чѣмъ чаще будутъ повторяться эти впечатлѣнія, тѣмъ болѣе онѣ будутъ дѣлаться принадлежностію его существа, частію его самаго, такъ что если судьба вдругъ переброситъ его на равнину, въ немъ заговоритъ могучая любовь его къ роднымъ горамъ, имъ овладѣетъ тоска по родинѣ, которая можетъ даже перейти въ изнурительную болѣзнь. Каждое привычное занятіе, которое мы оставляемъ, каждая комната, въ которой намъ уже нельзя долѣе жить, каждый человѣкъ, съ которымъ мы должны разстаться, приводятъ въ сознаніе, и такимъ образомъ еще болѣе усиливаютъ нашу привязанность къ нимъ, производятъ нѣчто въ родѣ тоски по родинѣ; разлука подвергаетъ душу истязаніямъ, насильно отталкивая ее отъ предметовъ ея прежней наклонности. Но привычка, притупляя съ одной стороны, силу пріятныхъ ощущеній, притупляетъ—съ другой—и жало впечатлѣній непріятныхъ; своею постоянною сплою и твердостію она побѣждаетъ всѣ народы и всѣ попытки столкнуть душу съ ея установившагося жизненнаго пути; привычкою душа можетъ полюбить, даже некрасивое и непріятное. Уже постоянное преодолѣваніе препятствій доставляетъ удовольствіе, которое при частыхъ повтореніяхъ усиливается. Для курьера, оставившаго сначала по нуждѣ и неохотно милую ему комнату движеніе на открытомъ воздухѣ дѣлается потомъ потребностію, и онъ до такой степени привыкаетъ ко всякой погодѣ, что ни за какія деньги не захотѣлъ бы возвратиться къ своему прежнему сидячему образу жизни. Кто не имѣетъ товарищемъ никакое другое существо, для того и паукъ или жаба бываетъ пріятнымъ гостемъ.

Всякое дѣло въ началѣ бываетъ трудно. Приступая къ дѣлу, которому мы должны научиться, мы невольно всегда почти испытываемъ непріятное чувство, даже отвращеніе. Довести дѣятельность до умѣнья, значитъ обратить эту дѣятельность въ привычку. Все непривычное вступаетъ въ противорѣчіе съ нашей душой, вызываетъ ее на борьбу; но тогда, когда борьба рѣшается въ ея пользу, душа ощущаетъ удовольствіе. Затѣмъ уже ненужно никакого усиленнаго вниманія и напряженной силы воли, чтобы удержать усвоенное; потому что оно уже соединилось съ нами самими: — музыкальная пьеса находится въ нашихъ рукахъ, искуство говорить—на языкѣ, дорога—подъ ногами: мы овладѣли предметомъ. Съ достиженіемъ умѣнья въ дѣлѣ, усиленное напряженіе нашей души достигло своей цѣли, трудъ благополучно побѣжденъ и мы чувствуемъ, что вполнѣ овладѣли предметомъ: тогда является у насъ желаніе показать свое умѣнье. Кто хорошо говоритъ, тотъ охотно вступаетъ въ разговоръ, кто хорошо поетъ, тотъ любитъ, чтобы другіе его слушали. Даже собака, выучившаяся носить поноску, выражаетъ желаніе свое дать ей случай показать свое умѣнье. Говорить, пѣть, носить поноску обращается здѣсь въ привычку. Мы и физически и духовно лучше всего любимъ жить въ той средѣ, съ которой мы свыклись.

Чтобы пріучить человѣка поступать согласно требованіямъ доброй нравственности, для этого въ душѣ его должна быть образована *наклонность* дѣйствовать по долгу совѣсти, посредствомъ постояннаго повторенія, посредствомъ образованія умѣнья дѣлать добро. И для этого, прежде всего, придется преодолѣть всякаго рода нерасположеніе, подавлять непріятное впечатлѣніе непривычности дѣла, посредствомъ постояннаго повторенія чувства удовольствія, которое связано съ подавленіемъ чувственности.

Ребенку ежедневное умыванье, причесыванье и содержаніе себя въ чистотѣ въ началѣ бываетъ непріятно; непріятное чувство, производимое холодной водою, гребенкой и щеткой, хотя оно бываетъ очень непродолжительно, въ началѣ бываетъ довольно сильно, и дѣти, по естественной лѣни, стараются отдѣлаться отъ него, такъ что иногда необходимо прибѣгать къ насилію, чтобы пріучить ребенка къ опрятности. Но мало по малу беретъ силу чувство удовольствія, которое ощущается каждый разъ послѣ бани и умыванья; глазъ начинаетъ отличать чистое отъ нечистаго, чистота даже начинаетъ радовать ребенка; наконецъ, ежедневное очищеніе себя дѣлается для человѣка потребностію, прежнее отвращеніе замѣнилось *наклонностію*: прежнее удовольствіе жить въ грязи и безпорядкѣ, замѣнилось любовью къ порядку. Тоже самое относительно, не рѣдко замѣчаемаго

въ дѣтяхъ, излишества въ пищѣ. Въ началѣ трудно бываетъ умѣрить аппетитъ; но мало по малу умѣренность обращается въ привычку и всякаго рода неумѣренность чувствуется, какъ нѣчто въ высшей степени непріятное. Кто привыкъ рано вставать и скоро приводить въ порядокъ свои вещи, для того не составляетъ никакого труда поддерживать эту привычку, такъ что онъ правильно просыпается въ 5 часовъ и пр. Кто привыкъ къ чистому воздуху, тотъ не захочетъ дышать испорченнымъ. Кто привыкъ къ приличнымъ манерамъ въ обращеніи, къ дѣльному чтенію, къ изящнымъ удовольствіямъ, тотъ легко будетъ держаться на этой высотѣ, наклонности его уже получили репульсивное возбужденіе, отвергающее все пошлое, безмысленное и безобразное. Наслажденія, доставляемыя высшими чувствами—зрѣніемъ и слухомъ—принимаются сознаніемъ гораздо сильнѣе, чѣмъ наслажденія, воспринимаемыя мыслями, чувствами; дѣло только въ томъ, чтобы они постоянно повторялись и пріобрѣтенная наклонность имѣла бы настоящую себѣ пищу. Безусловное послушаніе такъ свойственно нравственной природѣ ребенка, что при немъ онъ чувствуетъ себя совершенно хорошо, если только воспитатели будутъ достойными представителями разумной воли, и сами не вызовутъ упрямства и протеста дѣтей несправедливостью и капризами. Слѣдуя разумному руководству, ребенокъ чувствуетъ нравственно поддерживаемою и подкрѣпляемою свою собственную волю, возвышеннымъ свое собственное существо; подчиняясь порядку и обычаямъ въ семействѣ или школѣ, онъ расширяетъ свое собственное маленькое тѣсное *Я*, онъ видитъ въ себѣ составную часть человѣческаго общества, и чѣмъ тверже и постояннѣе мы будемъ поддерживать его въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе будетъ устраняться внѣшнее принужденіе: мѣсто его заступитъ свободная склонность. Временными постановленіями, приказаніями, угрозами и наказаніями не создается нравственность; внѣшнее требованіе не пробудитъ наклонности и доброй воли; послѣднее достигается только привычкою къ закону, убѣжденіемъ въ его согласіи съ нашимъ собственнымъ нравственнымъ существомъ, упражненіемъ въ добрыхъ дѣлахъ, которое должно быть доведено до совершенства, сдѣлаться какъ бы природнымъ нашимъ свойствомъ. Но для этого необходимъ постоянный примѣръ добра и истины, благороднаго и прекраснаго, такъ чтобы все это живо воплощалось въ самихъ воспитателяхъ.

Даже на самаго испорченнаго и закоснѣлаго въ нравственномъ отношеніи человѣка мы можемъ нравственно повліять тогда, когда обратимся къ сохранившемуся въ немъ остатку добра, когда мы заставимъ его сознать, что въ немъ все еще есть нѣчто, заслуживаю-

щее уваженіе, когда мы встрѣтимъ его съ любовію и довѣріемъ; при этомъ только условіи мы можемъ возбудить въ немъ слабый зародышъ нравственнаго способа дѣйствованія, возбудить и подкрѣпить въ человѣкѣ желаніе подняться. Малѣйшая попытка къ исправленію должна быть встрѣчена съ самымъ живымъ сочувствіемъ, и этимъ подкрѣпится чувство высоко-нравственнаго наслажденія, возбужденнаго первымъ пробужденіемъ нравственной силы. Если на низшихъ ступеняхъ нравственной жизни любовь къ добру главнѣйше зависитъ отъ самаго воспитателя, отъ его нравственно-практическихъ примѣровъ и связаннаго съ ними личнаго расположенія къ воспитателю, то на высшихъ ступеняхъ подобное побужденіе замѣнитъ уже собственная наклонность. Ибо дѣлать добро *ради добра*, значитъ дѣлать его по внутреннему расположенію, по любви, потому что оно сознано и признано составною частію, или даже сущностью и силою человѣческаго бытія, потому что сердце такъ привыкаетъ дѣлать добро, что не требуется никакого усилія со стороны воли, чтобы дѣйствовать въ этомъ направленіи, потому что самая воля является здѣсь уже только выраженіемъ глубоко укоренившагося нравственнаго побужденія. Пока чувство долга не пустило корней въ сердцѣ, сознаніе долга не перешло въ нравственное побужденіе, пока долгъ и наклонность еще противопоставляются и даже исключаютъ другъ друга,—до тѣхъ поръ и нравственная личность остается несовершенною, а нравственныя дѣйствія ненадежны. Отдѣльныя геройскія усилія воли не имѣютъ большой цѣны, потому что за мгновеннымъ усиліемъ души тотчасъ же слѣдуетъ ослабленіе, а на отдѣльныя добрыя намѣренія нельзя много надѣятся, потому что они часто останавливаются на границѣ между представленіемъ и внутреннимъ, нравственнымъ побужденіемъ и отъ исполненія еще очень далеки. Христіанство имѣетъ такое великое практическое и глубокое психологическое значеніе потому, что оно беретъ и даетъ нравственный законъ не въ отвлеченной противоположности его чувствительности человѣка, но напротивъ чувство соединяетъ съ этимъ закономъ въ любви къ богочеловѣческой личности Іисуса Христа; отчего заповѣдь о долгѣ въ законѣ обращается въ свободную наклонность, а познаніе божественной воли проникаетъ въ собственный внутренній міръ человѣка и переходитъ въ собственные нравственные идеалы. Ошибка Стоиковъ, что въ нравственныхъ желаніяхъ и дѣйствіяхъ должно отвлечься отъ чувствъ человѣка, повторяется и въ категорическомъ императивѣ Канта. „Разсудокъ“, говоритъ критикъ—философъ, „удовлетворяется, когда законъ его безъусловно изгоняется“; но развѣ это удовлетвореніе не есть чувство, развѣ оно можетъ обнаружиться иначе, какъ въ чувствѣ? И

развѣ индивидуальный, эмпирическій человѣкъ исчезаетъ, когда онъ возноситъ свое временное, условное бытіе до абсолютнаго? Нѣтъ, истинная нравственность не можетъ миновать чувства; въ немъ то и коренится въ собственномъ смыслѣ нравственный элементъ.

Такимъ образомъ наклонность можетъ и нисходить въ безсознательную не свободную жизнь чувствъ, и восходить въ область сознательной свободной воли. *Любовь* — высшая и благороднѣйшая форма развитія наклонности. Совершенно иной характеръ имѣетъ *пожеланіе*. Любовь стремится возвышать свой предметъ, имѣетъ къ нему постоянное и продолжительное отношеніе; пожеланіе дѣлаетъ свой предметъ средствомъ удовлетворенія эгоистическихъ потребностей. Любовь спокойна и задушевна, она не уязвляется, подобно пожеланію, и не возмущается неудовлетвореніемъ желаемаго непремѣнно въ извѣстный моментъ. Вообще наклонность дѣлаетъ вещи лицами, вступаетъ съ ними въ задушевное отношеніе; пожеланіе—наоборотъ—дѣлаетъ лица вещами, потому что ищетъ въ нихъ только *эгоистическаго* удовлетворенія. Всѣ душевные мотивы, опредѣляющіе свободныя отношенія между людьми, напр. отношеніе товарищества, дружбы, нравственной симпатіи или такъ наз. душевнаго расположенія—суть собственно наклонности. Взаимныя отношенія половъ также имѣютъ въ себѣ нравственныя основы, когда они, отъ чисто чувственнаго побужденія, возвышаются до свободной наклонности. Чувство *чести*, какъ наклонность, есть тоже чисто гуманное побужденіе, которое стремится чрезъ уваженіе къ общественному мнѣнію расширить свое *частное Я* до *общественнаго*, между тѣмъ какъ *честолюбіе* есть эгоистическая страсть, которая сочувствуетъ общему на столько, на сколько это общее соотвѣтствуетъ личному интересу.

Какъ скоро наклонность готова сдѣлаться пожеланіемъ или страстію, и свободное отношеніе къ предмету потеряно, мы называемъ ее *пристрастіемъ*. Въ пристрастіи предметъ уже беретъ перевѣсъ надъ личностію, какъ бы порабощаетъ ее. Пристрастіе можетъ образоваться изъ наклонности, но не наоборотъ — наклонность изъ пристрастія. Оно не есть что либо прирожденное, первоначальное; маленькія дѣти имѣютъ иногда наклонности, но никогда никакихъ пристрастій.

И такъ, если наклонность есть расположеніе духа подчиняться влеченію чувства, то пристрастіе есть расположеніе къ пожеланію, къ страсти. Мы говоримъ о пристрастіи къ вину, къ картежной игрѣ, къ сластолюбію, къ воровству, къ обману, ко лжи, а также о пристрастіи къ музыкѣ, къ пѣнію. Но такое пристрастіе слишкомъ обще, потому что опредѣляется широкимъ кругомъ предметовъ; бываетъ пристрастіе исключительное, даже индивидуальное. Вмѣсто пристра-

стія къ музыкѣ и пѣнію вообще, можно пристраститься къ извѣстнаго рода музыкальнымъ пьесамъ, даже къ извѣстнымъ инструментамъ и голосамъ. Люди, которыхъ на обыкновенномъ языкѣ называютъ *охотниками*, на языкѣ психологіи тоже должны быть названы *пристрастными;* таковы напр. охотники ружейные, охотники до лошадей, птицъ, канареекъ, соловьевъ, пѣтуховъ и т. п.

Въ пристрастіи отношеніе наше къ предмету въ сущности завпситъ, какъ мы выше замѣтили, уже отъ самаго предмета нашей наклонности. Бенеке въ своемъ учебникѣ психологіи (2-te Aufl. § 172) говоритъ, что „каждый оставшійся отъ пріятнаго ощущенія слѣдъ способенъ къ двоякому воспроизведенію: какъ пріятное *воспоминаніе* и какъ *влеченіе*“. При обильномъ накопленіи слѣдовъ, которые остаются отъ одинаковыхъ пріятныхъ ощущеній, въ моментъ воспроизведенія въ представленіе, слѣды эти сливаются между собой, совокупность подобныхъ представленій, по мѣрѣ ихъ силы и обилія, и обозначаютъ выраженіями: *наклонность*, *пристрастіе*, *страсть*. Далѣе, Бенеке говоритъ, что эти три рода огромнаго накопленія слѣдовъ точнѣе всего можно различать по ихъ относительной возбудительности. *Наклонность*, въ тѣсномъ смыслѣ слова, пробуждается къ сознанію тогда, когда дѣйствуютъ на нее сродные ей элементы; *пристрастіе* получаетъ силу уже и тогда, когда къ пробужденію его данъ косвенный и отдаленный поводъ. Но *страсть* владѣетъ преимущественнымъ обиліемъ слѣдовъ, такъ что она тотчасъ же стремится къ сознанію, и тотчасъ же возбуждается, какъ скоро душу оставляютъ другія, несродныя страсти стремленія.

Въ каждой наклонности безъ исключенія мы находимъ *охоту* и *предпочтеніе*. Здѣсь важно то, что мы „любимъ“, т. е. предпочитаемъ другому: пассивную задумчивость, пріятную жизнь въ чувствахъ и воспоминаніяхъ, или живую и энергическую общественную дѣятельность. Направлена-ли наша наклонность на чувственное наслажденіе, или мы болѣе расположены къ идеальной любви и дружеству, которое заставляетъ насъ какъ бы совершенно забыть наше собственное *Я* и вполнѣ предаться обожаемому предмету—въ томъ и другомъ случаѣ на первомъ планѣ стоитъ наше собственное *Я*, которое даетъ основаніе предпочтенію предмета, а затѣмъ и наклонности къ нему. Дитя конечно потому только любитъ своихъ родителей, что они воспитываютъ его съ перваго дня его существованія, постоянно заботятся о его тѣлесномъ и духовномъ развитіи. Съ первыми проблесками сознанія, дитя воспринимаетъ въ себя ихъ образъ, сливаетъ его съ каждымъ шагомъ въ развитіи своего собственнаго самосознанія. Образъ этотъ не можетъ не дѣйствовать и на чувство

и такъ слагается то, что мы называемъ *почитаніемъ*, *преданностію*, которая можетъ назваться понятіемъ и сужденіемъ чувства.

Какъ мы цѣнимъ только то, что въ какомъ бы то ни было отношеніи благопріятно дѣйствуетъ на нашу жизнь—поддерживаетъ ее, развиваетъ, нравственно и умственно возвышаетъ,—такъ и интересуемся только тѣмъ, что цѣнимъ, или что имѣетъ отношеніе къ нашей наклонности. Каждый интересъ предполагаетъ наклонность, имѣетъ непосредственное отношеніе къ тѣмъ побужденіямъ нашихъ чувствъ, удовлетворять которымъ мы привыкли, или склонны, Когда мы приступаемъ къ какой-нибудь новой для насъ тяжелой умственной работѣ, сначала всегда чувствуемъ нѣкоторое отвращеніе, потому что представленіе трудности и несродности этой работы, съ которой умъ еще не освоился, не позволяетъ возбудиться чувству охоты. Но когда силы къ дѣятельности окрѣпли, пріятное сознаніе постепенно достигаемаго стремленія одушевляетъ и поддерживаетъ нашу дѣятельность, мы уже чувствуемъ охоту, наклонность идти впередъ, и скоро предметъ нашей дѣятельности такъ овладѣваетъ нами, что все, что имѣетъ къ нему сколько-нибудь родственное отношеніе изъ того напр., что мы говоримъ, что читаемъ, мгновенно возбуждаетъ въ сознаніи уже сложившееся представленіе о немъ, потому что все подобное встрѣчаетъ въ насъ соотвѣтствующую себѣ наклонность. Иной разговоръ или иное мнѣніе, къ которымъ прежде мы были совершенно равнодушны, теперь намъ кажутся въ высшей степени интересными, иная книга, которая прежде представлялась намъ въ высшей степени скучною, теперь возбуждаетъ въ насъ интересъ, увлекаетъ насъ. Кто любитъ или ненавидитъ какую-нибудь особу, тотъ очень интересуется всѣмъ, что думаютъ или говорятъ о ней—принимаетъ *участіе*, потому что представленіе этой особы само составляетъ часть его нравственной жизни. Дитя съ большимъ интересомъ любуется краснощекими яблоками или розовыми вишнями, потому что съ представленіемъ ихъ воспоминаются связанныя съ ними наслажденія. Оно приходитъ въ восторгъ, приготовляясь къ путешествію, потому что представленіе новыхъ предметовъ, съ которыми оно должно во время путешествія встрѣтиться, возбуждаетъ сильно развитое въ немъ любопытство. То и другое интересуетъ ребенка, потому что удовлетворяетъ естественнымъ въ дѣтскомъ возрастѣ жаднымъ потребностямъ постоянно развивающейся и требующей себѣ обильной и здоровой пищи тѣлесной и духовной жизни. Дитя съ большимъ интересомъ слушаетъ сказки, потому что ихъ образы соотвѣтствуютъ кладу его душевной жизни, любящей міръ фантазіи. Если дитя раздѣляло съ своими родителями радости и печали, если испытывало

вмѣстѣ съ ними, что значитъ неожиданная помощь въ нуждѣ, если само подавало несчастнымъ и бѣднымъ утѣшеніе и пособіе и само испытывало благотворное чувство благодѣяній,—въ немъ пробудится живой личный интересъ, когда зайдетъ рѣчь о бѣдномъ семействѣ, обнаружится инстинктивное желаніе помочь ему, и когда онъ придетъ въ школу, въ урокахъ религіи онъ съ особеннымъ интересомъ будетъ слушать притчу о благодѣтельномъ Самарянинѣ и заповѣдь о любви къ ближнему; между тѣмъ какъ другое дитя, богатыхъ родителей, для котораго никогда не была близка къ сердцу нужда бѣдныхъ людей, отнесется ко всему подобному совершенно безъучастно и воспримetъ все только на память. Хорошо подготовленный ученикъ понимаетъ каждое слово учителя и находитъ большой интересъ слѣдить за его преподаваніемъ, которое другіе, дурно подготовленные, находятъ незанимательнымъ и скучнымъ. Торговецъ желѣзомъ совершенно безъ интереса проходитъ мимо дубоваго дерева, которое продавецъ дровъ разсматриваетъ съ интересомъ, потому что, принимая во вниманіе купленныя имъ деревья, онъ соображаетъ, какой оно можетъ принести барышъ, разсчитываетъ про себя, сколько бы можно было изъ него наколоть саженъ дровъ. Живописецъ разсматриваетъ то же самое дерево совершенно съ другимъ интересомъ; его интересуетъ видъ, листья дерева, положеніе вѣтвей, треснувшая кора—вещи, о которыхъ вовсе не заботился продавецъ дровъ.

Если каждый интересъ имѣетъ въ основаніи своемъ наклонность, то и наоборотъ, иногда совершенно случайный интересъ пробуждаетъ еще не успѣвшую развиться въ душѣ наклонность. Сельскому хозяину, прежде не имѣвшему понятія о ботаникѣ, случайно попало въ руки ботаническое сочиненіе. Онъ научается подробнѣе и основательнѣе разпознавать растенія, начинаетъ находить интересъ въ ихъ описаніи и классификаціи, получаетъ наклонность къ ботаническимъ занятіямъ и дѣлается хорошимъ ботаникомъ. Очевидно, здѣсь случайный интересъ пробудилъ таившееся въ душѣ расположеніе къ подобнаго рода занятію.

Воспитаніе должно строго разграничивать интересы и заботиться о томъ, чтобы проявлялись *высшіе, прочные* интересы,—другими словами, чтобы интересъ соотвѣтствовалъ преимущественно требованіямъ духовно-нравственной природы человѣка. Государство и церковь, конечно, должны помогать въ этомъ дому и школѣ. Нравственность образуется не иначе, какъ изъ отдѣльныхъ наклонностей. Онѣ должны развиваться постепенно, сообразно ихъ нравственной высотѣ: сначала низшія, но по мѣрѣ того, какъ будутъ входить въ силу высшія наклонности, нужно заботиться, чтобы первыя подчини-

лись имъ, иначе: чтобы высшія наклонности, тотчасъ же по своемъ пробужденіи, сознаны были какъ высшія.

Гдѣ есть наклонность, тамъ уже не далеко до *доброй воли*, и для того, чтобы дать ей постоянное направленіе, необходимо прежде всего образованіе наклонности. Наклонность—это архимедова точка, съ которой уясняется личность человѣка и съ которой она приводится въ движеніе. Страсть и порокъ легче укореняются въ душѣ, нежели наклонность, и притомъ они такъ овладѣваютъ ею, что тяготѣютъ надъ ней, мѣшаютъ всякимъ свободнымъ отправленіямъ.

Въ своихъ наклонностяхъ душа является на столько же опредѣляющею, какъ и опредѣляемою. Этимъ мы пользуемся для того, чтобы подавлять низшія и порочныя наклонности, и возбуждать другія—высшія и благородныя, которыя поддерживаютъ и возвышаютъ наше чувство собственнаго достоинства. Борьба съ порочными наклонностями чрезъ простое запрещеніе и наказаніе, вообще только отрицательное воспитаніе, рѣдко достигаетъ своей цѣли, если того же самаго не дѣлаетъ воспитаніе положительное. Жадность въ пищѣ никогда не излѣчивается частыми постами. Противъ чувственныхъ влеченій вооружаются не для того, чтобы лишить ихъ естественнаго, законнаго удовлетворенія, а для того, чтобы въ ущербъ имъ дать жить духовнымъ стремленіямъ, которыя, по своему болѣе высокому наслажденію, гораздо сильнѣе дѣйствуютъ на сознаніе, и чувственныя влеченія отстраняютъ на второй планъ; только тотъ, кто научился цѣнить высокое, умѣетъ презирать и низкое.

Непосредственно насильственнымъ подавленіемъ наклонности мы только раздражаемъ ее: она обнаруживаетъ въ такомъ случаѣ стремленіе сохранить себя и употребляетъ всѣ силы для сопротивленія. Какъ прежде, нежели мы окончательно уничтожимъ привычку, мы долгое время страдальчески испытываемъ ея силу и значеніе въ обыденной нашей жизни, и природа стремится возвратить себѣ то, съ чѣмъ она сроднилась,—точно также предметъ нашей наклонности пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ еще большую цѣну и достоинство, когда мы хотимъ ее уничтожить. Представленіе его возбуждаетъ постоянное влеченіе къ нему, и напротивъ отвращеніе ко всему противному, которое, усиливаясь по мѣрѣ усиленія влеченія, является наконецъ *ненавистно*. Если же на мѣсто уже укоренившейся наклонности мы вздумали бы насильственно насадить въ душѣ дитяти другую наклонность, противоположную существующей, то непріятное чувство лишенія со всею силою обрушится на новый, навязываемый предметъ и отвращеніе къ предмету можетъ возбудить ненависть и презрѣніе къ самому лицу навязывающему. Фридрихъ Великій совершенно

отвергалъ положительное христіанство и держался твердо въ своемъ философскомъ направленіи, тогда какъ отецъ насильно хотѣлъ сдѣлать его православнымъ лютеранномъ. Наслѣдный принцъ обнаруживалъ превосходныя военныя дарованія и не смотря на это ненавидѣлъ военную службу, потому что наклонность къ ней ему была приказываема. Если бы наоборотъ стремились подавить въ немъ наклонность къ военной службѣ, если бы вздумали препятствовать ея удовлетворенію, то, конечно, она развилась бы гораздо раньше и съ большею силою. Вообще нужно замѣтить, что своенравіе и глупость воспитателей есть лучшее средство вкоренить своенравіе и глупость и въ воспитанникѣ. Когда впечатлительной душѣ ребенка оказываютъ поверхностное, мелкое, своенравное противодѣйствіе—онъ живо воспринимаетъ его, все равно — изъ добрыхъ или ложныхъ началъ оно происходитъ.

Подобно пожеланію, и наклонность трудностію удовлетворенія и борьбою съ препятствіями только еще болѣе усиливается и укрѣпляется. Что запрещаютъ маленькимъ и большимъ дѣтямъ, то именно вслѣдствіе запрещенія, представляется имъ особенно привлекательнымъ и того имъ особенно хочется (nitimur in vetitum). Въ музыкальномъ собраніи стоитъ только потребовать, чтобы не говорили, и какъ только приходитъ на мысль необходимость молчать, тотчасъ съ новою силою является наклонность къ болтовнѣ. Любовь, которая должна скрываться, всегда почти бываетъ гораздо искреннѣе; разлука часто бываетъ средствомъ оживленія ослабѣвающихъ дружескихъ отношеній; преслѣдуемая секта тѣмъ съ большею силою развивается; высокая цѣна за входъ усиливаетъ охоту ходить въ театръ, и вещь, за которою далеко нужно отправляться, и которая дорого стоитъ, часто потому только пріобрѣтаетъ особенную цѣну. Но, не говоря уже о мелкихъ явленіяхъ жизни, самую вѣру въ Бога и божественную помощь мы научаемся цѣнить только тогда, когда утрачиваемъ всякую человѣческую помощь. Любовь, которая развивается безъ всякихъ препятствій, бываетъ обыкновенно поверхностною; сердцу, которое не испытало никакихъ возмущеній, трудно имѣть глубоко укоренившуюся наклонность. Безъ печали не бываетъ и продолжительной радости, какъ безъ борьбы—никакой побѣды, никакого прочнаго развитія жизненныхъ силъ. Великіе характеры, по бо̀льшей части, ведутъ борьбу съ громадными препятствіями, испытываютъ страшную нужду и невыносимыя страданія, и въ этомъ то горнилѣ жизни, и чрезъ этотъ то закалъ и борьбу они и пріобрѣтаютъ ту твердость, упругость и вмѣстѣ гибкость, которымъ удивляемся мы, слабыя натуры.

„Кого Богъ любитъ, того онъ наказываетъ“—это библейское вы-

раженіе имѣетъ великое психологическое и педагогическое значеніе. Если взрослый человѣкъ, для блага собственной жизни, долженъ быть постоянно строгимъ къ самому себѣ, то понятное дѣло, что воспитаніе, задача котораго подготовить, заложить основы жизни взрослаго человѣка, тоже непремѣнно должно быть серьознымъ и строгимъ. Безразсудно поступаютъ тѣ родители и воспитатели, которые думаютъ снискать расположеніе къ себѣ дѣтей тѣмъ, что дѣлаютъ все легкимъ и пріятнымъ, не хотятъ допустить ничего труднаго и горькаго для нихъ, боятся каждаго серьознаго и строгаго слова. Наклонность, если она не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, подобно любви, лишенной уваженія и почтенія, бываетъ поверхностною; дружество съ лицомъ, постоянно улыбающимся и рука, которая постоянно гладитъ—теряютъ цѣну. Глупо конечно поступаютъ и тѣ, которые вдаются въ противоположную крайность. Дѣти развиваются главнѣйшимъ образомъ подъ вліяніемъ подражанія, привычки, обычая. Примѣры взрослыхъ людей, живыя дѣтскія игры едва ли не болѣе дѣйствуютъ на складъ и развитіе душевной жизни ребенка, нежели научное образованіе и сухія моральныя внушенія. Глупо рѣзвости ребенка въ его играхъ, неловкости и неуклюжести въ его обыкновенномъ домашнемъ поведеніи противодѣйствовать постоянными наказаніями и запрещеніями, и помнутно осуждать его и наставлять. Нѣтъ! это плохое воспитаніе. Хорошій воспитатель долженъ собственнымъ поведеніемъ (и именно мы говоримъ это въ смыслѣ намѣреннаго способа дѣйствованія) практически возбудить въ ребенкѣ стремленіе къ дѣятельному подражанію себѣ и вообще поощрять въ немъ свободное развитіе наклонности къ тому, что дѣлаютъ другіе, окружающіе его, порядочные люди. При этомъ, само собою разумѣется, воспитатель не долженъ ограничиваться простымъ только наблюденіемъ: какъ появляется и пропадаетъ та или другая наклонность его питомца; нѣтъ, преимущественно относительно наклонностей нужно сказать, что воспитаніе должно быть *разумно-строгимъ*. Нужно положительными мѣрами отвращать ребенка отъ неестественныхъ и ложныхъ направленій; если въ чемъ въ другомъ, то здѣсь преимущественно должно ограничивать порывистую фантазію осторожнымъ разсудкомъ. Часто наклонности являются временными только возбужденіями и скоро исчезаютъ; къ нимъ нужно относиться строго, потому что они могутъ существенно повредить уже сложившейся главной наклонности. Вообще же, если мы поближе вглядимся въ мелочи нашей просто обыденной, домашней жизни, какъ много мы найдемъ здѣсь такого, что мы прежде вовсе не замѣчали, съ чѣмъ мы давно свыклись, и что, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно содѣйствуетъ образованію и развитію въ нашихъ дѣтяхъ

того, что мы называемъ наклонностію! Какъ много въ этихъ мелочахъ такого, что далеко неблагопріятствуетъ свободному и правильному развитію ребенка! Если невозможно устранить подобнаго рода вліяній, то поставить имъ заблаговременно въ противодѣйствіе преимущественное развитіе и дѣятельность разсудка—прямая обязанность воспитателей.

И. П—овъ.

ЖЕНСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРІЯ.

«Слѣдуетъ поощрять женщинъ на поприщѣ воспитательницъ, гдѣ онѣ уже занимаютъ нынѣ должности учительницъ въ начальныхъ школахъ и нижнихъ классахъ женскихъ гимназій, а буде признается возможнымъ, то предоставить учебному вѣдомству разширить еще кругъ ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ», (Пунктъ 3 Высоч. утверж. полож. 14 янв. 1871 г.).

Въ послѣднее время начали у насъ кое гдѣ въ земствахъ поговаривать о важности народнаго образованія.

Нѣкоторыя земства даже высказали мнѣніе, что дѣло народнаго образованія должно стоять впереди другихъ потребностей современной жизни, что отъ успѣшнаго хода его зависитъ успѣхъ всей остальной дѣятельности земства. Мысль совершенно вѣрная, хотя далеко не новая. Впрочемъ дѣятельность земствъ въ этой сферѣ еще очень ограниченна: ассигнуются болѣе или менѣе значительныя суммы на школы, созываются учительскіе съѣзды, издаются на земскій счетъ книги, проэктируются и кое гдѣ устраиваются даже учительскія семинаріи. Такъ существуютъ и успѣшно идутъ двѣ семинаріи, мужская и женская, въ Новгородскомъ земствѣ, центральное Александровское училище въ Казани, учительская семинарія въ Московскомъ земствѣ, но гораздо больше проэктированныхъ учительскихъ институтовъ. Предположено устроить семинаріи въ Перми, Вяткѣ, Черниговѣ, Вологдѣ. Въ Казани земство устраиваетъ школу для сельскихъ учительницъ, въ виду недостатка въ учителяхъ; Самарское земство предполагаетъ (уставъ уже утвержденъ) устроить женскую учительскую семинарію; при Вологодской женской гимназіи признано земствомъ полезнымъ учредить педагогическіе курсы, для приготовленія учительницъ; въ Москвѣ и Петербургѣ устроены педагогическіе курсы и идутъ довольно удовлетворительно. Временные педагогическіе курсы открыты въ Симбирскѣ и Островскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи. Владимірское земство въ чрезвычайномъ земскомъ собраніи настоящаго года, также постановило открыть учительскую семинарію и выбрало коммисію для разработки устава съ тѣмъ, чтобы онъ былъ представленъ къ буду-

щемъ очередному собранію *). Министерствомъ народнаго просвѣщенія содержится одна учительская правительственная семинарія въ Молодечнѣ. Затѣмъ проектировано пять учительскихъ семинарій, въ округахъ Петербургскомъ, Московскомъ, Казанскомъ, Харьковскомъ и Одесскомъ. Существуетъ военная учительская семинарія въ Москвѣ, и одна въ Петербургѣ, состоящая въ вѣдомствѣ IV отдѣленія. Какъ бы ни шли эти правительственныя учрежденія, земствамъ во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ бездѣйствовать, надѣяться только на правительственныя учрежденія, но настойчиво продолжать дѣло, въ которомъ они заявили себя все таки болѣе или менѣе успѣшно. Впрочемъ, долго еще ждать того времени, когда значеніе народнаго образованія будетъ оцѣнено и понято во всемъ его объемѣ, со всѣми многочисленными и величественными послѣдствіями, которыя оно влечетъ за собой. Здѣсь много можетъ помочь выясненію важности предмета литература. Ея дѣло здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы по возможности чаще, всестороннѣе и энергичнѣе указывать всевозможныя средства къ скорѣйшему распространенію въ массѣ знаній и сознательной грамотности. Къ сожалѣнію пресса обращаетъ больше вниманія на мелочи, и только изрѣдка встрѣтишь двѣ—три статьи о народномъ образованіи.

Пресса, по крайней мѣрѣ нѣкоторая ея часть, даже еще не вполнѣ, кажется, убѣждена, что образованіе массы народа имѣетъ первостепенную важность; **) то и дѣло встрѣчаешь разсужденія о томъ, что школа въ селѣ не такъ важна, какъ, напр., ссудо—сберегательная касса съ личнымъ краткосрочнымъ кредитомъ, лечебницы, производительныя ассоціаціи и др.

Если бы, дѣйствительно, при скудости средствъ, предстоялъ этотъ, по правдѣ сказать, ужасный выборъ, то несомнѣнно дѣло должно быть рѣшено въ пользу школы и именно въ силу слѣдующихъ соображеній.

1) Суевѣріе нашего народа безгранично до сихъ поръ. Едва ли есть какое нибудь явленіе природы, какое нибудь человѣческое дѣйствіе, которому бы фантазія нашего сельскаго люда не придала того или другаго предзнаменующаго значенія. Встрѣтится-ли попъ, монахъ на дорогѣ, баба ли перейдетъ дорогу, случится ли надѣть платье на изнанку или покажется, что курица запоетъ пѣтухомъ—быть бѣдѣ, думаетъ крестьянинъ. Онъ боится чьей нибудь смерти въ домѣ, если зачешется переносица, если воронъ закаркаетъ на избѣ, ждетъ вой-

*) Недавно устроена семинарія въ Торжкѣ Тверскимъ земствомъ.

**) Смотри въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1870 г. статью Корфа: «Благосостояніе и образованность» и полемику его съ Васильчиковымъ, Яковлевымъ и др.

ны или мира, если на небѣ появится комета. Сны для него значатъ чрезвычайно много: деньги увидитъ,—придется плакать, воду увидитъ—горе и пр. Дѣвушки то и дѣло гадаютъ о судьбѣ и сколько думъ, о скольких молодыхъ людяхъ передумаютъ онѣ! Можно сказать, что вся жизнь нашего крестьянина, особенно женщины, отъ рожденія до смерти регулируется предсказаніями, выводимыми изъ различныхъ случайностей: сновъ, невзначай сказанныхъ словъ, чиханій, чесаній, карканій птицъ, воя собакъ, взаимныхъ положеній людей и пр. Но это бы еще туда сюда. Важно то, что это суевѣріе оказывается на столько сильнымъ и могущественнымъ, что уничтожаетъ, напримѣръ, всякую возможность врачебной помощи во время болѣзней. Извѣстно, что наши крестьяне относятъ причины болѣзней къ дѣйствію неестественныхъ силъ: они приписываютъ ихъ злымъ духамъ, злому глазу, дѣвкамъ-лихоманкамъ, бабѣ-морухѣ и пр. Естественно, что заболѣвши, они ищутъ также неестественныхъ средствъ. Во время лихорадки, холеры, мора, язвы, скотскаго падежа, запоевъ, внутреннихъ болѣзней бѣгутъ крестьяне не къ врачу, а къ ворожеямъ и колдунамъ и никакимъ образомъ врачъ не можетъ убѣдить пользоваться лѣкарствами. Во время кражи, поджоговъ, потери вещи опять таки обращаются къ ворожеямъ: эти указываютъ на того или другаго сосѣда, начинаются подозрѣнія, доискиваніе, ссоры и вражда часто на всю жизнь. Если кто жилъ въ селахъ, тотъ знаетъ какую важную роль играютъ тамъ знахари и колдуньи, все равно какъ за тысячи лѣтъ въ Азіи. Страхованіе домовъ, хлѣба, скота, человѣческой жизни вводится у насъ принудительными мѣрами при замѣчательномъ противодѣйствіи крестьянъ. Вообще можно сказать, что суевѣріе дѣйствуетъ у насъ хуже всякой эпидеміи. Что же противопоставить этой ужасной язвѣ общества?—Образованіе.

2) Извѣстно, какъ у насъ въ селахъ грамотные писаря надуваютъ старшинъ и членовъ схода; объ этомъ было писано и говорено довольно. Теперь пришли къ мысли ослабить могущество ихъ допущеніемъ всѣхъ жителей волости въ члены волостнаго суда, къ какому бы сословію они не принадлежали: будетъ ли то баринъ, купецъ, священникъ, чиновникъ. Но будутъ ли крестьяне выбирать этихъ людей? А если и выберутъ, то не будутъ ли эти образованные, дѣйствуя въ средѣ необразованныхъ и безграмотныхъ, также злоупотреблять своимъ положеніемъ, какъ писаря; или, по крайней мѣрѣ, будутъ ли они такъ внимательны къ интересамъ безграмотныхъ, какъ того слѣдовало бы ожидать? Извѣстно, какую жалкую роль играетъ нашъ крестьянинъ въ судѣ: онъ не можетъ ни разсказать ясно дѣла, ни отвѣтить на вопросы судьи, которыхъ онъ не понимаетъ;

онъ не знаетъ ни одной буквы закона, не привыкъ выражаться настолько осторожно, чтобы къ нему нельзя было придраться. Научите крестьянина читать законы, растолкуйте тѣ права, которыя даны ему законодательствомъ, разъясните обязанности судей и чиновниковъ, и онъ будетъ смѣлѣе, языкъ его развяжется, фигура выпрямится, энергія дѣятельности отъ сознанія безопасности увеличится и самоуваженіе возвысится. Въ этихъ законахъ прочтетъ онъ много другихъ полезныхъ вещей: онъ узнаетъ тамъ, что лупить и жарить жену и дѣтей, какъ собакъ, вовсе нельзя, что за это отвѣтишь втрое, чѣмъ за чужаго человѣка. Если вы дадите ему еще дѣльныя книги, гдѣ ясно показывается, что вредно и отвратительно бить жену и дѣтей, что это сокращаетъ ихъ вѣкъ и силы, то, можетъ быть, какъ нибудь и уничтожится то жестокое обращеніе, которое часто совершается отцами семействъ надъ своими домочадцами. Чтеніе книгъ, особенно въ обществѣ слушателей, возбудитъ новый интересъ въ крестьянахъ, дастъ имъ возможность найти новыя удовольствія и отучитъ отъ повальнаго пьянства. Книги сообщатъ массу полезныхъ знаній, прямо приложимыхъ къ хозяйству и способныхъ, приблизительно до половины, сократить сумму труда. Онѣ поставятъ новые вопросы, пріучатъ разсуждать, пробудятъ новыя потребности и возбудятъ склонность къ нововведеніямъ.

3) До сихъ поръ доступъ въ среднія и высшія школы крестьянамъ былъ рѣшительно невозможенъ. Съ распространеніемъ даже простой грамотности, выходъ изъ среды сдѣлается легче, установится постоянный притокъ новыхъ свѣжихъ силъ изъ слоевъ низшихъ къ дѣятельности высшаго разряда. И земствамъ, и правительству всѣми средствами надо стараться, чтобы крестьянскихъ дѣтей какъ можно больше поступало въ высшія, особенно спеціальныя заведенія: въ этомъ спасеніе русской земли.

Важно также и то обстоятельство, что, благодаря грамотности, можетъ установиться постоянная крѣпкая связь между народомъ и тѣмъ образованнымъ меньшинствомъ, которое такъ безкорыстно и горячо сочувствуетъ положенію крестьянъ, и которое одни преслѣдуютъ, не желая понять его идеи, а другіе—совершенно не знаютъ и не понимаютъ. Грамотность *) откроетъ крестьянамъ медицинскія книги и предупредитъ болѣзни. Она чрезъ грамотныхъ присяжныхъ уничтожитъ нелѣпость приговоровъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ судахъ. Наконецъ чрезвычайно какъ важно, чтобы наши гласные умѣли читать

*) Подъ этимъ словомъ разумѣется здѣсь сознательное чтеніе книгъ и умѣнье выражать свои мысли на бумагѣ.

и писать: отъ этого зависитъ все дѣло дальнѣйшаго развитія нашего самоуправленія, Высочайше дарованнаго странѣ.

Разумная школа можетъ измѣнить даже весь образъ мыслей, нравственные взгляды нашихъ крестьянъ, которыхъ самый пристрастный судья не будетъ оправдывать отъ грубости и жестокости.

Впрочемъ жаль, что такъ много приходится говорить о *пользѣ образованія*: но въ виду легкомысленнаго отношенія къ народному образованію, это оказывается совершенно необходимымъ.

II.

Что серьезнаго пониманія важности народнаго образованія у насъ дѣйствительно не существуетъ, это доказываетъ слѣдующій поразительный фактъ. Вотъ уже полстолѣтія почти, какъ у насъ, гоняясь за западомъ, тамъ и самъ устраиваютъ училища. Все дѣло однако ограничивается постройкою школьнаго зданія, окраскою его, ремонтомъ. Собираютъ иногда учениковъ и распускаютъ. У насъ въ школахъ все есть, за исключеніемъ двухъ вещей: учениковъ и учителей, особенно послѣднихъ. И это не шутка: сельскихъ учителей у насъ вовсе нѣтъ. Есть разнаго рода проходимцы, изъ которыхъ на десятокъ попадется одинъ сносный грамотей, а подготовленныхъ учителей вовсе нѣтъ. Въ Островскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, земство должно было закрыть семь школъ за непмѣніемъ учителей. Въ Алексинскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, за переводомъ наставниковъ двѣ школы принуждены были прекратить свое существованіе. Факты закрытія школъ за недостаткомъ учителей встрѣчались въ Самарской, Костромской и Казанской губерніяхъ *). До самаго послѣдняго времени даже не было ни одного заведенія во всей Россіи (за исключеніемъ Остзейскаго края и Молодеченской Семинаріи), гдѣ бы можно было приготовиться къ званію народнаго учителя. Теперь учитъ, кто попало, кого занесла нужда безъисходная и очень мало учителей, которые не смотрѣли бы на свое занятіе иначе, какъ на переходное, которое надо бросить тотчасъ же, лишь только представится болѣе выгодное мѣсто. Любви къ дѣлу, преданности интересамъ деревенской школы не встрѣтите у нашихъ учителей, и это до такой степени распространено, что подаетъ поводъ недоброжелателямъ говорить, даже будто многіе и не желаютъ этихъ качествъ въ учителяхъ. Теперь только проэктируютъ учительскіе институты. Припомните, что у насъ начали въ 17 столѣтіи съ Греко-Латино-Славянской академіи,

*) Такія закрытія училищъ мы считаемъ весьма раціональною мѣрою — но, къ сожалѣнію, на подобныя мѣры способны только тѣ немногіе, которые не желаютъ дремать въ самообольщеніи. *Ред.*

затѣмъ, спустя 45 лѣтъ, устроили академію наукъ, затѣмъ университеты, потомъ гимназіи, за ними городскія училища и наконецъ, въ нынѣшнее царствованіе, сельскія школы.

Въ Пруссіи на 25,000 школъ существуетъ 60 учительскихъ (мужскихъ и женскихъ) семинарій. Въ этихъ семинаріяхъ даются всѣ свѣдѣнія, какія необходимы народному учителю, указываются методы, научныя пособія. Неудивительна поэтому та безпримѣрная грамотность прусскихъ крестьянъ, не удивительны знанія въ географіи, естествознаніи, исторіи. И тѣ фразы, что школьный прусскій учитель одержалъ побѣду подъ Садовой, что онъ покорилъ Францію, создалъ высокую культуру страны, эти фразы—вовсе не преувеличеніе.

Но и у насъ начали, по примѣру Пруссіи, заводить учительскія школы. Начали однако подражаніемъ сосѣдней странѣ, безъ примѣненій къ мѣстнымъ условіямъ. Думаютъ о приготовленіи *учителей*, когда мужчинъ у насъ не хватаетъ и на множество другихъ родовъ дѣятельности. Иное дѣло учиться у Пруссіи, иное дѣло копировать ея учрежденія. Мы можемъ воспользоваться ея указаніями, что школы безъ учительскихъ семинарій не мыслимы, хотя это ясно, какъ божій день, можемъ даже взять съ нѣкоторыми измѣненіями самую организацію семинаріи, такъ какъ въ педагогическомъ дѣлѣ нѣмцевъ еще никто не превзошелъ пока, но дальше слѣдовать за ней мы не можемъ. Мы не можемъ, напримѣръ, устраивать мужскія учительскія школы, въ силу нашихъ экономическихъ условій: обиліе профессій для мужчинъ, дороговизна мужскаго труда. Въ самой Пруссіи уже замѣтили, что мужчинъ не хватаетъ и изъ 60 семинарій, 5 женскихъ. Всего естественнѣе слѣдовать примѣру Америки, страны, сходство экономическихъ условій которой съ Россіей еще никѣмъ не оспаривалось. Въ Америкѣ число учительницъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, далеко превосходитъ число учителей. Въ Нью-Іоркѣ изъ 36,000 преподавателей 31,000 женщинъ; въ Бостонѣ на 600 лицъ учащихъ приходится пятьсотъ женщинъ, въ Филадельфіи на 82 преподавателя приходится 1,112 преподавательницъ; въ Массачузетѣ на 1,580 учителей приходится 4,000 наставницъ. Вообще въ Новой Англіи изъ пяти учащихъ четыре женщины. А во всей Америкѣ изъ 150,000 лицъ, занимающихся обученіемъ, 100,000 женщинъ.

Да и въ другихъ государствахъ, наприм. въ Швеціи *), въ Даніи женщины по преимуществу занимаются въ школахъ. Соображенія, заставившія на западѣ отдать школьное дѣло въ руки женщинъ,

*) Подробныя свѣдѣнія о шведской народной школѣ будутъ помѣщены въ IX нумерѣ „Семьи и Школы“. *Ред.*

пріобрѣтаютъ при нашихъ условіяхъ еще большее значеніе, чѣмъ тамъ. У насъ всѣ профессіи почти отданы мужчинамъ, женщины сидятъ большею частію совсѣмъ безъ дѣла. Женщинъ же у насъ больше, чѣмъ мужчинъ.

Съ введеніемъ общей воинской повинности отношеніе измѣнится еще болѣе въ пользу необходимости допускать женщинъ къ учительской профессіи. Опытными педагогами доказано, что молодые люди болѣе способны къ отправленію учительскихъ обязанностей, чѣмъ люди среднихъ и старыхъ лѣтъ. Съ введеніемъ ландвера вся молодежь уйдетъ изъ деревень и городовъ. Прослужившіе пять лѣтъ въ арміи, они не принесутъ съ собой тѣхъ качествъ, которыя наиболѣе нужны учителямъ, они пріобрѣтутъ ту неизбѣжную суровость и жесткость, которыя порождаются дисциплиной, особенно, если принять во вниманіе, что юноши сдѣлаются въ арміи возмужалыми. Единственный исходъ вижу я только въ допущеніи женщинъ къ званію учительницы. Кромѣ этихъ выгодъ, очевидныхъ для всякаго, женщины должны пользоваться преимуществомъ предъ мужчинами въ педагогической практикѣ въ силу многихъ другихъ соображеній.

Всѣ педагоги, начиная отъ Руссо, включая Пестолоцци, Базедова, Фребеля и массу другихъ безусловно ставятъ педагогическіе таланты женщины выше, чѣмъ мужчины. Всѣ ихъ мечты, всѣ ихъ надежды на улучшеніе человѣческаго рода связаны съ будущей ролью женщины въ дѣлѣ воспитанія. Особенно Песталоцци и Фребель. Даже становится неловко говорить и доказывать, послѣ того, что сказано этими людьми, что женщина *по преимуществу* способна къ педагогической роли. Мысли ихъ нашли полное примѣненіе особенно въ одной странѣ — Швеціи. Лишь только книги ихъ распространились, тамъ начали устраивать семинаріи, гдѣ женщины безъ всякой платы приготовлялись къ педагогической дѣятельности въ селахъ и городахъ. У насъ мысли Фребеля почти никому непзвѣстны, а между тѣмъ не мало и такихъ лицъ, которыя берутся осуждать его систему, непонимая ея духа и значенія.

Нравственность женщинъ – вопросъ, на который справедливо руководители нашего просвѣщенія обращаютъ главнѣйшее вниманіе, — далеко выше нравственности мужчинъ. Это легко доказать процентнымъ отношеніемъ преступницъ къ преступникамъ. Именно на 100 обвиняемыхъ мужчинъ по всѣмъ родамъ преступленій приходится 12,1 женщинъ. Въ частностяхъ по родамъ преступленій отношеніе это представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ преступленіяхъ противъ частной собственности на 100 мужчинъ приходится 15,2 женщинъ, противъ личности—24,2, противъ религіи 33,6. Въ государственныхъ

преступленіяхъ женщины принимали весьма слабое участіе. По нѣкоторымъ отдѣльнымъ видамъ цифра женщинъ возрастаетъ уже больше, а именно, изъ обвиняемыхъ въ смертоубійствѣ на 100 мужчинъ приходится 36,1 женщинъ, въ поджогѣ 38,5 и въ нарушеніи семейнаго союза 48,7; наконецъ есть одинъ видъ преступленій, по которому число обвиняемыхъ женщинъ превосходитъ мужчинъ (108 на 100), а именно противъ нравственности, такъ какъ сюда отнесены, кромѣ противоестественныхъ пороковъ, также развратное поведеніе публичнымъ образомъ. (Военно-статистическій сборникъ т. 4, стр. 308 и 309). Но всѣмъ извѣстно, что публичный развратъ мужчинъ вовсе не записывается, хотя онъ въ десятки разъ превосходитъ развратъ женщинъ. Изъ общаго числа ежегодно обвиняемыхъ, составляющаго по 8 лѣтней сложности 84,024, на долю мужчинъ приходится 75,214 преступленій, а на долю женщинъ 8,810.

Мужская половина Россіи пьянствуетъ, буйствуетъ, дуется въ карты, развратничаетъ не только не краснѣя, но какъ бы хвалясь этимъ. Еще никогда ни въ одномъ обществѣ у насъ не забросали грязью мужчину, разсказывающаго съ восторгомъ свои побѣды надъ женщинами: кромѣ чести и похвалы, такой разскащикъ ничего не услышитъ. Иначе относятся женщины къ тѣмъ изъ своихъ сестеръ, которыя вздумали бы поступать такъ: онѣ изгоняютъ ихъ изъ своей среды, прерываютъ съ ними всякія сношенія и съ ужасомъ и отвращеніемъ говорятъ о ихъ поведеніи. Женщины не пьютъ запоемъ, не таскаются по ночамъ въ разныхъ закоулкахъ и съ вечера до утра не просиживаютъ за картами.

Къ счастію, кажется, заря занялась. Нѣсколько земствъ, а именно: самарское, вологодское, вятское, новгородское, московское (ассигновавшее 20 стипендій для сельскихъ учительницъ), казанское и харьковское, признали необходимымъ допустить женщинъ на учительскія мѣста въ сельскія и городскія школы, такъ какъ дѣятельность ихъ представляетъ, по выраженію самарскаго земства, самые благопріятные результаты*). Женщины съ восторгомъ отнеслись на этотъ призывъ. Когда въ Москвѣ устроились педагогическіе курсы, то не смотря на то, что въ виду имѣлось не болѣе 20 мѣстъ, слушательницъ набралось 260. Такъ и въ другихъ мѣстахъ.

Только одно обстоятельство, и обстоятельство это не маловажно,—

*) Полтавское земство почему то признало неудобнымъ допускать женщинъ въ учительницы, а другія земства молчатъ вовсе. Существуютъ учительскіе курсы при братствѣ св. креста въ Саратовѣ и въ Вильнѣ при женскомъ училищѣ. Генералъ-губернаторъ восточной Сибири хлопочетъ о допущеніи женщинъ даже въ приходскія училища.

смущаетъ наши надежды: это какое-то неопредѣленное мѣстами отношеніе многихъ лицъ къ женщинамъ-учительницамъ. Такъ извѣстенъ погромъ учительницъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, гдѣ прямо выражено было нежеланіе предоставлять мѣста учителей въ селахъ женщинамъ. Впрочемъ это было въ прошломъ году. Очень вѣроятно, что теперь взглядъ на дѣло нѣсколько измѣнился. Въ этомъ убѣждаетъ насъ отчасти законъ 14 Янв., 1871 г. Въ 3 пунктѣ этого законоположенія сказано: „слѣдуетъ поощрять женщинъ на поприщѣ воспитательномъ, гдѣ онѣ уже занимаютъ нынѣ должности учительницъ въ начальныхъ школахъ и нижнихъ классахъ женскихъ гимназій, а буде признается возможнымъ, то предоставить учебному вѣдомству расширить еще кругъ ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ„. Послѣ этого можно надѣяться, что земства вполнѣ воспользуются новымъ положеніемъ.

Допустите женщинъ въ школы, дайте имъ здѣсь преимущество предъ мужчинами и вы легко найдете тѣ 60, 70 тысячъ учительницъ, которыя совершенно необходимы теперь, для того чтобы дѣло нашего образованія поставлено было сколько нибудь удовлетворительно. И женщины эти будутъ не оборышами своего пола. Это будутъ люди передовые, талантливые, люди, проникнутые любовью къ дѣтямъ, гуманные и нравственные, люди, сознающіе важность дѣла, за которое они берутся. И дѣло это, по нашему мнѣнію, не слѣдовало бы откладывать. Немедленно, въ ближайшемъ же времени, должны быть основаны женскія семинаріи во всѣхъ губерніяхъ, областяхъ и Землѣ Войска Донскаго, т. е. немедленно должны быть ассигнованы земствами и правительствомъ суммы на устройство 60—70 такихъ семинарій, пріисканы преподаватели и преподавательницы для нихъ и учреждены при нихъ образцовыя школы. Каждая трехклассная семинарія будетъ стоить до 6 т. р. сер., если хотятъ нанять отдѣльное помѣщеніе для нея. Всего удобнѣе однако устраивать семинарскіе классы при гимназіяхъ женскихъ: это сократило бы значительно расходы. Число ученицъ не должно превосходить 60 въ семинаріи. Во всякомъ случаѣ примутъ или не примутъ наше заявленіе земства, мы представляемъ здѣсь основанія, на которыхъ семинаріи должны быть организованы. Мы пользуемся здѣсь какъ тѣми немногими опытами, которые сдѣланы у насъ въ этомъ направленіи, такъ особенно указаніями и программами западныхъ семинарій. Руководствомъ служитъ намъ здѣсь книга Стоя: Organisation des Lehrerseminars 1869 г. Стой двадцать лѣтъ руководилъ семинаріями въ Іенѣ и Бѣлицѣ, и книга его пользуется заслуженною извѣстностью въ Германіи. Противу его сдѣланы нами нѣкоторыя измѣненія, которыя казались необходимыми въ виду нашихъ

условій; но все существенное оставлено безъ измѣненія. Нужно замѣтить, что наша статья будетъ въ русской печати первой по вопросу о женскихъ семинаріяхъ, и мы охотно сознаемся, что въ ней есть крупные недостатки, которые исправить можетъ только опытъ.

III.

Представьте себѣ женщину учительницу въ какой нибудь русской деревнѣ, гдѣ грамотныхъ или вовсе нѣтъ, или слишкомъ мало, гдѣ грубѣйшее суевѣріе и семейное самодурство царятъ во всемъ ихъ безобразіи, гдѣ бѣдность съ ея спутниками: неряшествомъ, грязью, пьянствомъ и развратомъ, съ сопровождающими его болѣзнями, поражаютъ на каждомъ шагу; гдѣ тотчасъ послѣ рожденія умираетъ половина дѣтей отъ отсутствія всякаго ухода, а другая остается по большой части съ болѣзнями и непоправимой худобой; представьте себѣ учительницу въ этой сферѣ и скажите, какой должна быть она, чтобы грамотностію поднять въ деревнѣ уровень благосостоянія и нравственности, чтобы передать крестьянамъ знанія, которыя бы могли ослабить дѣйствіе гнетущей бѣдности и предупредить повальную смертность дѣтей? Какими качествами должна обладать она?

Если женщина, войдя въ школу, будетъ только передавать механическіе пріемы чтенія и письма, да заставлять зубрить общія нравственныя поученія, все дѣло ея можно считать безполезнымъ. По выходѣ изъ школы дѣти забудутъ и то, и другое и вынесутъ съ собою только воспоминаніе о мукѣ ученія, воспоминаніе о наказаніяхъ, которыя неизбѣжны при такой системѣ. Ни такой школы, ни такихъ учительницъ нашимъ деревнямъ не нужно.

Мы представляемъ деревенскую школу совершенно иначе. Она должна быть хранительницею и распорядительницею самыхъ драгоцѣнныхъ сокровищъ семейства, общины и государства. *Въ ней должны подготовляться будущіе отцы и матери*, и чѣмъ больше любви, чѣмъ больше мягкости внесетъ учительница въ характеръ своихъ учениковъ и ученицъ, тѣмъ выше и неоцѣненнѣе будетъ ея заслуга предъ семействомъ. Для общины учительница безусловно необходимая помощница; она беретъ на себя великую обязанность создать *будущихъ дѣятелей самоуправленія*. Наконецъ дѣятельность истинно развитой учительницы неизмѣримой важности и потому, что *она указываетъ учащимся на великіе интересы страны: на тѣ формы дѣятельности, которыя наиболѣе нуждаются въ силахъ, приводитъ въ сознаніе и ясность всѣ важнѣйшіе вопросы настоящаго и помогаетъ выдѣленію ихъ массы тѣхъ общечеловѣческихъ геніевъ*, на-

рщательнымъ именемъ которыхъ служитъ у насъ слово *Ломоносовъ*. Чтобы быть вровень съ такимъ призваніемъ, учительница должна владѣть, кромѣ знаній, стойкостью и энергіей характера, хладнокровіемъ и значительной долей самоотверженія. Въ деревнѣ ея рѣчей, словъ, работы не встрѣтятъ рукоплесканіями; напротивъ и въ школѣ, и внѣ школы ей придется видѣть и слышать не мало пьяныхъ мужчинъ, надоѣдливоболтливыхъ сплетницъ—женщинъ; по нѣскольку разъ объяснять однѣ и тѣже вещи, очевидныя до крайности, торговаться съ старшиной изъ за каждой копейки на самыя необходимыя школьныя потребности напр. на отопленіе, бумагу и пр.. придется терпѣть нерѣдко лишенія личныя. Отъ нея потребуются и еще жертвы. Она должна заниматься теперь не тѣмъ, что интересуетъ ее самое, но главнѣйшимъ образомъ, почти исключительно, тѣмъ, что полезно учащимся; ей придется оставить свой кругъ мыслей, который ей дало образованіе, и начать съ учащимися тяжелую работу выясненія самыхъ простыхъ и очевидныхъ понятій; ей придется оставить свой способъ выраженія мыслей и усвоить языкъ дѣтей, приноровиться къ ихъ взглядамъ, и изъ дѣтей она должна обращать преимущественное вниманіе на самыхъ бездарныхъ, на наименѣе способныхъ. Этимъ послѣднимъ должна оказывать она самое заботливое вниманіе, должна отдать свою безкорыстную любовь и привязанности, свое искуство. Трудность задачи становится еще очевиднѣе, если прибавить, что въ школѣ ей предстоитъ вести упорную и утомительную и вмѣстѣ съ тѣмъ разумную, педагогическую борьбу съ легкомысліемъ, хитростью, часто наглостью и испорченностію нѣкоторыхъ учениковъ, непривыкшихъ видѣть предъ собою женщины — учительницы, что ея преподаваніе можетъ непонравиться крестьянамъ и навлечетъ на нее нареканія и даже брань грубыхъ родителей и что, наконецъ, при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ она должна оставаться всегда спокойной и даже веселой, ни на минуту не слабѣя и не заглушая въ себѣ любви къ дѣтямъ. Городскихъ развлеченій въ деревнѣ ненайдетъ она разумѣется. Какъ же приготовить женщину къ такой миссіи?

Прежде чѣмъ начать учить другихъ, она должна сама пройти систематическій курсъ ученія, цѣль котораго соотвѣтствовала бы будущимъ условіямъ ея дѣятельности. Это достигается обученіемъ въ женской учительской гимназіи. Въ основу этого учрежденія должны лечь слѣдующіе три принципа:

1) Семинарія должна сообщить будущимъ учительницамъ достаточный запасъ знаній, пріучить ихъ къ самостоятельной умственной работѣ и къ точному, легко доступному способу выраженій своихъ мыслей;

2) Въ семинаріи учительница должна пріобрѣсти навыкъ разумно обращаться съ дѣтьми, выработать пріемы и методъ для передачи имъ своихъ знаній и познакомиться со всѣми особенностями дѣтской природы на столько, чтобы быть потомъ самостоятельной руководительницей дѣтей;

3) Наконецъ,—и это весьма важно—семинарія должна внести въ характеръ будущихъ учительницъ такія черты, которыя бы сдѣлали изъ нихъ благородныхъ, проникнутыхъ гражданскимъ чувствомъ и сознаніемъ общей пользы, дѣятельницъ, судей строгихъ къ себѣ и снисходительныхъ къ другимъ, черты, которыя бы сдѣлали ихъ способнымп настойчиво добиваться предположенной высокой цѣли, какія бы препятствія не встрѣтили онѣ, и предохранили бы ихъ отъ надменности и пошлаго высокомѣрія предъ крестьянами.

Относительно практическаго выполненія этихъ требованій можно поставить слѣдующія четыре положенія:

1) Въ семинарію должны быть допускаемы дѣвицы отъ 14 лѣтъ, умѣющія читать и писать, знающія обыкновенныя молитвы и важнѣйшіе разсказы изъ Новаго Завѣта и вполнѣ усвоившія первыя 4 правила ариѳметики;

2) Въ семинаріи должны проходиться всѣ предметы, дающіе знанія необходимыя для будущихъ сельскихъ учительницъ, и знанія эти должны быть сообщаемы въ такой формѣ, чтобы онѣ могли содѣйствовать развитію ума ихъ. Курсъ обученія долженъ продолжаться три года;

3) При семинаріи должна быть устроена трехъ-классная школа примѣрно въ томъ видѣ, какъ она проэктирована къ книгѣ Корфа: «Русская начальная школа»,—гдѣ бы семинаристки высшаго класса и иногда средняго пріучались къ раціональной педагогической практикѣ. Въ дополненіе къ практикѣ онѣ знакомятся особо съ теоріей педагогики;

4) Семинарія должна владѣть всѣми средствами (о чемъ будетъ рѣчь послѣ), при помощи которыхъ обнаруживался бы характеръ воспитанницъ, и которыя могли бы возбудить въ нихъ желаніе къ добровольному и самостоятельному исправленію своихъ недостатковъ. Матеріальныя условія, при всей ихъ простотѣ, должны быть настолько хороши, чтобы ученицы не испытывали неудобствъ и не воспитывали въ себѣ чувства озлобленія, неразрывно связаннаго съ бѣдностью.

Разсмотримъ каждое изъ этихъ положеній отдѣльно.

IV.

Учебная часть. Было бы всего желательнѣе въ интересахъ самаго дѣла, чтобы женскія учительскія семинаріи наполнялись по преиму-

ществу дѣвушками крестьянскаго званія. Знакомыя съ условіями деревенскаго быта, онѣ, на мѣстахъ учительницъ въ селахъ, легче могутъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, которыя дѣлаютъ учительницу полезной дѣятельницей; ихъ не будетъ томить деревенская скука и разъѣдающія воспоминанія о болѣе веселой городской жизни. Но при настоящемъ уровнѣ грамотности между крестьянами и особенно крестьянками желаніе это невыполнимо. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ научиться крестьянка простой грамотѣ и закону Божію, не говоря объ ариѳметикѣ, когда ее и въ школу не пускаютъ, и дома не считаютъ нужнымъ учить на томъ единственномъ соображеніи, что наука не бабьяго ума дѣло? Гдѣ ей научиться, когда даже образованные смотрятъ на женщинъ также низко? Такимъ образомъ вмѣстѣ съ учрежденіемъ семинарій приходится учреждать и приготовительныя заведенія къ нимъ. Заведенія эти, гдѣ бы крестьянская дѣвушка могла бы достичь требуемой нормы образованія, могутъ быть двоякаго рода.

Можно или 1) учреждать при самихъ семинаріяхъ приготовительный классъ, куда бы принимались совершенно безграмотныя. Впродолженіе года вполнѣ возможно при помощи звуковаго метода выучить ихъ читать и писать, пользуясь указаніями книгъ Корфа: „Русская начальная школа“ и „Руководство къ звуковой методѣ“. По слуховому методу (книга Корфа) легко выучить ученицъ нумераціи и затѣмъ первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики. Одновременно съ этимъ не трудно передать имъ свѣдѣнія по Закону Божію;

или 2) въ нѣкоторыхъ, наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ, устраивать воскресныя школы для женщинъ, а если окажется удобнымъ, и вечернія. Посѣщая впродолженіе 2-хъ лѣтъ такую школу, слушательницы безъ затрудненія пріобрѣтутъ всѣ требуемыя свѣдѣнія. Способъ этотъ тѣмъ удобнѣе, что, благодаря ему, грамотность можетъ легко распространяться во всемъ селѣ, такъ какъ извѣстны примѣры, что грамотныя матери, жены и сестры въ два, три года выучивали своихъ мужей, братьевъ и дѣтей, и въ деревнѣ не оставалось ни одного безграмотнаго. Изъ числа учащихся, которыхъ будетъ навѣрно весьма много, можно будетъ выдѣлять самыхъ талантливыхъ для семинаріи. Какъ устроить эти классы, это показано превосходно въ книгахъ Корфа.

Теперь перейдемъ къ положенію 2-му, т. е. къ вопросу объ устройствѣ учебной части въ самой семинаріи.

Каковы должны быть тѣ свѣдѣнія, усвоеніе которыхъ необходимо будущимъ учительницамъ и въ какой формѣ онѣ должны быть предлагаемы имъ?

Во первыхъ, никакимъ образомъ нельзя допускать пестрой неопредѣленной смѣси всѣхъ возможныхъ примѣчательностей различныхъ областей знанія. Семинарія должна быть вполнѣ свободна отъ этого недостатка нашихъ учебныхъ заведеній, которыя гонятся за всесторонниимъ знаніемъ, развлекаютъ вниманіе учащихся то тѣмъ, то другимъ, не останавливая ихъ вниманія ни на одномъ предметѣ, чрезмѣрно обременяя ихъ умственной работой. Въ семинаріи должны преподаваться слѣдующіе предметы: законъ Божій, русскій языкъ, математика, естественныя науки, исторія, преимущественно исторія русской культуры въ связи съ литературой. Русскій языкъ, математика и естественныя науки должны быть преподаваемы въ такомъ объемѣ и до такой глубины, чтобы воспитанницы воспитали въ себѣ охоту и оказались потомъ способны къ самостоятельному продолженію занятій.

Естественныя знанія учительницъ отнюдь не должны ограничиваться теоретическимъ изученіемъ научныхъ выводовъ изъ наблюденій надъ явленіями природы. Для нихъ всего важнѣе умѣть примѣнять естественно-научныя знанія къ хозяйственнымъ цѣлямъ: земледѣлію, садоводству, скотоводству, огородничеству и пчеловодству. Чрезъ посредство женщинъ и только, кажется, ихъ однихъ, можно сдвинуть наше рутинное хозяйство съ его заплеснѣвшаго тысячелѣтняго мѣста.

Во вторыхъ; нашъ сельскій людъ по своей крайней бѣдности и неразвитости не имѣетъ передъ собою ровно никакихъ удовольствій, обладая однакожъ одинаковою со всѣми другими людьми наклонностью къ нимъ. И будущимъ сельскимъ учительницамъ совершенно необходимо владѣть музыкальными знаніями, чтобы внести въ разъѣдающую скуку деревенской жизни разнообразіе и освѣжающее развлеченіе. Необходимо поэтому ввести, по крайней мѣрѣ, практическое обученіе музыкѣ на арфѣ, скринкѣ, віолончелѣ и даже фортепьяно. Танцы, особенно кадриль, игры, которыя требуютъ участія многихъ лицъ, должны быть непремѣнно знакомы будущимъ руководительницамъ школъ съ тѣмъ, чтобы онѣ могли потомъ воспитать въ дѣтяхъ, при помощи этихъ средствъ, чувство общественности.

Въ третьихъ, относительно формы и методы преподаванія нельзя требовать, чтобы онѣ были непремѣнно тѣ же самыя, которыя придется потомъ семинариткамъ примѣнять въ сельскихъ школахъ, хотя чрезвычайно важно не выпускать при этомъ ни на минуту будущей среды изъ виду. Форма и метода преподаванія должны основываться главнымъ образомъ на свойствѣ самихъ предметовъ, на степени развитія воспитанницъ.

При распредѣленіи занятій можно держаться приблизительно слѣдующихъ основаній: на Законъ Божій, если его нельзя отнести къ

воскресенью,—что было бы весьма полезно для самого предмета,—слѣдуетъ удѣлить 2 часа въ недѣлю, на математику—3, на русскій языкъ—2, естественныя науки—преподаваніе ихъ должно идти въ такомъ порядкѣ: физика, химія, ботаника, зоологія и минералогія—5, географію—2, исторію—1, музыку—5. Всего въ недѣлю 20 часовъ, по 3 часа каждый день за исключеніемъ двухъ, въ которые придется 4 часа занятій. Если же законъ Божій будетъ отложенъ до воскресенья, то два часа, занятые имъ, могутъ быть отнесены къ музыкѣ (1) и естествознанію (1). Больше всего учебныхъ часовъ удѣлено здѣсь на музыку и естественныя науки; сдѣлано это по слѣдующимъ соображеніямъ. Крестьянскія дѣвушки, о которыхъ преимущественно идетъ здѣсь рѣчь, будутъ поступать въ семинарію безъ всякой подготовки въ этомъ искуствѣ, необходимость котораго въ селѣ очевидна, и впродолженіе трехъ лѣтъ онѣ должны болѣе или менѣе вполнѣ и основательно ознакомиться съ нимъ. Настоящая сельская учительница, чтобы она была дѣйствительно полезна, немыслима безъ серьезнаго знакомства съ естественными науками, безъ пониманія явленій, бросающихся дѣтямъ на каждомъ шагу въ глаза, безъ знакомства съ окружающимъ дѣтей міромъ растеній, животныхъ и минераловъ. На нихъ, на этихъ однихъ предметахъ, будетъ сосредоточено вниманіе и любопытство сельскихъ дѣтей. И учительница сельской школы никакъ не можетъ ограничиться простой передачей прочитаннаго ею въ разныхъ книжкахъ, ходячими фразами и забавными разсказцами о томъ, о семъ, какъ дѣлается это у насъ въ женскихъ гимназіяхъ. Живя на лонѣ природы, охваченная ею со всѣхъ сторонъ, учительница должна умѣть сроднить дѣтей съ ея жизнью, возбудить вниманіе къ мельчайшимъ проявленіямъ этой многообразной жизни и довести дѣтей до способности находить наслажденіе въ наблюденіяхъ надъ явленіями природы,—способности, которая всегда сопровождаетъ серьезное знакомство съ ними. Всѣ часы остающіеся за классными занятіями, выключая время на ѣду, отдыхъ и сонъ, должны быть посвящены въ семинаріи практическимъ занятіямъ по естествознанію, играмъ и танцамъ. Лѣтомъ впродолженіе каждой недѣли должны быть устроиваемы, по крайней мѣрѣ, хоть двѣ экскурсіи за городъ съ знающимъ руководителемъ. При работахъ въ саду и огородѣ, безусловно необходимыхъ при семинаріи, вниманіе ученицъ должно быть останавливаемо на физіологическихъ процессахъ растеній и нисшихъ животныхъ. Самостоятельное опредѣленіе растеній по системѣ Кауфмана (Московская флора), сравненіе ихъ другъ съ другомъ должно найти себѣ широкое примѣненіе. Наконецъ, особенно зимой, нѣсколько часовъ въ недѣлю должны быть

употребляемы на физическія и химическія работы въ кабинетѣ и лабораторіи.

Съ естественными науками идетъ рука объ руку географія. Преподаваніе ея слѣдуетъ начинать всегда съ той мѣстности, гдѣ устроена семинарія, и потомъ, все расширяя и расширяя объемъ территоріи, обратить преимущественное вниманіе на Россію и главнѣйшимъ образомъ на родную губернію. На послѣднемъ курсѣ, впродолженіе всего года почти, учитель географіи знакомитъ семинаристовъ съ тѣми средствами, при помощи которыхъ можно поднять уровень народной производительности и благосостоянія, какъ-то: производительныя артели, ссудо-сберегательныя товарищества, потребительныя сельскія общества, застрахованіе движимаго и недвижимаго имущества, постройка жилищъ и приготовленіе посуды согласно гигіеническимъ требованіямъ и пр. Методъ естественныхъ наукъ долженъ быть катехитическій, а отнюдь не акроатическій: вопросы учителя должны то и дѣло слѣдовать за разсказомъ.

Исторія никакимъ образомъ не можетъ быть преподаваема въ томъ видѣ, въ какомъ она излагается въ нашихъ учебникахъ. Имена, годы, событія, одно другаго незначительнѣе, наполняющіе наши руководства, при весьма значительной затратѣ времени, не принесли бы ни малѣйшей пользы сельскимъ учительницамъ.

При изученіи исторіи нужно выбирать тѣ эпохи ея, въ которыхъ выдвигалась какимъ либо образомъ масса или въ которыя дѣйствовали реформаторы, направлявшіе свою дѣятельность къ пользѣ народа. Въ третьемъ классѣ должно быть посвящено много времени ознакомленію съ содержаніемъ современныхъ реформъ: крестьянской, судебной, земской, акцизной, военной и будущей податной.

Русскій языкъ чрезвычайно важенъ въ нашихъ школахъ; къ счастію книги Говорова (Русская грамматика для народныхъ школъ и Грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній) освобождаютъ насъ отъ обязанности говорить много объ этомъ предметѣ.

Преподаватели исторіи и русскаго языка рекомендуютъ семинаристкамъ книги для чтенія или отдѣлы изъ книгъ.

Въ нѣкоторыхъ заграничныхъ семинаріяхъ одинъ день въ недѣлѣ, кромѣ воскресенья, воспитанникамъ предоставляется выбирать самимъ занятія на весь этотъ день; программу предполагаемыхъ занятій на весь этотъ день, составленную каждымъ отдѣльно для себя, представляютъ они предварительно на разсмотрѣніе учителя. День этотъ обыкновенно посвящается чтенію. Такой перерывъ систематическихъ работъ даетъ ученикамъ возможность отдохнуть, принося съ собой однакожь тѣ или другія знанія. Нѣтъ

сомнѣнія, что эти полувакаціонные дни будутъ полезны и въ предполагаемыхъ женскихъ семинаріяхъ.

Необходимой принадлежностью семинаріи нужно считать мастерскую. Работы въ ней представляютъ съ одной стороны рядъ тѣлесныхъ упражненій, составляющихъ противовѣсъ умственному напряженію, съ другой — онѣ имѣютъ цѣлію практическое ознакомленіе ученицъ съ извѣстными мастерствами. Работы могутъ быть слѣдующаго рода: шитье, переплетное мастерство, башмачное, прачешное, ткацкое, токарное и др.

Въ интересахъ самого дѣла, равно какъ и въ интересахъ развитія ученицъ необходимо, чтобы завѣдываніе мастерствами было въ рукахъ самихъ ученицъ. Каждый мѣсяцъ въ общемъ собраніи должны онѣ выбирать изъ себя 2 — 3-хъ подругъ которыя бы занимались покупкою матеріаловъ для мастерской, инструментовъ, веденіемъ книгъ, продажею издѣлій въ магазинѣ устроенномъ при семинаріи, распредѣленіемъ прибыли. Дѣйствія этихъ выборныхъ каждый мѣсяцъ разсматриваются въ общемъ собраніи ученицъ, гдѣ вообще поднимаются и рѣшаются простымъ большинствомъ всѣ вопросы по мастерской. Въ виду того, что ученицамъ придется показывать въ сельскихъ школахъ физическіе и химическіе опыты, что безусловно необходимо, существенно важно выучить ихъ въ семинаріи обращаться съ простѣйшими инструментами, показать имъ, какъ нужно ихъ беречь и чинить въ случаѣ порчи, такъ какъ въ нашихъ деревняхъ зачастую и кузнеца не найдешь.

Снабдить каждую ученицу по выходѣ изъ семинаріи несложной лабораторіей, термометромъ, спиртометромъ, искуственнымъ магнитомъ, гигрометромъ и пр., дѣло вовсе не представляющее какихъ либо трудностей, если только земства и думы не поскряжничаютъ.

Но однихъ ремеслъ мало для укрѣпленія тѣла. Во всѣхъ раціональныхъ педагогическихъ учрежденіяхъ вводится гигіеническая гимнастика, включающая въ себѣ рядъ цѣлесообразныхъ движеній, направленныхъ къ полному развитію всей мускулатуры. Она необходима и здѣсь. Руководствами, могутъ служить книга Ухова: «Руководство къ педагогической и гигіенической гимнастикѣ» и книга Шребера, «Комнатная гимнастика». Хорошо было бы имѣть для этого вольныя гимнастическія рубашки. Занятія такого рода содѣйствуютъ очевидно развитію ловкости, терпѣнія и точности. Чистота и порядокъ должны быть необходимо соблюдаемы при всѣхъ занятіяхъ. Гигіена такимъ образомъ будетъ усвоена практически. Впродолженіе года ученицы старшаго класса, а если удобно и другихъ, отправ-

ляются разъ 6, 7 въ деревню для ознакомленія съ гигіеническою обстановкою крестьянскихъ дѣтей. Онѣ должны лицомъ къ лицу стать съ ужасной средой этихъ дѣтей и подумать заранѣе о средствахъ помочь горю. Руководитель представитъ имъ при этомъ цифры ужасающей смертности малолѣтнихъ, доходящей до того, что почти всѣ дѣти, рождающіяся въ первой половинѣ года, вымираютъ въ лѣтніе мѣсяцы страды, а изъ рождающихся во вторую половину года, едва 15—20 изъ сотни достигаютъ зрѣлаго возраста. Конечно ему придется прежде всего обратить вниманіе на небрежность нашихъ крестьянъ и отсутствіе всякаго, вполнѣ возможнаго ухода за младенцами. Напримѣръ, избы нашихъ крестьянъ, курныя, темныя и сырыя, вѣчно наполнены дымомъ, между тѣмъ какъ глиняная труба стоитъ весьма дешево. Этимъ дымомъ дѣти дышатъ со дня своего рожденія, получая такимъ образомъ всевозможныя грудныя и глазныя болѣзни. Есть даже отвратительныя привычки у крестьянокъ—матерей: онѣ сажаютъ, напримѣръ, своихъ дѣтей, завязанныхъ туго-на-туго, въ горнушки, возлѣ печей во время топки, и дымъ разъѣдаетъ ихъ глаза, поражаетъ ихъ легкія; сажаютъ больныхъ дѣтей въ натопленную печку вмѣстѣ съ хлѣбами. Онѣ не моютъ никогда своихъ ребятъ, не чешутъ ихъ, не стригутъ ихъ волосъ, хотя это нестоитъ ровно ни копѣйки, предупреждая въ то же время болѣзни и смерть. Выдетъ дымъ изъ избы, наступаетъ угаръ: у дѣтей начинаются мучительныя головныя боли, тошнота. Ночью опять новая и самая ужасная перемѣна. Войдите вы въ любую крестьянскую избу ночью или утромъ по раньше и васъ обдастъ такой отвратительной сѣроводородной вонью, что её трудно выносить не только ребенку, но и взрослому. Съ самаго перваго дня дѣтей пеленаютъ и увязываютъ до искалѣченія, если они заревутъ, ихъ успокоиваютъ укачиваніями, крикомъ и ударами. Самое трудное время для дѣтей—это лѣтняя страда: ихъ бросаютъ дома на пропзволъ судьбы безъ всякаго присмотра; въ поле берутся только грудные младенцы и тѣ не на радость: цѣлые сутки проводятъ они подъ нестерпимымъ зноемъ, выбиваясь изъ силъ отъ крику и плача, страдая отъ голода (молоко матери пересыхаетъ, да его и мало вообще) и мучительной жажды.

Посуда, изъ которой ѣдятъ дѣти, не моется и вѣчно грязна, пища ихъ состоитъ изъ ржанаго хлѣба, пустыхъ щей, кислаго молока, каши, все равно какъ и у взрослыхъ.

Оспы дѣтямъ не прививаютъ. Во время болѣзней ребенка не лѣчатъ, а все только отчитываютъ, наговариваютъ, обливаютъ нашептанной водой; пища во время болѣзни и питье именно такого рода, чтобы только усилить болѣзненное состояніе ребенка. Что же

удивительнаго, что смертность такъ громадна у насъ. Вотъ почему средняя жизнь у насъ короче, чѣмъ во всей остальной Европѣ, не смотря на то, что у насъ нѣтъ постоянныхъ эпидемій; вотъ почему наши семейства крестьянскія переполнены не въ мѣру дряхлыми стариками и старухами, неспособными къ работѣ въ 40—50 лѣтъ, чего напр. въ Германіи и не встрѣтишь. Всего лучше если руководитель укажетъ семинаристкамъ на средство противодѣйствовать этимъ грустнымъ явленіямъ, напр. на дѣтскіе сады, доступные и единичнымъ силамъ каждой учительницы. О дѣтскихъ садахъ въ селахъ и воспитательницахъ, которыхъ нужно отличать отъ учительницъ, будетъ сказано въ другой статьѣ. Въ подобныхъ экскурсіяхъ изучится и поймется важность гигіены легче, чѣмъ изъ уроковъ.

Въ мѣсяцъ одинъ или два раза должны происходить въ семинаріи литературныя чтенія изъ русскихъ авторовъ, по указанію учителей, въ присутствіи всѣхъ семинаристокъ. При чтеніи учителя должны вызывать слушательницъ на разсужденія и споры. Наконецъ хорошо организованный хоръ, состоящій по возможности изъ всѣхъ ученицъ, служитъ не менѣе необходимой принадлежностью учрежденія. Ученицы распространятъ тогда по деревнямъ это прекрасное, облагораживающее искуство, вытѣснивъ заунывныя пѣсни крестьянъ.

V.

Часть педагогическая. Главнѣйшая задача семинаріи заключается, однакожь, не въ сообщеніи знаній, а въ томъ, чтобы вполнѣ познакомить ученицъ съ лучшими способами передачи ихъ другимъ, въ томъ, чтобы помочь ученицамъ овладѣть въ совершенствѣ педагогическими законами и дать достаточно средствъ къ пріобрѣтенію опытности въ примѣненіи ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ практики. Для этой цѣли вводится въ семинаріи: 1) теоретическое преподаваніе общей педагогики и дидактики и 2) практика въ школѣ. Одно теоретическое знакомство съ педагогикой, если бы даже присоединилось къ нему посѣщеніе уроковъ опытныхъ учителей, не дало бы должныхъ результатовъ: только тогда, когда ученицы занимаются преподаваніемъ сами, могутъ онѣ замѣтить мелочныя, ускользающія отъ наблюдателя, трудности педагогической работы. При семинаріи необходимо по этому имѣть хорошо устроенную трехклассную школу, треть уроковъ въ которой лежитъ на обязанности постоянной образцовой учительницы, а остальныя двѣ трети распредѣляются между ученицами 3-го и отчасти 2-го класса (школу эту не должно смѣшивать съ приготовительнымъ классомъ, о которомъ было говорено выше).

Педагогическія занятія могутъ быть или болѣе, или менѣе *продолжительными*, для чего каждая семинаристка высшихъ классовъ беретъ на себя преподаваніе той или другой вѣтви знанія, или *отрывочными*. Въ послѣднемъ случаѣ семинаристка даетъ отдѣльные пробные уроки по разнымъ предметамъ преподаванія. 3) Практикѣ семинаристокъ въ школѣ должны предшествовать приготовительныя работы, для чего каждая изъ нихъ, предъ началомъ своихъ уроковъ, дѣлаетъ соображенія о планѣ обученія, методѣ и вспомогательныхъ средствахъ, цѣли ученія, матеріалѣ и своемъ поведеніи въ классѣ. По окончаніи педагогическихъ работъ въ школѣ практикантка представляетъ отчетъ о своей дѣятельности, который подвергается строгой критикѣ постоянныхъ трехъ, четырехъ рецензентокъ, выбранныхъ для этой цѣли, затѣмъ передается на разсмотрѣніе подругамъ класса, образцовымъ учителямъ и директрисѣ, которые дѣлаютъ свои замѣчанія, имѣя въ виду единственную цѣль—облегчить трудъ начинающей учительницѣ. 4) Практика семинаристки не должна состоять исключительно въ обученіи, но столько же и въ пріобрѣтеніи навыка руководить школой вообще и выполнять всѣ разнообразныя требованія школьной дѣятельности, въ умѣньи педагогически гуманно обращаться съ дѣтьми. На эту сторону дѣла ученицы обращаютъ особенное вниманіе: онѣ дѣлаютъ наблюденія надъ собою и другими, вносятъ замѣтки въ свои записныя книжки, которыя непремѣнно должны быть у всякой, и обсуждаютъ ихъ въ собственныхъ конференціяхъ.

Теоретическое преподаваніе педагогики.

Въ курсъ теоретической педагогики должны войти важнѣйшія психологическія и логическія свѣдѣнія, насколько онѣ необходимы для общаго знакомства съ психическою жизнью человѣка (образованіе представленій, понятій; различные виды сужденій и пр.). Но самую важнѣйшую часть ея составляетъ безъ сомнѣнія точнѣйшее изслѣдованіе методовъ знанія: индуктивнаго, сравнительнаго и дедуктивнаго и на это должно быть обращено особенное вниманіе. Всего лучше было бы преподавать педагогику не въ непрерывномъ курсѣ, не въ систематическихъ чтеніяхъ, а въ формѣ разговоровъ съ ученицами: учитель предлагаетъ, держась извѣстной программы, тѣ или другіе вопросы, а ученицы обсуждаютъ ихъ подъ его руководствомъ. Сначала такое преподаваніе бываетъ сопряжено съ затрудненіями и потерей времени, но потомъ дѣло идетъ легко; трудности вознаграждаются потомъ сторицею. Существенно важно также, чтобы ученицы по выслушаніи учительскаго чтенія по какому либо предмету излагали въ краткихъ чертахъ главный ходъ мыслей лекціи, такъ, чтобы было вполнѣ усвоено ея общее содержаніе. Изложеніе должно быть по возможности свобод-

нымъ воспроизведеніемъ сказаннаго, а не буквальнымъ записываніемъ фразъ учителя. Такія письменныя упражненія имѣютъ сильное развивающее значеніе.

Практическія занятія въ школѣ.

При семинаріи предполагается трехклассная народная школа, устроенная примѣрно на основаніяхъ, изложенныхъ въ книгѣ Корфа «Русская начальная школа». Конечно въ нашихъ селахъ и деревняхъ еще не скоро будутъ такія сложныя школы, но семинаристки привыкши вести дѣло въ сложной трехклассной школѣ уже легко могутъ потомъ руководить одноклассной или двуклассной школой. Семинарская школа должна быть вполнѣ образцовою. Для привлеченія возможно большаго числа дѣтей въ эту школу слѣдуетъ ученическъ ея освободить отъ всякой платы или, по крайней мѣрѣ, уменьшить ее до ничтожной цифры. На первый разъ можетъ показаться, что никакіе родители не согласятся отдать своихъ дѣтей въ школу, гдѣ будутъ производить надъ ихъ дѣтьми различные педагогическіе эксперименты: но опытъ германскихъ семинарій доказалъ противное. Въ Германіи родители съ радостію отдаютъ дѣтей въ семинарскія училища, вполнѣ увѣренные, что въ нихъ употребятъ всѣ средства, чтобы разумно образовать ихъ дѣтей. Нечего прибавлять, что семинарская школа должна быть смѣшанная для обоихъ половъ: въ деревняхъ иначе школъ нельзя и учреждать.

Школа составляетъ центръ семинаріи; всѣ занятія семинаристокъ должны быть направляемы сообразно съ требованіями школы, ничего не должно вводить въ семинарію кромѣ того, что можетъ научить семинаристокъ вести разумно школы и образовать изъ нихъ (т. е. сдѣлать) дѣльныхъ учительницъ. Все узнанное въ семинаріи примѣняется здѣсь на дѣлѣ и, т. о. дѣятельность каждой семинаристки будетъ повѣркой всѣхъ ея занятій. Само собою разумѣется, что школьныя занятія семинаристокъ должны быть соразмѣрены по строго опредѣленному плану, всѣ дѣйствія ихъ въ классѣ должны обсуждаться всѣми ими вмѣстѣ, учителями, директрисой.

Чтобы удовлетворить такимъ требованіямъ, очевидно, нужна значительная подготовка. Учителя должны указывать ученицамъ лучшія вспомогательныя средства, особенно книги, которыми они могли бы руководиться при преподаваніи. Дѣло учительницы отнюдь не должно ограничиваться зубреніемъ учебниковъ, которые пріучатъ ее къ бездѣйствію и приведутъ къ отупѣнію. Истинныя вспомогательныя средства должны быть такими, которыя по своему объему содержали бы больше, чѣмъ требуетъ школьная программа, чтобы онѣ основы-

вались на началахъ разумной дидактики, и чтобы примѣненіе ихъ къ частнымъ случаямъ преподаванія было легко.

Обращаясь къ частнымъ случаямъ преподаванія различныхъ предметовъ въ школѣ, мы беремъ за руководство книгу Корфа «Русская начальная школа», 2-е изд.

1) Обученіе чтенію должно вестись по звуковому методу и всего лучше по руководству барона Н. А. Корфа (Руководство къ обученію грамотѣ 25 к. сер.), при чемъ семинаристки должны быть вполнѣ знакомы съ тѣмъ отдѣломъ книги «Рус. нач. школа», гдѣ говорится объ обученіи чтенію, стр. 125—194, изд. 2-е, С.-Пб. Тамъ же указаны и книги для чтенія (Ушинскаго, Водовозова, Корфа).

2) Обученіе письму идетъ одновременно съ обученіемъ чтенію и только уже послѣ того, какъ пройдена азбука, письмо составляетъ отдѣльную вѣтвь. Правила, которыми нужно руководиться при обученіи письму, изложены весьма подробно въ той же книгѣ Корфа стр. 194—222.

3) При преподаваніи Закона Божія для первыхъ двухъ классовъ школы нужно выбирать новозавѣтные разсказы, болѣе простые и болѣе приближающіеся къ развитію дѣтей и затѣмъ уже переходить къ труднѣйшимъ. Систематическаго изученія священнаго писанія нельзя требовать въ школѣ. Нужно стараться дальше, чтобы учащіеся воспроизводили не только одни слова, но и представляли бы себѣ и соотвѣтствующіе имъ предметы: лица, мѣста, положенія; въ виду этого необходимо сдѣлать разсказъ по возможности наглядньмъ, съ одной стороны разлагая его на части, съ другой — поясняя положеніе лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, аналогіями изъ дѣтской сферы. О преподаваніи Закона Божія смотри въ книгѣ Корфа, стр. 296—312, гдѣ указаны и руководства.

4) При преподаваніи русскаго языка нужно начинать съ разложенія простаго предложенія на части, съ объясненія различныхъ видовъ предложенія и затѣмъ уже переходить къ этимологіи. Руководствами здѣсь могутъ служить книги Говорова! „Граматика для народныхъ школъ“ и „Граматика для среднихъ учебныхъ заведеній“. Необходимо обращать вниманіе на содержаніе языка, на порядокъ и отношеніе мыслей въ рѣчи и на умѣнье точно выражаться, что особенно важно для нашихъ крестьянъ.

5) При обученіи счету лучше всего держаться наглядной и слуховой методы, о чемъ подробно изложено въ книгѣ Корфа, стр. 222—262, гдѣ указаны и пособія.

6) Умѣть чертить планы и владѣть достаточнымъ навыкомъ въ сниманіи съ натуры совершенно необходимо для нашего крестьянина.

Потому придется на эти искуства удѣлять довольно времени и въ семинаріи, и въ школѣ. При рисованіи учащіеся должны сначала пріобрѣсти навыкъ въ точномъ опредѣленіи величины, разстояній и линейныхъ фигуръ, затѣмъ слѣдуетъ копировка и черченіе съ натуры. При семинаріи долженъ находиться рисовальный кабинетъ снабженный инструментами, красками, образцами и другими средствами. Корфъ, Рус. нач. школа, стр. 275—279.

7) Особенной заботливости требуютъ естественныя науки. Здѣсь должно поставить прежде всего необходимымъ правиломъ слѣдующее положеніе: *не узнавать изъ книгъ ничего такого, что можно узнать изъ самой природы, окружающей учащихся.* Если нельзя видѣть самихъ предметовъ, то нужно показывать ихъ изображенія. Въ противномъ случаѣ лучше вовсе не говорить объ извѣстномъ явленіи, предметѣ, чѣмъ заставлять зубрить непонятныя разсужденія о нихъ. Руками учениць долженъ быть устроенъ мѣстный гербарій, мѣстные зоологическій и минералогическій кабинеты. То, чего нельзя найти въ данной мѣстности, но что существенно необходимо, придется купить. При семинаріи важно имѣть средства для точныхъ метеорологическихъ наблюденій: термометръ, барометръ, психромертъ, гигрометръ и другія. Стѣны классовъ должны быть увѣшаны изображеніями растеній и животныхъ. Лабораторія, хотя бы и несложная, составляетъ неизбѣжную принадлежность семинаріи. Всѣми перечисленными пособіями ученицы пользуются при преподаваніи въ школѣ.

8) Не меньше вниманія должно быть посвящено географіи. Пора отбросить въ школахъ то безсмысленное преподаваніе этого предмета, при которомъ набиваютъ дѣтей массой именъ, чиселъ, забавныхъ анекдотцевъ и разсказцевъ о достопримѣчательностяхъ, интересныхъ очерковъ и пр.—пользы въ такомъ преподаваніи для школы ровно никакой. На первомъ планѣ при изученіи географіи должно стоять родиновѣдѣніе, т. е. связный рядъ живыхъ описаній и объясненій изъ того, что ближайшимъ образомъ окружаетъ ученицу. При объясненіи понятія, напр., рѣки и ея частей, легко можно воспользоваться протекающимъ вблизи ручьемъ, разсмотрѣть въ немъ русло, берега, подойти къ его устью, разсказать о той рѣкѣ, куда онъ впадаетъ и такъ продолжать до моря. Такъ слѣдуетъ поступать съ холмами, съ направленіемъ вѣтровъ и пр. Очевидно, что такое преподаваніе требуетъ много опытности въ преподавательницѣ и предполагаетъ научныя прогулки. Но трудности эти вполнѣ вознаграждаются полезными результатами такого преподаванія. Въ концѣ концовъ изученіе географіи должно привести семинаристокъ къ полному знакомству съ устройствомъ поверхности данной мѣстности,

съ направленіемъ и свойствами рѣкъ ея, равно какъ и съ возможностью практическаго пользованія ими, съ климатомъ и его разнообразными вліяніями, съ почвой и ея продуктами, съ населеніемъ мѣстности по его племенному и нарѣчному составу, съ плотностію и движеніемъ обоихъ половъ населенія, съ кадастромъ ближайшихъ земель, если это возможно, съ количествомъ населенныхъ мѣстностей (деревни, села, города, посады), съ ихъ значеніемъ, какъ пунктовъ производства и обмѣна, съ степенью раздѣленія труда въ мѣстныхъ производствахъ и возможностью дальнѣйшаго совершенства въ этомъ направленіи, съ степенью развитія населенія этой мѣстности. Необходимо также, чтобы каждая семинаристка изучила карту своей губерніи и даже ее окружающихъ, умѣла чертить ее, равно какъ и карту Россіи. Карты печатныя развѣшиваются по стѣнамъ классовъ. Въ каждой мѣстности должно быть включено, т. о. въ общее руководство географіи Россіи (географіи Бѣлохи) подробное описаніе родной мѣстности. О заграничныхъ государствахъ сообщаются короткія, хотя и основательныя свѣдѣнія. Изъ всѣхъ этихъ знаній важнѣйшія сообщаются въ школѣ. См. Корфъ, стр. 263—296.

Школьная дисциплина. Вотъ одинъ день изъ школьной практики семинаристки. Вполнѣ приготовившись, входитъ она, молодая 18—20-ти лѣтняя дѣвушка, въ классъ, гдѣ дожидаются ея 30 учениковъ и ученицъ. Это главное поле ея дѣятельности. Здѣсь должна она пріобрѣсти навыкъ владѣть учебнымъ матеріаломъ, навыкъ въ безошибочномъ примѣненіи педагогическихъ законовъ, тактъ въ обращеніи съ различными натурами учащихся. Достигнуть всего этого она одна, своимъ единичнымъ опытомъ, не можетъ: ея дѣятельность должна быть соразмѣрена съ извѣстными правилами, выражающими собою длинный опытъ прежней практики. Правила эти, составленныя директрисой и учителями въ присутствіи семинаристокъ, должны быть для всѣхъ обязательны. Они поясняются живыми примѣрами опытныхъ преподавателей и директрисы и дополняются совѣтами и указаніями этихъ послѣднихъ. Существенно необходимо, чтобы подобныя указанія не были облекаемы въ начальническую форму приказаній, а были излагаемы въ видѣ положеній, основанныхъ на доказательствахъ и примѣрахъ.

Въ 7 ч. 45 м. собираются ученики и ученицы въ классы школы въ которую пришли уже семинаристки высшаго класса. Одѣтыя просто, но чисто и опрятно, ходятъ онѣ вдоль по свѣтлому коридору, въ который выходятъ двери школы. Среди разговоровъ, шутокъ и споровъ, встрѣчаютъ онѣ входящихъ дѣтей; отвѣчая имъ на поклоны ласково, безъ принужденности и пошлой педантской важ-

ности. Ни криковъ, ни понуканій не слышно. Дѣти расходятся по классамъ и размѣщаются по лавкамъ въ извѣстномъ порядкѣ: слабѣйшія садятся впереди болѣе успѣвающихъ. За пять минутъ до начала урока, раздается звонокъ; дѣти усаживаются совершенно и въ классахъ наступаетъ тишина. Присутствіе семинаристокъ въ классѣ при надлежащемъ веденіи дѣла одно достаточно, чтобы достигнуть этой цѣли: наказанія, угрозы, даже увѣщанія должны быть избѣгаемы. Черезъ пять минутъ второй звонокъ. Съ этимъ звонкомъ входитъ въ классъ учительница—семинаристка. На ея лицѣ, свѣжемъ и привлекательномъ, спокойствіе; на ея губахъ играетъ привѣтливаа улыбка; во всей внѣшности выражается свѣтлое, чистое настроеніе мысли; педантская строгость здѣсь невозможна. Она начинаетъ пѣть молитву, дѣти слѣдуютъ за ней. (Молитву слѣдовало бы пѣть въ школахъ только въ началѣ и концѣ недѣли, а въ остальные дни начинать и оканчивать уроки безъ молитвы, иначе впечатлѣніе слабѣетъ). Послѣ молитвы начинается урокъ. Каждый урокъ непосредственно примыкаетъ къ прежнему уроку по тому же предмету и начинается краткимъ повтореніемъ его. При преподаваніи молодая учительница строго соблюдается съ возрастомъ и развитіемъ учащихся: однихъ, младшихъ, заставляетъ она повторить предыдущій урокъ, отыскать примѣръ подобный сказанному, примѣнить извѣстный примѣръ къ правилу, повторить слова учителя или передать вкратцѣ содержаніе прочитаннаго въ классѣ; другихъ, старшихъ, приглашаетъ она къ болѣе точному опредѣленію понятій, къ обобщеніямъ и выводамъ, къ приведенію въ стройную связь различныхъ мыслей, къ общимъ обозрѣніямъ. Въ классѣ тишина вниманіе учениковъ поддерживается интересомъ урока. Они сидятъ прямо, но не въ струнку: позы должны быть свободны и непринужденны, одежда ихъ отнюдь не сюртуки—это вреднѣйшій изъ костюмовъ для дѣтей—а такая, что не стѣсняетъ ихъ дыханія, не нагрѣваетъ ихъ до пота: полотняныя сорочки для мальчиковъ и свободныя платья для дѣвочекъ. Ни одно слово учительницы не пропадаетъ даромъ. Ея вопросы обращаются сначала ко всему классу, а потомъ вызывается кто нибудь для отвѣта. (Что такое устье рѣки?—Петровъ). Среди отвѣтовъ учительница задаетъ вопросы, относящіеся къ дѣлу, и распространяетъ свѣдѣнія учениковъ разсказами и чтеніемъ отрывковъ изъ книгъ, въ классѣ стоитъ шкафъ съ книгами. Вниманіе другихъ, не отвѣчающихъ, поддерживается постояннымъ спрашиваніемъ то того, то другаго. Въ классѣ въ извѣстномъ мѣстѣ хранятся доски, линейки, грифеля, бумага и карандаши. Раздаются эти вещи ученикамъ въ случаѣ надобности и притомъ съ соблюденіемъ порядка и тишины. При этомъ поступаютъ

такимъ образомъ: доски лежатъ разложенными въ кучи по пяти (на каждой лавкѣ не болѣе 5 учениковъ); учительница вызываетъ двухъ крайнихъ учениковъ съ переднихъ лавокъ, словами: „берите доски“. Каждый беретъ по 5 и раздаетъ своимъ сосѣдямъ по столу. Затѣмъ идетъ другая пара и т. д. Такой порядокъ, необременительный ни для кого, сохраняетъ много времени и освобождаетъ учительницу отъ напрасныхъ угрозъ и вредныхъ наказаній за шалости. Важно, чтобы учительница занималась не всѣмъ классомъ, а кѣмъ нибудь однимъ, но при этомъ такъ, чтобы вниманіе всего класса было возбуждено.

Я увѣренъ, и собственная учительская практика убѣждаетъ меня въ этомъ, что тишины и вниманія въ классѣ можно достигнуть безъ всякихъ сильныхъ средствъ, къ какимъ обыкновенно прибѣгаютъ у насъ: крикъ, брань глумленіе, изгнаніе изъ класса въ корридоръ и пр. Не говоря уже о гуманной точкѣ зрѣнія на дѣло, и съ педагогической стороны такія мѣры не достигаютъ никакой цѣли, кромѣ нравственной порчи учениковъ. Собственно говоря, тайна дисциплины лежитъ въ расположеніи духа учительницы. Если обращеніе ея ровно, если она всегда спокойна, не позволяетъ себѣ никогда ни на одно мгновеніе ни малѣйшаго повышенія тона, если она постоянно занимается дѣломъ, а не пересыпаніемъ изъ пустаго въ порожнее, не разсыпаетъ во всѣ стороны ни порицаній, ни одобрѣній, будетъ въ классѣ и тишина и вниманіе безъ всякихъ взысканій и угрозъ. Въ противномъ случаѣ всякая дисциплина потеряна и ничѣмъ ея не возстановишь. Но основная причина, вызывающая строгія мѣры въ нашихъ школахъ, лежитъ, кромѣ дурнаго преподаванія, въ системѣ поощреній и порицаній, системѣ, вошедшей въ нашу педагогическую практику въ широчайшей степени. Дѣйствительно, въ нихъ существуетъ столько средствъ къ возбужденію тщеславія, зависти, злобы, желанія первенствовать, что о чистой привязанности къ наукѣ нечего и думать. Въ одномъ изъ учебныхъ заведеній произошла слѣдующая сцена: директоръ заведенія, похвалилъ предъ всѣмъ классомъ одного ученика, бывшаго съ послѣдней пересадки первымъ въ спискѣ. Это раздражило втораго, слѣдовавшаго за нимъ и надѣявшагося въ ближайшую пересадку, занять его мѣсто. Не думая долго, этотъ, второй, втыкаетъ въ глазъ своего товарища, перочинный ножъ съ тѣмъ, чтобы тотъ ослѣпъ: съ однимъ глазомъ не будетъ дескать такъ учиться, какъ съ двумя. Мальчикъ кривой и до сихъ поръ. Конечно это уже черезъ чуръ рѣзкій и рѣдкій случай, но тѣмъ не менѣе вліяніе среды здѣсь замѣтно сразу. Кто знакомъ съ средой учениковъ, тотъ знаетъ, что постоянной темой ихъ разговоровъ служатъ

отмѣтки, отличія, осужденіе того или другаго товарища, порицаніе учителей за ихъ скупость на баллы и пр.: говоритъ объ интересахъ знанія, считается педантствомъ. Надо думать, что эта система, разжигающая пороки мелкаго эгоизма и своекорыстія, оставляетъ въ нашемъ молодомъ поколѣніи глубокіе слѣды.

По моему мнѣнію, успѣхи учениковъ, должны обусловливаться исключительно сознаніемъ необходимости и пользы ученія, и больше ничѣмъ. Всѣ эти баллы, пересадки, отличія (похвальные листы, книги, медали), словесныя одобренія и порицанія слѣдовало бы вовсе оставить. Тогда изчезло бы значительное число поводовъ къ употребленію строгихъ мѣръ и взысканій. Къ сожалѣнію, впрочемъ еще нѣтъ такой школы, гдѣ такой идеалъ былъ бы осуществленъ, и нѣтъ ихъ, главнѣйшимъ образомъ, отъ того, что нѣтъ вполнѣ раціональныхъ педагоговъ. Имѣя въ виду, однакожь, хоть сколько нибудь, измѣнить къ лучшему такое положеніе дѣла, я предложилъ бы, по крайней мѣрѣ, ограничиться только замѣтками, о лучшихъ и худшихъ отвѣтахъ въ классѣ, отбросивъ всѣ другіе пріемы одобренія. Если же не съумѣютъ на первыхъ порахъ обойтись безъ взысканій, то желательно было бы, чтобы онѣ ограничивались только слѣдующими формами ихъ: словесное приглашеніе къ соблюденію тишины безъ раздраженія въ голосѣ, однократное и двукратное увѣщаніе, удаленіе отъ товарищей къ стѣнѣ класса, наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, оставленіе на часъ послѣ окончанія уроковъ, что, однакожь, при числѣ часовъ большемъ трехъ, не можетъ быть вовсе допускаемо. А главное нужно постояно пояснять ученикамъ, какъ вредитъ нарушеніе тишины всѣмъ товарищамъ, пояснять не голословно, а представляя примѣры, происходившіе въ глазахъ самихъ учениковъ. Частыя, строгія наказанія — вѣрный признакъ грубости и невѣжества учителя и въ нихъ—то, главнымъ образомъ, надо искать главныхъ причинъ многихъ пороковъ нашего юношества.

Дѣло подходитъ къ концу урока. Учительница приступаетъ къ объясненію слѣдующаго урока. Она разсказываетъ, вызываетъ вопросами учениковъ на обсужденіе разсказа и, наконецъ, оканчиваетъ указаніемъ на послѣдній пунктъ, къ которому примкнетъ потомъ слѣдующій урокъ.

Дежурные класса собираютъ въ порядкѣ доски, линейки. Учительница подходитъ къ книгѣ, лежащей на учительскомъ столѣ, и записываетъ: 1) содержаніе пройденнаго въ данный урокъ; 2) слѣдующій урокъ по этому предмету; 3) имена отсутствующихъ и 4) дѣлаетъ отмѣтки о лучшихъ и худшихъ отвѣтахъ впродолженіе урока, равно какъ и о поведеніи учениковъ, нарушившихъ тишину. Послѣ

перваго часа рекреація въ десять минутъ. Проходитъ 2 урока. Веселой толпой выходятъ дѣти на обширный дворъ или, въ случаѣ непогоды, въ залъ и корридоръ; во главѣ каждаго класса учительница; дѣти ведутъ себя свободно; устраиваются игры, общіе танцы подъ пѣсни, бѣганье въ запуски и пр. Учительница принимаетъ въ нихъ дѣятельное участіе и поведеніе ея такъ просто, что дѣти видятъ въ ней только старшаго товарища. Она будетъ устраивать и въ селахъ подобныя игры, хоть тамъ это сильно не понравится крестьянамъ; но она съумѣетъ убѣдить ихъ, такъ какъ игры эти необходимы: онѣ укрѣпляютъ тѣло, возбуждаютъ вниманіе и энергію умственной дѣятельности. Иногда садится она за рояль, если онъ есть въ семинаріи (не щадите средствъ на воспитаніе народа) и подъ звуки музыки начинаются ритмическіе танцы и пляски. Всѣ игры такого рода, что въ нихъ принимаютъ участіе многія дѣти; желательно было бы, чтобы всѣ дѣйствія шли рука объ руку съ пѣніемъ, какъ у насъ въ хороводахъ. Игръ много можно найти въ нѣмецкой книгѣ Köhler'a (Die Bewegungspiele des Kindergartens, 3-te Auflage). Игры и пѣсни воспитываютъ въ дѣтяхъ чувство взаимности и общности интересовъ. Перемѣна продолжается полчаса; дѣти успѣютъ въ это время и закусить. За играми опять урокъ. Къ концу полудня слѣдуетъ обѣдъ и отдыхъ. Послѣ уроковъ, послѣ обѣда (нѣкоторые обѣдаютъ и дома, если хотятъ, *но въ деревнѣ существенно важно устроить для дѣтей обѣдъ при школѣ)* дѣти расходятся по домамъ.

Такъ проходитъ недѣля. Въ субботу, по окончаніи уроковъ—они оканчиваются въ этотъ день раньше—собираются семинаристки и учащіеся въ школѣ въ одну общую залу. Директриса дѣлаетъ обзоръ всего сдѣланнаго учащимися впродолженіе недѣли; рѣчь ея не должна быть длинна, но она должна быть сказана въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ; въ ней должны быть указаны недостатки, замѣченные въ общемъ ходѣ дѣла, но отнюдь не въ поведеніи отдѣльныхъ лицъ. Недѣля оканчивается играми и пѣніемъ. Такъ проходитъ годъ; вакаціи на Рождество, масляницу и Пасху, даютъ учащимся возможность подкрѣпить себя отдыхомъ. Впродолженіе года, дѣтямъ и семинаристкамъ, нерѣдко напоминаютъ объ экзаменахъ. Подъ этимъ словомъ разумѣется, не тѣ блистательныя для зрителей и невыносимыя для учениковъ зрѣлища, которыя теперь носятъ это имя. Впрочемъ и въ томъ видѣ, въ какомъ экзаменъ будетъ представленъ здѣсь, онъ удерживаетъ за собою большую часть подобныхъ испытаній, хотя и въ ослабленномъ видѣ. Конечно здѣсь уже ни коимъ образомъ не можетъ быть допущено то урѣзываніе курсовъ, выкидываніе трудныхъ билетовъ и прочіе фокусы, которые господ-

ствуютъ иногда на экзаменахъ. Вся эта ложь не мыслима въ разумной школѣ. Было бы всего лучше замѣнить экзамены такъ называемыми босѣдами, которыя введены у насъ пока только въ новгородской земской учительской семинаріи. Но имѣя въ виду, что во 1-хъ, такого рода бесѣды, требуютъ значительной траты времени, котораго у нашихъ провинціальныхъ учителей, дающихъ нерѣдко по 8—9 уроковъ въ день, то тамъ, то здѣсь, вовсе нѣтъ, а во 2-хъ, что учителя наши, даже гимназическіе, сами прошедшіе только чрезъ экзамены, не приготовлены къ такого рода сложной операціи, какъ бесѣды и могутъ только испортить дѣло, лучше на время оставить по прежнему систему экзаменовъ. Экзамены полезны тѣмъ (равно какъ и бесѣды), что заставляютъ повторять все пройденное за одинъ разъ, что даетъ возможность къ обобщенію содержанія предмета и дѣланію выводовъ. Семинаристкамъ, при обыкновенной программѣ выдается предъ экзаменомъ перечень вопросовъ, при разрѣшеніи которыхъ требуется необходимо основательное знаніе предметовъ. Въ самый день испытанія, экзаменаторы—трое для каждаго предмета—приносятъ списокъ другихъ вопросовъ, на которые ученицы будутъ отвѣчать экспромтомъ. Билеты, употребляемые теперь на экзаменахъ, могутъ быть удержаны. Но ограничиваться спрашиваньемъ одного только билета, значитъ превращать экзаменъ въ кукольную комедію. Экзаменаторы должны убѣдиться вполнѣ, дѣйствительно ли ученица знаетъ весь предметъ и для этого предлагать вопросы изъ всего курса. Поведеніе экзаменаторовъ при испытаніи должно быть такого рода, чтобы оно ободряло и успокоивало отвѣчающую. Мнѣ всегда было невыносимо видѣть, какъ испытывающіе старались придумывать вопросы наиболѣе сбивчивые, наиболѣе запутанные изъ за простого желанія доканать того или другаго ученика. Отмѣтки на экзаменѣ всего удобнѣе выводить слѣдующимъ образомъ: каждый изъ экзаменующихъ отмѣчаетъ въ своемъ спискѣ всѣ удовлетворительные и неудовлетворительные отвѣты учницъ приблизительно такимъ образомъ: а = невѣрный отвѣтъ на заданный вопросъ, б = неопредѣленный, в = правильный, д = правильный длинный отвѣтъ. Напримѣръ:

	Законъ Божій	Русскій языкъ	Математика	
Иванова.	а, в, в, б, в.	в, в, д, д, а, б.	а, в, б, в, д.	и т. д.

Такого рода протоколъ даетъ возможность судить о соразмѣрности и несоразмѣрности заданныхъ вопросовъ, объ отношеніи отвѣтовъ правильныхъ къ неправильнымъ во всемъ классѣ. Подобный способъ предупреждаетъ также споры между экзаменаторами и заставляетъ ихъ слушать отвѣчающихъ внимательно, а не ставить отмѣтки, какъ попало. Желательно было бы, чтобы на экзаменахъ присутство-

вали посторонніе посѣтители; присутствіе ихъ важно въ томъ отношеніи, что къ семинаріи возбуждается довѣріе, если всѣ видятъ своими глазами успѣшность занятій, и что сами учителя въ виду критическихъ отзывовъ объ нихъ будутъ стараться исполнять свое дѣло добросовѣстно. При оцѣнкѣ знаній ученицъ необходимо принимать во вниманіе ихъ успѣхи впродолженіе года. Во вторую половину учебнаго года, отъ 4 до 5 дней въ разное время, каждый разъ не болѣе дня, посвящается публичнымъ упражненіямъ ученицъ въ гимнастикѣ, пѣніи, танцахъ, въ исполненіи физическихъ и химическихъ опытовъ, въ изготовленіи и объясненіи различныхъ произведеній мастерства ученицъ. Программа такихъ упражненій составляется за недѣлю до упражненія совѣтомъ учителей и ученицъ и затѣмъ передается этимъ послѣднимъ для исполненія. Упражненія эти никогда не должны совпадать съ временемъ испытаній по другимъ предметамъ.

Какъ руководить практическими занятіями семинаристокъ высшаго класса въ школѣ?

Впродолженіе года практическая дѣятельность семинаристокъ подвергается всестороннему обсужденію совѣта учителей и директрисы. И сами семинаристки постоянно занимаются разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ своихъ дѣйствій. Это послѣднее особенно важно, потому что оно пріучаетъ ихъ къ самостоятельности и дѣлаетъ возможнымъ дальнѣйшее саморазвитіе—крайняя цѣль, которой должно достигать всякое учебное заведеніе. Директриса или опытный учитель посѣщаетъ классы, выслушиваетъ слова учительницы и учениковъ, и затѣмъ по окончаніи урока, вступаетъ съ учительницей во взаимныя объясненія относительно различныхъ особенностей ея преподаванія. Бѣда, если директриса будетъ при этомъ распекать семинаристокъ,—тогда погибло все дѣло: отношенія должны быть основаны на взаимномъ уваженіи. Всего важнѣе однакожъ, чтобы семинаристки наблюдали сами за собой, старались усвоить пріемы опытныхъ учителей и въ случаяхъ колебанія, какъ поступить, обращались къ нимъ самимъ и директрисѣ. При практикѣ семинаристки держатся вообще слѣдующаго порядка. Сначала практикантка, соображаясь съ примѣромъ опытныхъ педагоговъ, старается приложить въ возможной полнотѣ узнанныхъ ею началъ педагогики, потомъ она выслушиваетъ о своихъ первыхъ опытахъ въ обученіи сужденіе директрисы и опытныхъ преподавателей, затѣмъ дѣлаетъ нѣсколько опытовъ въ письменной критикѣ педагогическихъ дѣйствій ея подругъ и наконецъ представляетъ обстоятельную критику одного изъ уроковъ данныхъ ею самой въ классѣ.

Чтобы всѣ эти средства достигли цѣли, онѣ должны быть ведены по извѣстному плану и отличаться достаточной полнотой и обшир-

ностью объема. Каждую недѣлю въ опредѣленный часъ того или другаго дня, собираются директриса, учителя и всѣ семинаристки высшаго класса въ одну изъ классныхъ комнатъ, гдѣ сидятъ уже ученики. Двѣ семинаристки назначены, какъ практикантки, давать каждая получасовой урокъ. Тема и время урока сообщается практикантками за недѣлю, съ тѣмъ чтобы онѣ могли приготовиться. Въ то время, какъ практикантка даетъ урокъ, подруги ея вмѣстѣ съ директрисой и учителями, занявши мѣсто позади учениковъ, вносятъ въ свои книжки различныя замѣтки и наблюденія. Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за преподавательницей главная рецензентка,—семинаристка, назначенная для подробнаго разбора преподаванія. Впродолженіи полчаса идетъ урокъ практикантки; никто не дѣлаетъ ей ни возраженій, ни замѣчаній: она полная госпожа класса и поступаетъ по своему усмотрѣнію. Такимъ же образомъ и вторая. Чрезъ два дня собираются семинаристки высшаго класса и педагоги въ одну комнату для критики разбора. Засѣданіе открывается коротенькой рѣчью директрисы и затѣмъ первая практикантка начинаетъ сама разбирать свой урокъ. Сначала подобныя обсужденія своей дѣятельности бываютъ обыкновенно слабы и неудачны: семинаристка извиняется въ своихъ недостаткахъ, проситъ снисхожденія и пр. Слушатели указываютъ на недостатки такого обсужденія, указываютъ на предметы, на которые слѣдовало обратить вниманіе въ само-критикѣ, и послѣ двухъ-трехъ засѣданій дѣло улучшается. За рѣчью практикантки слѣдуетъ критика главной рецензентки: она прочитываетъ подробный и обработанный разборъ. Сначала непскусные, разборы эти дѣлаются современемъ систематичнѣе; пріобрѣтается навыкъ въ распредѣленіи содержанія по извѣстнымъ пунктамъ: учебный матеріалъ, метода, дикція и вообще техника, дисциплина. Практикантка возражаетъ и защищается, если находитъ, что ее не поняли или поняли невѣрно. Остальные члены конференціи (семинаристки, учителя и директриса) дѣлаютъ также свои замѣчанія, на которыя практикантка также имѣетъ право возражать. Наконецъ директриса обобщаетъ всѣ высказанныя правильныя мнѣнія, отбрасывая неправильныя, и произноситъ заключеніе. Протоколистка записываетъ ходъ преній. Въ слѣдующее засѣданіе протоколъ читается въ присутствіи того же состава членовъ, при чемъ могутъ быть дѣлаемы поправки въ заключеніи предыдущаго совѣта. Вообще критика уроковъ должна быть серьезна, хотя бы она требовала и много времени.

Въ засѣданіяхъ этихъ всѣ должны имѣть право свободно высказывать свои замѣчанія и мнѣнія относительно даннаго предмета, иначе невозможно никакое исправленіе ихъ и цѣль не будетъ дости-

гнута. Директриса должна обладать достаточнымъ терпѣніемъ, чтобы быть въ состояніи терпѣливо выслушивать незрѣлыя и запальчивыя сужденія начинающихъ. Она должна предупреждать поводы къ досадѣ и озлобленію между членами. Оскорбительныя выраженія насчетъ того или другаго изъ слушающихъ должны быть не голословно порицаемы, а всесторонне обсуждаемы. Совѣтъ разбираетъ поводы къ взаимному оскорбленію, обсуждаетъ самыя выраженія во всѣхъ ихъ подробностяхъ и такимъ образомъ оскорбившей самой становится очевидной неумѣстность ея словъ и тона. Два, три такихъ случая достаточно, чтобы возбудить во всѣхъ начинающихъ взаимное уваженіе къ мнѣніямъ другъ друга.

Кромѣ этого засѣданія бываетъ впродолженіи недѣли непремѣнно еще одно. Здѣсь обсуждаются дѣйствія семинаристокъ въ качествѣ ихъ помощницъ на урокахъ образцовыхъ учителей, занятія учащихся въ школѣ, удобства и неудобства классныхъ комнатъ, пособій и пр.; затѣмъ слѣдуютъ отчеты о рекреаціяхъ учениковъ, отчеты о наказаніяхъ, которымъ подвергались ученики впродолженіи недѣли; этотъ послѣдній предметъ разсматривается съ особенной тщательностью: мотивы наказаній, соотвѣтствіе между проступкомъ и наказаніемъ, цѣлесообразность взысканій должны подвергаться всестороннему обсужденію. Въ заключеніе обсуждается по сдѣланнымъ наблюденіямъ поведеніе того или другаго ученика, почему либо обращающаго на себя вниманіе. На всѣхъ совѣтахъ вообще не должно быть иного различія между членами, какъ то, которое существуетъ между людьми болѣе или менѣе опытными; всѣмъ участвующимъ должна быть ясна высокая цѣль ихъ дѣла и ясна на столько, чтобы предъ нею смолкнули всякія личныя побужденія. Въ этихъ то совѣщаніяхъ воспитываются братскія отношенія между воспитателями и воспитанницами, воспитывается то великое чувство единодушія, которое одно можетъ гарантировать успѣхъ всякого дѣла. Совѣты эти имѣютъ также и дидактическое значеніе: они пріучаютъ къ точному способу выраженія мыслей, къ навыку обращать вниманіе на самыя мельчайшія вещи и оцѣнивать ихъ важность, къ уваженію мнѣній другихъ. Для развитія истиннаго педагогическаго характера въ учительницахъ семинарія владѣетъ впрочемъ многочисленными средствами, о которыхъ и будетъ сейчасъ рѣчь.

VI.

Образованіе педагогическаго характера въ семинаристкахъ.

Послѣднею цѣлью семинаріи служитъ образованіе въ будущихъ учительницахъ такого рода чувствъ, настроеній и направленія, ко-

торыя бы гарантировали вѣрное и точное выполненіе правилъ, вынесенныхъ ими изъ семинаріи, образованіе истиннаго педагогическаго характера. Достигнуть этого нельзя ни голословными назиданіями, ни системой возбужденія страстей, достигнуть этого можно только при условіи долговременнаго воздѣйствія на молодыхъ учительницъ, помощію научныхъ объясненій и посредствомъ извѣстныхъ учрежденій.

Въ основѣ самостоятельнаго, твердаго педагогическаго характера, должно быть положено ясное сознаніе, что личная польза будущей учительницы, вполнѣ совпадаетъ съ пользой ея учениковъ и пользой той общины, гдѣ будетъ она работать. Сознаніе это развивается постепенно при самомъ обученіи. Но одного обученія еще слишкомъ недостаточно здѣсь. Нужно, чтобы ученицамъ были представляемы всевозможные случаи, гдѣ бы подтверждалась вѣрность этого положенія, нужно, чтобы весь ходъ педагогическаго дѣла, всѣ учрежденія семинаріи, были направлены къ доказательству и оправданію этой идеи. Въ этомъ отношеніи можетъ быть особенно поучителенъ примѣръ первыхъ христіанскихъ общинъ, и при преподаваніи Закона Божія, на нихъ должно быть обращено особенное вниманіе. Солидарность общей и частной пользы, должна быть поясняема примѣрами изъ настоящей жизни, изъ исторіи, разсужденіями, основанными на выводахъ общественной науки. Я здѣсь привожу рѣчь одного учителя къ своимъ воспитанникамъ, сказанную для цѣли, выраженной выше.

„Представьте себѣ, говорилъ учитель, мастерскую, въ которой работаютъ 20—30 человѣкъ. Каждый изъ нихъ занятъ своимъ дѣломъ: одинъ приготовляетъ пищу, другой шьетъ обувь, третій—портной, четвертый—врачъ, пятый приготовляетъ хозяйственныя орудія, шестой занимается наукой и т. д., и работа каждаго необходима для мастерской. Ни одинъ изъ нихъ не знаетъ другаго занятія, кромѣ своего, да и не имѣетъ ни малѣйшаго къ тому досуга: портной успѣваетъ лишь обшивать всю мастерскую, у врача едва хватаетъ времени предупреждать и лѣчить болѣзни и т. д. Замѣтьте, что со стороны мастерская ничего не покупаетъ. Когда всѣ здоровы, дѣло идетъ хорошо: всѣ сыты, обуты, одѣты, здоровы, всѣ пользуются уроками занимающагося науками, слушаютъ музыку и пр. Но вдругъ заболѣваетъ сапожникъ. Болѣзнь затягивается на недѣлю, на двѣ. Приготовленіе и починка сапогъ останавливаются. Продолжись болѣзнь 3, 5 мѣсяцевъ, всѣ работающіе будутъ ходить или въ дырявыхъ сапогахъ, или вовсе безъ сапогъ, подвергаясь всѣмъ послѣдствіямъ простуды ногъ. Самъ врачъ долженъ употребить всѣ усилія, чтобы избавить другихъ и избѣжать самому печальной участи. Всѣ

мастеровые должны всѣми силами содѣйствовать выздоровленію своего товарища, и не въ силу только одной любви къ нему, а ради своей же личной пользы, ради желанія ходить обутыми и не захворать. Тоже самое будетъ, если случится какое либо несчастіе съ портнымъ и т. д.“ Затѣмъ, эту мастерскую учитель сравнилъ съ деревней, съ городомъ, но здѣсь онъ указывалъ на множество отступленій отъ принципа общности частной и общей пользы и на вредъ подобныхъ отступленій.

Изъ учрежденій, наиболѣе содѣйствующихъ развитію солидарныхъ чувствъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія: 1) совмѣстное житье съ общимъ хозяйствомъ и 2) мастерская, гдѣ ученицы заработываютъ себѣ хлѣбъ и развиваютъ свое тѣло.

1) Общія квартиры. Подъ этимъ разумѣется совмѣстное помѣщеніе 10—15 ученицъ въ одномъ зданіи. Въ такомъ соединеніи на тѣсномъ пространствѣ очевидно необходимо должны развиваться опредѣленныя формы жизни, мысль о раздѣленіи труда, навыкъ къ выполненію общественныхъ обязанностей, что все ведетъ къ выясненію сознанія солидарности частныхъ интересовъ съ общей пользой. Дѣйствія членовъ контролируются здѣсь мнѣніемъ всѣхъ. Здѣсь вырабатывается умѣнье обращаться съ людьми, сознаніе необходимости подчиняться правиламъ, признаннымъ большинствомъ за обязательныя. Всѣхъ подобныхъ результатовъ, достигнуть можно только тогда, однакожь, когда все управленіе общими квартирами будетъ находиться въ рукахъ самихъ семинаристокъ: онѣ сами составляютъ себѣ правила, обязательныя для всѣхъ, ведутъ хозяйственныя дѣла, налагаютъ тѣ или другія взысканія за нарушеніе правилъ. Въ своихъ собраніяхъ, въ концѣ каждой недѣли, онѣ сами выбираютъ изъ среды себя предсѣдательницу и пользуются полной свободой въ обсужденіи предметовъ, касающихся квартиръ. Каждый день одна изъ ученицъ исполняетъ обязанности дежурной: слѣдитъ за чистотой и порядкомъ и пр.; недѣльная наблюдательница кромѣ того слѣдитъ за ходомъ всѣхъ дѣлъ впродолженіи цѣлой недѣли, по окончаніи которой, она отдаетъ отчетъ, предъ общимъ собраніемъ. Въ этихъ собраніяхъ разсматриваются также различныя предложенія, жалобы и всѣ дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ.

2) Мастерская. Многія ученицы семинаріи, вѣроятно будутъ настолько бѣдны, что принуждены будутъ прокармливать себя работой во время ученья. Найдутся также и въ школѣ бѣдные ученики и ученицы, которые также будутъ нуждаться въ работѣ для поддержанія себя. Въ виду этого, необходимо при семинаріи устроить мастерскую, съ магазиномъ для продажи ея издѣлій. Мастерская на-

ходится въ полномъ вѣдѣніи семинаристокъ; доходъ ея дѣлится между всѣми работающими. Объ основаніяхъ ея устройства, говорилось выше, гдѣ она была разсматриваема, какъ педагогическое учрежденіе. Швейныя машины должны быть заготовлены учредителями.

Весьма полезно было бы, если бы ученицы приглашали иногда въ свои собранія директрису, съ цѣлью воспользоваться ея совѣтами. Активнаго участія она не принимаетъ и привиллегированнымъ положеніемъ не пользуется: это повредило бы самостоятельности собраній.

Развитію общественности содѣйствуютъ особыя музыкальныя и вокальныя собранія, литературные вечера, гимнастическія упражненія и танцы.

Наконецъ всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ связываетъ въ одно единство цѣлей и плановъ будущаго. На этой цѣли сосредоточиваются ихъ разговоры, мечты, ихъ думы и планы, которыми онѣ дѣлятся между собою.

Дѣвушка, по выходѣ изъ такой семинаріи, будетъ соединять основательное теоретическое образованіе, съ полнымъ умѣньемъ безошибочно примѣнять выводы науки къ практикѣ, она будетъ въ состояніи выполнить тѣ высокія задачи, которыя лежатъ на сельской учительницѣ и будетъ владѣть всѣми средствами, чтобы доказать, что дѣло воспитанія народа, должно быть преимущественно ввѣрено женщинѣ, что отъ нея и едва ли не отъ нея одной можно надѣяться на полнѣйшее пересозданіе всего строя жизни.

Я заключаю свою статью выраженіемъ глубокой признательности Самарскому земству, за его рѣшеніе, дать женщинамъ не только равноправность, но даже преимущество въ замѣщеніи мѣстъ учительницъ. „Женщина, полагаетъ земство, будетъ дорожить учительскимъ мѣстомъ, такъ какъ другихъ сферъ труда ей не открыто“. Я позволю себѣ выразить надежду, что и остальныя земства поддержатъ это рѣшеніе.

П. Соколовскій.

О ПРИГОТОВИТЕЛЬНОМЪ КУРСѢ ГЕОМЕТРІИ

ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ *).

I.

Математика, по справедливости, считается въ ряду всѣхъ предметовъ среднихъ учебныхъ заведеній однимъ изъ самыхъ образовательныхъ. Это признаютъ болѣе или менѣе люди различныхъ партій, различныхъ взглядовъ на воспитаніе: такъ называемые „реалисты“, полагающіе въ основу общаго образованія реальныя науки и новѣйшіе языки, математикѣ придаютъ первенствующее значеніе, признавая въ ней вліяніе, строго развивающее мышленіе, пріучающее умъ учащагося относиться ко всему осторожно, знакомящее съ стро-

*) Главныя сочиненія и статьи, которыми я болѣе или менѣе пользовался при составленіи настоящей статьи, слѣдующія:

1) *Zizmann.* Geometrische Formenlehre, als Vorbereitung zur gesammten Geometrie 2 части: 1-я часть Lehrstoff и 2-я ч. Uebungstoff. Iena. 1852 г.

2) *Fresenius.* Die Raumlehre, eine Grammatik der Natur 1854 г. Frankfurt a. M.

3) *Гельманъ.* Приготовительный курсъ Геометріи въ вопросахъ. 1868 г.

4) *Косинскій.* Приготовительный курсъ элементарной Геометріи. Выпускъ 1-й. Наглядная Геометрія. Спб. 1865 г.

5) *Главинскій.* Начала линейнаго черченія. Спб. 1863.

6) *Lorey.* Der geometrische Anschauungsunterricht, ein Lehr und Aufgabenbuch. Eisenach 1859.

7) *Falke.* Propädeutik der Geometrie. Leipzig 1866.

8) *Schram.* Anfangsgründe der Geometrie oder geometrische Formenlehre. Wien. 1871.

9) *Moenik.* Geometrische Anschauungslehre für Unter-Gymnasien. Wien 1871.

10) *Krohn.* Lehrstoff und Lehrform der Formenlehre für Schulen und zum Selbstunterricht. 1868.

11) *Дистервегъ.* Элементарная геометрія для школъ и вообще для начинающихъ. Спб. 1870.

12) *Его же.* Коментарій къ элементарной геометріи. Спб. 1870.

гими логическими выводами, причемъ они еще цѣнятъ въ ней и приложимость ея ко всѣмъ прикладнымъ предметамъ; классики, ставя въ центрѣ всѣхъ учебныхъ предметовъ классическіе языки, тѣмъ не менѣе придаютъ важное значеніе и математикѣ, но ея образовательной силѣ, считая, по справедливости, полезнымъ не оставлять въ учащихся не развитыми понятія числовыя и пространственныя. Изъ всѣхъ частей математики, проходимыхъ обыкновенно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, самымъ важнымъ, съ формальной стороны, для образовательныхъ цѣлей служитъ геометрія. Но дадимъ себѣ отчетъ, какъ этотъ предметъ проходится въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, или лучше, достигаетъ ли онъ тѣхъ результатовъ, ради которыхъ его вводятъ въ кругъ учебныхъ предметовъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить какъ оффиціальныя данныя, такъ и всеобщія наблюденія. Не имѣя надобности приводить точныя статистическія цифры объ успѣхахъ учениковъ по математикѣ вообще и по геометріи въ частности, сошлемся только на опубликованный въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за Мартъ 1871 г. оффиціальный отчетъ о повѣрочномъ испытаніи лицъ, желавшихъ поступить въ Московскій Университетъ. Отчетъ этотъ, говоря о недостаточномъ усвоеніи гимназическаго курса математики вообще, а въ особенности геометріи, прибавляетъ: „неотчетливое знаніе геометрическихъ истинъ и смутное пониманіе взаимной связи ихъ, обнаруженныя экзаменующимися, показали, что изученіе геометріи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ лишено того педагогическаго значенія, которое оно должно имѣть. Желательно, чтобъ въ этихъ

---

13) Протоколъ засѣданій коммиссіи, назначенной для опредѣленія объема и способа преподаванія въ военныхъ гимназіяхъ математики, къ которому приложена и программа *В. А. Евтушевскаго* приготовительнаго курса геометріи. Педагог. Сборн. 1865 г., Мартъ.

14) *В. А. Евтушевскій*. Изъ преподаванія геометріи Педаг. Сборн. 1866 г. № 15.

15) *Bartholämie*. Годовые отчеты по математикѣ въ Pädagogisches Jahresbericht т. I—XXII.

16) *Rückbeil*. Ehtwurf eines Unterrichtsganges in der geometrischen Formenlehre. Praktisch. Schulmann. т. 13.

17) *Müller*. Grundsätze und Lehrgänge für den Unterricht in der Geometrie ibid т. 10.

18) *Diesterweg*. Formen-und Raumlehre (Geometrie) во 2-мъ т. его Wegweiser, изд. 4-ое, 1850.

19) *Raumer*. Статья о Геометріи въ его Исторіи Педагогіи т. III.

20) *Schmid*. Encyklopaedie der gesammten Erziehungs und Unterrichtswesens — разныя статьи, преимущественно Formenlehre und geometrisches Zeichnen т. I, Geometrie т. II, Mathematik т. IV.

заведеніяхъ было обращено болѣе вниманія на изученіе геометріи и на практическія упражненія. Да и помимо оффиціальныхъ данныхъ, кто изъ насъ не припомнитъ изъ своей школьной жизни, или, встрѣчаясь съ учащими и учащимися, не узнаетъ отъ нихъ, что математика предметъ трудный, въ которомъ успѣваютъ собственно весьма немногіе ученики: вамъ укажутъ на учениковъ, достаточно хорошо занимающихся по языкамъ и другимъ предметамъ, и отстающихъ или даже совсѣмъ не успѣвающихъ въ математикѣ. Такое явленіе, весьма часто наблюдаемое, обыкновенно приписывается, нерѣдко даже самими преподавателями, слѣдующему обстоятельству: говорятъ, что для успѣшнаго занятія математикою, нужна особенная „математическая голова“, нужны особенныя математическія способности, безъ которыхъ ученикъ не можетъ усвоить гимназическаго курса математики. Не отрицая въ различныхъ индивидуумахъ разныхъ степеней воспріимчивости математическихъ истинъ и ихъ доказательствъ, мы однако же склонны думать, что всякій ученикъ съ обыкновенными (не говоримъ: блистательными) способностями можетъ пройти гимназическій курсъ математики хорошо и усвоить его основательно.

Допуская противное, мы невольно приходимъ къ слѣдующимъ странностямъ: 1) признавая необходимость особенныхъ математическихъ способностей, забываютъ, что вѣдь вся математика основывается на самыхъ простыхъ, элементарныхъ истинахъ о пространствѣ и числѣ,—кто не въ состояніи усвоитъ этихъ элементарныхъ понятій, тотъ не можетъ ничего усвоить. А связь между этими элементарными истинами и слѣдствія, изъ нихъ выводимыя, совершаются въ математикѣ на самыхъ простыхъ логическихъ основаніяхъ; а кто не въ состояніи мыслить логически, тотъ не можетъ успѣвать и въ другихъ предметахъ; во 2-хъ, слѣдуетъ ли вводить какой либо предметъ въ общеобразовательный курсъ, если мы его не считаемъ доступнымъ *для всѣхъ учащихся*, или по крайней мѣрѣ *для значительнаго большинства*, хотя бы мы и признавали всю его пользу для отдѣльныхъ избранныхъ натуръ.

Но, не признавая отсутствія способности къ математикѣ въ большинствѣ учениковъ, мы нисколько не думаемъ этимъ сказать, что всѣ ученики одинаково способны. Нѣтъ, встрѣчаются отличныя математическія головы; имъ, разумѣется, все дается легче; они могутъ отлично пройти курсъ; часто, они даже проходятъ больше, чѣмъ требуетъ школа. Но это все исключенія, изъ за существованія которыхъ нельзя признавать отсутствія способностей въ *массѣ* учениковъ. Приведемъ слова Фальке по этому поводу: „Правда, говоритъ онъ, что *изобрѣтательную* математическую голову такъ же рѣдко

встрѣтить, какъ и хорошаго поэта; и тѣмъ и другимъ нужно *родиться*. Но вѣдь милліоны обыкновенныхъ людей, не поэтовъ, понимаютъ существующія поэтическія произведенія и восхищаются ими; точно также и всякій умъ, способенъ понимать существующія математическія истины и усвоить ихъ хорошо".

И такъ, по нашему мнѣнію, неуспѣшность въ математикѣ зависитъ не отъ неспособности большинства учащихся къ этому учебному предмету. Нельзя также искать причины этого явленія въ большомъ объемѣ предмета, такъ какъ во 1-хъ, въ геометріи, напр., многіе ученики обыкновенно отстаютъ съ самаго начала, когда матеріала геометрическаго накопилось еще не очень много, и когда они еще, кажется, могли бы справиться съ нимъ, во 2-хъ, во многихъ иностранныхъ классическихъ гимназіяхъ математика преподается въ большемъ объемѣ, чѣмъ у насъ обыкновенно. Такъ, напр., въ Гессенъ-Дармштадтѣ къ тому, что проходится въ нашихъ гимназіяхъ, прибавлено ученіе о функціяхъ, начертательная геометрія, сферическая тригонометрія, коническія сѣченія (см. Encyclopaedie Schmidt, т. III, стр. 522), въ *Баденѣ* прибавлено: простые элементы новѣйшей синтетической геометріи и коническія сѣченія, (см. Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ., за 1870 г.) и т. д., точно также во многихъ прусскихъ гимназіяхъ, напр. въ Friedrich-Werdersche Gymnasium въ Берлинѣ, въ королевской Ioachimsthalsche Gymnasium (см. отчеты этихъ гимназій за какой нибудь годъ). Нельзя также приписать разсматриваемаго явленія плохому составу учителей, какъ единственной причинѣ его,—потому что нѣтъ никакого основанія считать учителей математики менѣе способными, чѣмъ учителей другихъ предметовъ. Чему же однако приписать это явленіе? Мы думаемъ, что неуспѣхъ по математикѣ главнымъ образомъ обусловливается *методомъ*, употребляемымъ при преподаваніи и преимущественно при первоначальномъ преподаваніи. Въ настоящей статьѣ, мы имѣемъ въ виду одно только преподаваніе геометріи, а потому будетъ говорить о недостаткахъ первоначальнаго преподаванія именно этого предмета.

Обратимъ прежде вниманіе читателя на то, что дѣло идетъ *о преподаваніи геометріи въ школѣ*, а никто не станетъ отрицать разницы между геометріею, въ смыслѣ науки и геометріею, въ смыслѣ учебнаго предмета. Геометрія—наука независима отъ геометріи—учебнаго предмета, строитъ свои выводы на основаніи непреложныхъ истинъ, строго логически, систематически выводя одно понятіе за другимъ, и можно сказать, сама себѣ служитъ цѣлью, вполнѣ объективна. Геометрія же, разсматриваемая какъ учебный предметъ въ школѣ, подчиняясь наукѣ геометріи, заимствуя изъ нея весь свой матеріалъ,

стремясь держаться той же строгости и логичности выводовъ, оставаясь научной,—должна еще удовлетворять педагогическимъ требованіямъ вообще и психологическимъ въ частности,—должна принимать во вниманіе возрастъ, степень развитія и пониманія учащихся, должна принять во вниманіе вообще законы развитія человѣческаго, насколько эти законы выяснены психологіею. Мы здѣсь должны напомнить читателю, что дѣло идетъ о преподаваніи геометріи въ среднихъ общеобразовательныхъ заведеніяхъ, будь они классическія или реальныя, а не о народныхъ школахъ и вообще низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ введеніе геометріи въ курсъ преподаваемыхъ предметовъ, преслѣдуетъ еще и другую цѣль, о которой здѣсь не мѣсто распространяться. Но много ли обращается вниманія при преподаваніи геометріи по принятой до сихъ поръ системѣ и по принятымъ учебникамъ на психологическую сторону дѣла! Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы прослѣдимъ вкратцѣ общепринятый ходъ обученія геометріи *). Обыкновенно курсу геометріи предпосылается „введеніе“, въ которомъ учащійся знакомится съ геометрическими понятіями и опредѣленіями, съ теоремами и доказательствами. Но введеніе это, какъ оно излагается въ общепринятыхъ учебникахъ, нисколько не достигаетъ своей цѣли, т. е. не вводитъ ученика въ научный курсъ геометріи и не облегчаетъ ему дальнѣйшихъ занятій. Причина же этого лежитъ въ томъ, что понятія, сообщаемыя ученику, не выводятся изъ извѣстныхъ ему фактовъ, пріобрѣтенныхъ путемъ наглядным. Чтобъ убѣдиться въ сказанномъ, прослѣдимъ введеніе въ трехъ наиболѣе употребительныхъ учебникахъ по геометріи, а именно: Давидова, Буссе и Фр. Симашко.

Г. Давидовъ начинаетъ свой курсъ слѣдующими словами: „Все, что можно увеличивать и уменьшать, называется *величиною*“. Затѣмъ онъ приводитъ примѣры величинъ и опредѣляетъ математику и геометрію. „Ученіе о величинахъ вообще называется *математикою*; отдѣлъ же математики, содержащій ученіе о протяженіи, называется *геометріею*“. Далѣе опредѣляется совершенно отвлеченно геометрическое тѣло, поверхность, линія и точка, говорится о раздѣленіи линіи и поверхности, дѣлится геометрія на планиметрію и стереометрію. Въ концѣ введенія ученикъ знакомится съ аксіомой и теоремой, послѣднее совершается слѣдующимъ образомъ: „Теоремою или предложеніемъ называется истина, которая становится очевидною только послѣ нѣкотораго ряда разсужденій. Эти разсужденія, обнаруживающія спра-

*) Замѣтимъ, что исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ военныя гимназіи, гдѣ первоначальное обученіе совершается по другой системѣ, о которой у насъ и говорится впослѣдствіи.

ведливость теоремы, называются доказательствомъ". Чрезъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ опредѣляется проблема и лемма, продолжается выясненіе теоремы: „Всякая теорема состоитъ изъ двухъ частей: изъ *предположенія* и *заключенія*, изъ него выводимаго. Теорема называется *обратною* въ отношеніи другой, когда заключеніе становится предположеніемъ и предположеніе—заключеніемъ. Не всѣ обратныя предложенія справедливы". Этимъ и заканчивается введеніе.— Но можетъ ли вышеприведенное опредѣленіе геометріи познакомить съ нею начинающаго, который не имѣетъ еще никакого понятія о протяженіи и его свойствахъ? Или къ чему служитъ приведенное опредѣленіе теоремы, когда ученикъ не знаетъ еще ни одной теоремы, не видитъ необходимости въ какомъ то доказательствѣ, о которомъ трактуется; точно также учащійся не можетъ понять составныхъ частей теоремы, не имѣя въ виду ни одной, на которой бы эти части ясно различались одна отъ другой. Отсюда видно, что послѣ такого введенія въ памяти ученика могутъ остаться развѣ только вызубренныя опредѣленія безъ яснаго сознанія содержанія опредѣляемыхъ понятій.—Переходя къ „основаніямъ геометріи" Буссе, мы замѣтимъ, что введеніе этого руководства лучше прежде разсмотрѣннаго, не смотря на то, что учебникъ Буссе появился гораздо раньше Давидова. Но характеръ введенія тотъ же, тѣ же отвлеченныя опредѣленія, правда сопровождаемыя иногда примѣрами, но не основанныя на предварительномъ ознакомленіи съ тѣмъ, что опредѣляется, такъ что примѣры эти мало разъясняютъ дѣло. Введеніе это начинается съ выясненія понятій: протяженіе, поверхность, линія и точка, затѣмъ опредѣляется прямая линія, плоскость, проводится разница между геометрическимъ тѣломъ и физическимъ и затѣмъ опредѣляется геометрія такъ:„ Систематическое изложеніе истинъ, служащихъ къ изысканію истинъ, служащихъ къ изысканію свойствъ протяженій всѣхъ трехъ родовъ и ихъ измѣренію, составляетъ науку, называемую геометріею". Не смотря на всю отвлеченность этого опредѣленія, оно все таки, поставленное послѣ объясненія понятія о геометрическомъ тѣлѣ, лучше опредѣленія, приводимаго г. Давидовымъ, да притомъ и въ научномъ отношеніи оно вѣрнѣе. Потомъ у Буссе идетъ раздѣленіе геометріи на лонгиметрію, планиметрію и стереометрію, послѣ чего слѣдуетъ ознакомленіе съ *способами* изслѣдовать свойство протяженій, употребляемыми въ геометріи, а именно: съ *способомъ наложенія*, теоріею пропорціональныхъ величинъ и *способомъ предѣловъ*. Изложеніе этихъ способовъ составляетъ особенность введенія г. Буссе, и особенность, очень хорошую по мысли. Дѣйствительно, если ученикъ въ началѣ пріобрѣтетъ понятіе о пріемахъ доказательства, то впослѣдствіи ему легче будетъ

оріентироваться въ доказательствахъ и легче самому подбирать то или другое. Но признавая мысль вполнѣ хорошею, мы должны признать выполненіе ея вполнѣ неудовлетворительнымъ не только потому, что при изложеніи употребляется и извлеченіе радикаловъ и многое другое, врядъ ли извѣстное ученикамъ соотвѣтствующаго возраста, но и по всему характеру ознакомленія. Въ данномъ случаѣ одними опредѣленіями и описываніями пріемовъ доказательства еще менѣе можно достигнуть цѣли, чѣмъ при изложеніи другихъ геометрическихъ понятій. Только показавши на самомъ дѣлѣ, какъ доказывается та или другая истина, можно ознакомить съ пріемами. (Впрочемъ мы и не считаемъ нужнымъ и цѣлесообразнымъ познакомить со *всѣми* способами, напр. съ способомъ предѣловъ. Подробнѣе объ этомъ будетъ у насъ въ III-й главѣ). Далѣе у г. Буссе опредѣляются аксіомы и теоремы: „Истины, излагаемыя въ геометріи, или столь очевидны, что не требуютъ никакого доказательства, и тогда онѣ называются *аксіомами*, или онѣ не основаны непосредственно на воззрѣніи и суть результаты различныхъ соображеній, и посему должны быть доказаны: таковыя истины называются *теоремами*. Онѣ состоятъ изъ двухъ частей: въ одной предлагается доказываемая истина, а въ другой условія, при коихъ она имѣетъ мѣсто. Напримѣръ: треугольники равны, если три стороны одного порознь равны тремъ сторонамъ другаго". Здѣсь, какъ видно, приводится примѣръ теоремы, но онъ даже не можетъ быть понятъ учениками, такъ какъ они не имѣютъ еще никакого понятія о треугольникѣ. Заканчивается введеніе выясненіемъ понятія о задачѣ и леммѣ.

Затѣмъ мы еще имѣли въ виду коснуться введенія г. Симашко,—книги хорошей въ научномъ отношеніи,—но это введеніе отличается тѣмъ же характеромъ, какъ и прежнія два. Особенность же его слѣдующая: Теорема приводится и доказывается въ самомъ введеніи, но при выборѣ ея сдѣлана методическая ошибка, а именно: предложеніе „двѣ прямыя, имѣющія двѣ общія точки, сливаются на всемъ своемъ протяженіи, т. е. составляютъ одну прямую линію" трудно доказывается, такъ что начинающій съ перваго же раза запутается въ этомъ. Притомъ онъ не можетъ видѣть и необходимость въ доказательствѣ этой теоремы, такъ какъ для него она почти также ясна, какъ предъидущія аксіомы о прямыхъ линіяхъ.

Разсмотрѣвши всѣ введенія, мы замѣтили одно и то же содержаніе, и между прочимъ, видѣли, что во всѣхъ учебникахъ считается нужнымъ дать понятіе о геометрическомъ тѣлѣ, поверхности, линіи и точкѣ. Но получаютъ ли 12 и 13 лѣтнія дѣти дѣйствительно ясное понятіе о геометрическихъ тѣлахъ, поверхностяхъ, линіяхъ и точ-

кахъ, если они не успѣли выработать этихъ понятій при помощи чувственнаго познаванія изъ нагляднаго разсматриванія тѣлъ, какъ того требуетъ общій психологическій законъ выработки понятій изъ представленій. Правда, учащимся приходилось наблюдать тѣла и Руше, чувствуя необходимость образованія этихъ понятій изъ представленій, въ введеніи къ своему курсу геометріи, одному изъ лучшихъ, говоритъ: „ces idées de surface, de ligne et de point, étant une fois *acquises par la consideration* des corps, la surface, la ligne et le point peuvent ensuite être conçus indépendamment du corps des surfaces et des lignes dont ils constituent les limites“. Признавая вѣрнымъ эти слова Руше, прибавимъ только, что нельзя думать, что всѣ эти понятія выработаны 12-ти лѣтнему учащемуся, и что на нихъ не слѣдуетъ много останавливаться. Ему, правда, приходилось разсматривать тѣла, но они ему представлялись въ совокупности своихъ геометрическихъ и физическихъ свойствъ, онъ распозналъ вмѣстѣ съ формой и величиной предметовъ, цвѣтъ, тяжесть, твердость и т. д. Поэтому онъ не привыкъ дѣлать въ своемъ умѣ тѣхъ отвлеченій, которыя такъ необходимы въ геометріи, и которыхъ естественно желаетъ Руше; къ этимъ отвлеченіямъ нужно его пріучить мало-по-малу, чего обыкновенное введеніе, прямо начинающее съ отвлеченій, не дѣлаетъ, такъ что оно и съ этой стороны затрудняетъ ученика.

Наконецъ мы видимъ, какое затрудненіе обыкновенно представляетъ учащимся самый языкъ геометріи, необходимо точный и сжатый, своеобразный, съ которымъ имъ приходится сталкиваться на первыхъ же страницахъ учебника, на первыхъ же урокахъ геометріи, съ первыхъ словъ учителя, который говоритъ этимъ геометрическимъ языкомъ, между тѣмъ какъ дѣтямъ нужно его еще себѣ выработать. Такъ напр. на первыхъ же страницахъ учебника встрѣчается слѣдующая аксіома: „*между двумя точками* можно провести только одну прямую линію“—она по видимому не представляетъ никакого затрудненія, и учитель употребляетъ ее часто безъ объясненія; между тѣмъ обратитесь къ классу съ вопросомъ: „начертить прямую линію между двумя данными точками“ и не одинъ ученикъ начертитъ прямую между точками, въ обыкновенномъ смыслѣ, т. е. не доведетъ прямой до точекъ,—слѣдовательно это такой терминъ, на которомъ нужно остановиться. Скажутъ, это можно выяснять каждый разъ при встрѣчѣ съ этими понятіями, и нѣтъ необходимости дѣлать это напередъ; но выиграетъ ли при этомъ та систематичность, которая придаетъ геометріи такое важное образовательное значеніе, и въ пользу которой будто бы ратуютъ противники приготовительнаго курса геометріи. Напротивъ, мы думаемъ, что пропедевтическій курсъ, выдѣляя изъ

научнаго 1) то, что требуетъ постепенной выработки изъ наглядныхъ представленій при помощи наглядныхъ пособій, 2) дѣйствительное выясненіе основныхъ геометрическихъ понятій и терминовъ,—тѣмъ самымъ будетъ въ значительной степени способствовать систематичности при дальнѣйшемъ прохожденіи курса.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что введенія, обыкновенно предпосылаемыя курсамъ, нисколько не помогаютъ учащемуся лучше понимать и усвоивать геометрическій матеріалъ самаго курса, хотя бы этотъ учебникъ, какъ систематическій, былъ очень хорошъ. Неподготовленность эта сбиваетъ ученика на первыхъ порахъ, путаетъ его,—онъ получаетъ понятіе о чрезвычайной трудности этого предмета, начинаетъ считать себя „неспособнымъ къ математикѣ“, благо это и не стыдно вслѣдствіе вышеприведеннаго мнѣнія въ обществѣ о математическихъ и не математическихъ головахъ,—однимъ словомъ, получается въ результатѣ то явленіе, на которое указано въ началѣ статьи.

Разумѣется, не одна неподготовленность причиною этого явленія, ему отчасти способствуютъ дальнѣйшее изложеніе руководства, сами учителя, методы, употребляемые при дальнѣйшемъ прохожденіи геометріи и т. д. Но по нашему мнѣнію, независимо отъ всѣхъ этихъ причинъ, недостаточная подготовка въ состояніи отвратить многихъ учащихся отъ этого предмета.

Но какъ предотвратить это зло? Ясно изъ предъидущаго, что нуженъ самостоятельный *приготовительный* курсъ по геометріи. Требованіемъ такого курса мы нисколько не думаемъ высказать нѣчто новое, оригинальное: мы просто желали бы содѣйствовать распространенію убѣжденія въ необходимости или по меньшей мѣрѣ полезности пропедевтическаго курса и введенію его въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Что этотъ вопросъ не новый, доказываетъ уже и то, что въ военныхъ гимназіяхъ этотъ предметъ введенъ еще въ 1866 году, какъ видно изъ протокола засѣданій коммиссіи, назначенной для опредѣленія объема и способа преподаванія въ военныхъ гимназіяхъ математики и приложенія къ этому (Педагогическій Сборникъ, 1866 г. мартъ). Къ этому протоколу даже приложена программа В. А. Евтушевскаго и какъ бы въ дополненіе и разъясненіе ея помѣщена въ Педагогическомъ Сборникѣ 1866 г., кн. VII, статья В. А. Евтушевскаго подъ заглавіемъ: „Изъ пропедевтики геометріи“. Мы здѣсь указали на этотъ протоколъ, какъ потому, что мы лично ему впервые обязаны знакомствомъ нашимъ съ этимъ предметомъ, такъ и потому, что кромѣ него весьма мало сдѣлано въ русской литературѣ,—назовемъ только Косинскаго „Элем. Геометрія“ и Гельмана „Приготови-

тельный курсъ въ вопросахъ и отвѣтахъ". Но за то въ нѣмецкой литературѣ вопросъ этотъ затронутъ давно, со временъ Песталоцци. Уже появилось весьма много статей и руководствъ по этому предмету и успѣли выясниться различные взгляды на него, причемъ, разумѣется, не обошлось безъ крайнихъ увлеченій, подававшихъ и продолжающихъ подавать поводъ къ оспариванію полезности пропедевтики и (не станемъ скрывать) даже нѣкоторые, впрочемъ весьма не многіе, считаютъ ее вредною. Не останавливаемся на приведеніи всѣхъ этихъ взглядовъ и на критикѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ какъ мы объ этомъ будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же мы хотѣли только указать на то, что этотъ вопросъ *не новый* и что онъ имѣетъ уже свою литературу, и даже довольно большую. Чтобы указать еще болѣе на право гражданства пропедевтики геометріи въ кругу предметовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мы сошлемся на нѣмецкія учебныя заведенія, не только на Bürger und Realschulen, но даже на классическія заведенія Gymnasien, Gelehrten-Schulen, гдѣ этотъ предметъ введенъ какъ самостоятельный и отдѣльный отъ систематическаго курса.

Такъ, въ *Баденѣ*, по уставу Gelehrtenschulen 1-го октября, 1869 года (помѣщенному въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1870 годъ) обученіе математики раздѣляется на двѣ ступени: a) *Элементарное обученіе* въ трехъ низшихъ классахъ, содержащее въ себѣ элементарную ариѳметику и кромѣ того сказано: „*въ I и II классахъ проходится краткое ученіе о геометрическихъ формахъ въ связи съ соотвѣтствующими упражненіями въ геометрическомъ черченіи*", b) научное обученіе составляютъ: общая ариѳметика и алгебра, геометрія и тригонометрія *).

Въ *Пруссіи* по уставу 1856 года, 7 января (см. Schmid. Encyklopädie des Gesammten Erziehungs und Unterrichtswesens т. IV, стр. 609) распредѣленіе математики въ большинствѣ школъ слѣдующее: классъ VI и V—ариѳметика, IV—*предварительныя геометрическія упражненія* (Geometrische Vorübnugen) и продолженіе ариѳметики; въ остальныхъ классахъ алгебра, геометрія и тригонометрія. Объ остальныхъ государствахъ Сѣверной Германіи въ этой статьѣ говорится: „преподаваніе математики весьма близко подходитъ къ преподаванію этого предмета въ Пруссіи". Приведемъ еще нѣкоторыя государства, гдѣ пропедевтика входитъ въ программу:

*) Мы здѣсь съ намѣреніемъ поставили Баденъ впереди, такъ какъ уставъ этихъ заведеній новый;—притомъ здѣсь вполнѣ рельефно и вполнѣ раціонально въ самомъ уставѣ отдѣляется элементарное обученіе отъ научнаго.

Кургессенъ. Классъ IV. Geometrische Vorbegriffe (Schm. т. III, с. 503).

Гессенъ—Дармштадтъ. Кл. VIII и VII. 4 дѣйствія надъ цѣлыми числами и дробями, десятичныя дроби, отношеніе и пропорціи *Formenlehre.* Кл. VI и V: продолженіе ариѳметики, по геометріи—систематическій курсъ геометріи (reine Geometrie) до подобія прямолинейныхъ фигуръ и *практическая элементарная геометрія* (Schm. т. III. стр. 523) *).

Ганноверъ—Обученіе геометріи во многихъ заведеніяхъ начинается въ Quarta рядомъ съ ариѳметикой съ пропедевтическаго курса (Schm. т. III. стр. 306).

Шлезвигъ—Гольштинія. Въ IV, V и VI кл. проходится ариѳметика и Geometrische Anschauungslehre Schm. т. VII, стр. 715 (не указано только въ которомъ именно классѣ этотъ предметъ преподается).

Австрія **). I кл. 1-й семестръ, 3 урока ариѳметики, 2-й семестръ 1 урокъ ариѳметики, 2 урока Anschauungslehre; II кл. 1-й сем. 2 урока ариѳмет. 1 ур. Anschauungslehre, 2-ой сем. 1 ур. ариѳмет. 2 ур. Anschauungslehre; III и IV клас. ариѳметика и Anschauungslehre распредѣлены подобно второму (Schm. ст. 437, т. V).

Швеція. Въ общихъ классахъ реальныхъ и классическихъ заведеній курсъ геометріи начинается съ Anschauungslehre (ibid. т. 8, стр. 780).

Франція. Лицеи французскіе соотвѣтствуютъ нашимъ гимназіямъ.

---

*) Мы здѣсь приводимъ Гессенъ Дармштадтъ въ доказательство существованія пропедевтики, какъ отдѣльнаго предмета; но, какъ видно будетъ изъ нашей статьи, мы нисколько не согласны съ такимъ *совмѣстнымъ* преподаваніемъ геометріи и пропедевтики, если только въ уставѣ не разумѣется чего либо другаго подъ именемъ Практической, элементарной Геометріи.

**) Въ планѣ организаціи гимназій и реальныхъ школъ въ Австріи высказаны слѣдующія соображенія о преподаваніи геометріи: „Если желательно, чтобы изучающій научную геометрію встрѣчалъ только тѣ препятствія, которыя лежатъ въ самомъ этомъ предметѣ, то слѣдуетъ передъ началомъ научной геометріи развить въ ученикахъ въ достаточной степени математическое соображеніе, т. е. способность ясно представлять геометрическія фигуры какъ помѣщаемыя на плоскости, такъ и не помѣщаемыя, при томъ такъ же отчетливо при помощи чертежа, какъ безъ него. Это математическое соображеніе не есть какой-либо исключительный даръ, но поддается методическому развитію при помощи упражненій, въ которыхъ идетъ рука объ руку наглядность и понятіе, чреченіе и вычисленіе, упражненій, не имѣющихъ цѣлью *доказывать* на такой ступени развитія, которой не свойственно строгое научное доказательство,—но показывающихъ и запечатлѣвающихъ все при помощи наглядности и вычисленій. (Эта цитата взята мною изъ предисловія къ книгѣ Anfangsgründe der Geometrie oder Geometrischen Formenlehre von *Schram*, Vien 1871 года).

Они состоятъ обыкновенно изъ восьми классовъ: VIII и VII составляютъ division élémentaire,—VI. V и IV—division de grammaire и III, II, I^b и I^a составляютъ division supérieure. На этой ступени начинается бифуркація, т. е. раздѣленіе на классическія (гуманистическія) и реальныя. До раздѣленія преподаваніе общее, и математика распредѣлена слѣдующимъ образомъ: VIII кл. четыре дѣйствія, VII кл. тоже, VI и V рѣшеніе разнаго рода задачъ, IV повтореніе ариѳметики и *введеніе* въ геометрію (Schm. т. II, стр. 261) *).

Въ этомъ спискѣ мы приводили почти однѣ классическія гимназіи съ двумя древними языками,—именно съ цѣлью указать, что предварительный курсъ геометріи считается важнымъ даже въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ математика вводится только ради ея образовательной силы. Само собою разумѣется, что въ реальныхъ гимназіяхъ предметъ этотъ еще болѣе долженъ имѣть мѣсто, что мы и видимъ при ближайшемъ ознакомленіи съ программой этихъ заведеній.

Показавши такимъ образомъ необходимость пропедевтическаго курса геометріи и сославшись на нѣмецкія учебныя заведенія, считающіяся лучшими, постараемся выставить ясно и подробно ту цѣль, которую должна преслѣдовать пропедевтика геометріи.

Въ геометріи доказывается рядъ научныхъ истинъ въ видѣ *теоремъ* на основаніи самыхъ простыхъ и очевидныхъ истинъ, *аксіомъ*, которыя обыкновенно и приводятся въ началѣ курса. Въ этихъ теоремахъ встрѣчаются термины: тѣло, поверхность, линія, точка, фигура и т. д., выражающія извѣстныя геометрическія понятія,—которыя обыкновенно и опредѣляются. Эти геометрическія понятія пропедевтическій курсъ долженъ не только опредѣлить, но и выработать ихъ прежде въ сознаніи учениковъ. Если самыя эти понятія будутъ смутныя, неясныя, то невозможно никакое ясное, прочное, вполнѣ сознательное усвоеніе самихъ опредѣленій, аксіомъ, теоремъ и ихъ доказательствъ. А ясное понятіе, какъ показываетъ психологія, можетъ выработаться только въ такомъ случаѣ, когда будетъ достаточное число ясныхъ и прочныхъ представленій, полученныхъ путемъ чувственнаго познанія,—т. е. для выработки ясныхъ понятій нужна *наглядность*. Послушаемъ по этому поводу слова Гёте „этого нормальнаго человѣка по ходу своего развитія и образованія“, какъ говоритъ Дистервегъ, цитируя эти слова: „Такъ, говоритъ Гете, всегда шло оно у меня, что только путемъ *чувственнаго познаванія* предмета и размышленія о немъ, я терпѣливо достигалъ до *понятія*, которое быть можетъ

*) Мы должны признаться, что мы не знакомы съ характеромъ этого *введенія*; но для нашей цѣли важно и то, что считается нужнымъ отдѣлить *введеніе въ геометріи* въ особый классъ, отводя для него одинъ урокъ недѣльный.

(нѣтъ, навѣрно! замѣчаетъ Дистервегъ), не врѣзалось бы такъ и не было бы для меня такъ плодотворно, если бы мнѣ его *передали*. Я жилъ въ *чувственномъ познаваніи* и пользовался такимъ образомъ *развивающимъ, расширяющимъ* нашъ кругозоръ *методомъ*".

Когда въ умахъ учениковъ будутъ уже нѣкоторыя или, пожалуй всѣ необходимѣйшія (тутъ вопросъ не въ этомъ) понятія, вполнѣ ясныя, то можно ихъ уже *опредѣлять*, и уже нѣтъ никакого опасенія въ томъ, что ученикъ, затвердивши извѣстное опредѣленіе будетъ только помнить слова; нѣтъ, эти слова для него всегда будутъ выраженіемъ понятія, вполнѣ имъ усвоеннаго. Разумѣется, эти опредѣленія должны быть вполнѣ строги, выражены правильнымъ математическимъ языкомъ; Фальке въ своемъ сочиненіи Propädeutik der Geometrie, даже совѣтуетъ подобныя опредѣленія затвердить. Правда, спорятъ о самомъ происхожденіи основныхъ геометрическихъ понятій и положеній: одни говорятъ, что они взяты (отвлечены, абстрагированы) изъ чувственныхъ представленій; другіе же производятъ эти положенія изъ природы человѣческаго духа непосредственно помимо опыта и наблюденія. Но совершенно справедливо говоритъ Дистервегъ, что элементарный учитель держится первой альтернативы. „Онъ развиваетъ математическія представленія и понятія изъ чувственнаго познаванія, а затѣмъ самостоятельно разсуждаетъ о нихъ,—прежде всего устанавливаетъ сущность этихъ понятій и затѣмъ извлекаетъ изъ нея заключенія".

Въ число основныхъ понятій геометрическихъ, мы включаемъ не только понятіе о тѣлѣ, поверхности, линіи и точкѣ, какъ это дѣлаютъ многіе составители курсовъ пропедевтики геометріи, но и понятіе объ аксіомѣ, теоремѣ, ея доказательствѣ, означеніи и способахъ доказательства. Всѣ эти понятія тоже выводятся изъ частныхъ примѣровъ и не навязываются учащимся ex abrupto.

Говоря о цѣли пропедевтики геометріи, считаемъ нелишнимъ привести нѣкоторыя мнѣнія по этому поводу: „Приготовительный курсъ геометріи, говорится въ программѣ, приложенной къ протоколу математической коммиссіи по опредѣленію объема и способа преподаванія математики въ военныхъ гимназіяхъ, имѣетъ цѣлью познакомить дѣтей: во 1-хъ, съ матеріаломъ того предмета, который они впослѣдствіи будутъ изучать и съ языкомъ его, во 2-хъ, сдѣлать незамѣтнымъ переходъ къ изученію геометріи, въ 3-хъ, приготовить дѣтей къ ясному пониманію тѣхъ научныхъ терминовъ и опредѣленій, которые встрѣчаются въ самомъ началѣ элементарнаго курса теоретической геометріи и въ 4-хъ, пріучить дѣтей къ точному выполненію и пониманію чертежа".

Приведемъ еще мнѣнія Цицмана и Фальке, какъ авторовъ лучшихъ учебниковъ по этому предмету, у которыхъ цѣль почти одна и та же, но которые радикально расходятся въ способѣ достиженія этихъ цѣлей.

Цицманъ въ введеніи своемъ говоритъ слѣдующее: „Приготовленіе къ геометріи *необходимо* въ школѣ. Прежде чѣмъ приступить къ развитію геометрическихъ предложеній, необходимо образовать и переработать геометрическія представленія. Причемъ, говоритъ нѣсколько далѣе Цицманъ, Formenlehre имѣетъ въ виду только такую проработку, которая *приготовляетъ* къ занятіямъ научнымъ (т. е. лучше систематическимъ)".

„Истинная пропедевтика, говоритъ Фальке, не должна начинаться съ отвлеченій; но она должна шагъ за шагомъ, выходя изъ конкретныхъ представленій, пріучить ко всѣмъ тѣмъ отвлеченіямъ, которыя потомъ придется дѣлать въ геометріи. Она не должна кормить ученика сухими опредѣленіями, она ему должна также дать все существенное изъ всѣхъ геометрическихъ положеній, познакомить съ важнѣйшими геометрическими задачами и ихъ рѣшеніями (требованіе лишнее, хотя въ основаніи его лежитъ вѣрная мысль); она должна его такъ ввести въ пріемъ *геометрическаго доказательства*, чтобъ онъ дѣйствительно способенъ былъ заниматься геометріею; однимъ словомъ, она его должна такъ приготовить къ систематическому курсу, чтобы невозможно было сказать, гдѣ кончается пропедевтическій курсъ, и гдѣ начинается систематическій". Какъ видно, одинъ только Фальке говоритъ о необходимости ознакомленія съ пріемами геометрическаго доказательства, хотя, какъ увидимъ дальше, онъ думаетъ ихъ приготовить къ этому, отказываясь отъ строгихъ доказательствъ.

Вотъ тѣ главныя мнѣнія о цѣли преподаванія геометріи, которыя мы считали не лишнимъ привести; другія же, какъ напр., Фрезеніуса, Грубе, Миллера, Бартолеми и др. въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ вышеприведенныхъ, не представляютъ собой ни одной новой точки зрѣнія на предметъ.

Резюмируя все высказанное нами, для пропедевтическаго курса геометріи можно выставить слѣдующія цѣли:

1) Онъ долженъ выработать въ умахъ учениковъ тотъ матеріалъ съ которымъ имъ придется имѣть дѣло впослѣдствіи въ систематическомъ курсѣ, т. е. достичь того, чтобы въ умахъ учениковъ образовались ясныя геометрическія понятія.

2) Курсъ этотъ долженъ познакомить учениковъ не только съ разнаго рода протяженіями и фигурами, но съ сущностью всего

содержанія геометріи, т. е. съ опредѣленіями, аксіомами, теоремами (ихъ значеніемъ, доказательствомъ, пріемами доказательствъ, необходимыми частями каждой теоремы), а также съ задачами и построеніями.

3) При прохожденіи пропедевтическаго курса не должно упускать изъ виду и *формальную сторону* геометріи; нужно развивать логическую послѣдовательность въ мысляхъ, математическое соображеніе вообще и геометрическое въ частности, геометрическое отвлеченіе, нужно обращать особенное вниманіе на осторожность, сжатость и точность выраженій.

4) При прохожденіи этого курса нужно научить учениковъ пользоваться геометрическими инструментами, т. е, циркулемъ, линейкой и транспортиромъ.

Не говоря пока о томъ, какимъ путемъ достигнуть этихъ цѣлей, спросимъ только у читателя, если бы пропедевтика элементарнымъ путемъ достигла ихъ, если бы высказанное здѣсь было, хоть бы даже не вполнѣ пріобрѣтено учениками и притомъ *всѣми* (что возможно по самому способу элементарнаго прохожденія предмета), не облегчило ли бы это учениковъ при дальнѣйшихъ ихъ занятіяхъ, не устранялись ли бы тѣ затрудненія, которыя съ перваго раза отталкиваютъ ученика отъ занятій геометріею и мѣшаютъ ему идти дальше? Курсъ, выполнивъ эти условія, былъ бы полезенъ не только для „неспособныхъ“, но положительно для всѣхъ учениковъ. Геометрія и для самаго способнаго станетъ яснѣе, понятнѣе, интереснѣе. Дистервегъ въ своей статьѣ: Der Unterricht in der Formen-und Raumlehre, помѣщенной во 2-мъ томѣ его Wegweiser, говоритъ: „Пусть сравнятъ занятія по систематической геометріи двухъ учениковъ: проходившаго приготовительный курсъ и непроходившаго его, и пусть сравнятъ не только успѣхи этихъ учениковъ, но такъ сказать, все умѣнье справляться съ геометрическими вопросами, и тогда только узнаютъ всю цѣну приготовительнаго курса. Разница между такими двумя учениками будетъ вообще громадная“.

Въ концѣ этой главы, приведемъ весьма обыкновенное возраженіе противъ пропедевтическаго курса геометріи вообще. Такъ, иные говорятъ, зачѣмъ дѣлать облегченія учащимся, пусть лучше потрудятся сами побольше, тогда лучше будетъ развита самодѣятельность, причемъ приводятъ также англійскую систему обученія, гдѣ учащемуся, особенно въ старыхъ школахъ (public schools) даютъ Евклида и заставляютъ по немъ проходить курсъ. Но дѣло въ томъ, что пропедевтическій курсъ совсѣмъ не облегчаетъ ученика въ томъ отношеніи, что ему не предоставляетъ никакого труда; нѣтъ, трудъ-то

будетъ и трудъ самостоятельный, развивающій самодѣятельность въ немъ—только посильный. Пропедевтическій курсъ стремится удалить тѣ затрудненія, которыя часто именно отбиваютъ у ученика охоту къ труду, по крайней мѣрѣ въ этомъ предметѣ. Что же касается Англіи, то преподаваніе въ ней математики вовсе нельзя ставить за образецъ; стоитъ только прочесть отчетъ Деможо и Монтуччи о среднемъ образованіи въ Англіи и Шотландіи, представленный ими французскому правительству (книга эта переведена на русскій языкъ и чрезвычайно интересна по матеріаламъ, собраннымъ въ ней), чтобы понять, на какомъ низкомъ уровнѣ находится преподаваніе математики въ Англіи*). Въ публичныхъ школахъ прежде совсѣмъ не было этого предмета, да и въ настоящее время, хотя онъ введенъ болѣе или менѣе во всѣхъ почти public Schools,—но все изученіе состоитъ буквально въ заучиваніи наизусть теоремъ, чертежей и т. д., такъ что математика служитъ тамъ, пожалуй, для развитія памяти. Мы разумѣется здѣсь говоримъ только о старыхъ школахъ, а не о такъ называемыхъ „новыхъ школахъ“.

Отлагаемъ дальнѣйшія возраженія и нападки на пропедевтическій курсъ, для большей ясности, до ознакомленія читателя съ литературою и способами преподаванія этого предмета, что и составитъ содержаніе слѣдующей главы.

З. Вулихъ.

*) Считаемъ необходимымъ присовокупить, что подобное положеніе математики въ англійскихъ школахъ есть результатъ не особенности школьной системы или убѣжденій, а отсталости въ методикѣ, на что указываютъ всѣ лучшіе англійскіе педагоги. Такъ Bartlett, въ обзорѣ учебной литературы по математикѣ, радуется тому, что теперь почти не является новыми изданіями «Эвклидовыя Начала» еще не давно бывшія, въ Англіи, почти единственнымъ учебникомъ по Геометріи. *Ред.*

ЗОЛОТУХА.

Мало еще извѣстно о сущности и распростаненіи этой болѣзни; условія перехожденія ея по наслѣдству и развитіе ея со дня рожденія, такъ еще темны что неудивительно, если господствуетъ въ публикѣ масса предразсудковъ на счетъ нея и такое обиліе средствъ, которое затрудняетъ даже врача въ выборѣ болѣе подходящаго въ данномъ случаѣ.

Многими замѣчено, что болѣзнь эта, поражая одного изъ членовъ семейства, щадитъ другихъ; что она преимущественно свойственна дѣтскому, нѣжному возрасту и ослабѣваетъ или проходитъ съ наступленіемъ періода возмужалости или нѣсколько позднѣе. Далѣе извѣстно, что ни холодный, ни жаркій климатъ не предохраняютъ отъ золотухи; что во всѣхъ странахъ умѣреннаго пояса болѣзнь существуетъ эндемически; что даже соединеніе самыхъ, по видимому, благопріятныхъ условій для здоровья ребенка не исключаетъ возможности развитія золотушной болѣзни. Словомъ, золотуха поражаетъ всё человѣчество, мало видоизмѣняясь въ различныхъ странахъ.

Съиздавна укрѣпилось мнѣніе, что золотуха есть первоначальное страданіе шейныхъ и брюшныхъ желѣзъ, особеннаго рода острота крови; а разнаго рода сыпи и страданія слизистыхъ оболочекъ суть явленія полезныя, излѣчивающія золотуху или присоединяющіяся къ вполнѣ развитой болѣзни.

Вслѣдствіе такого взгляда, на мѣстную болѣзнь, у такъ называемаго золотушнаго ребенка, или не обращали никакого вниманія, или же очень усердно прибѣгали къ общему, выгоняющему методу лѣченія и по большей части безъ успѣха. Для этого не разбирался случай какъ отдѣльный, новый; а если находили, что голова велика, верхняя губа толста, шея длинна, грудь узка и выступаетъ впередъ, плечи выдаются, животъ великъ, мускулы вялы

и легко приходятъ въ утомленіе; если, сверхъ того, замѣчаютъ нѣжную, блѣдную, къ заболѣванію расположенную, легко потливую кожу, сильно согнутыя ногти, умный, влажный глазъ, широкую радужную оболочку глазъ—(Iris), частое заболѣваніе поносомъ и значительную впечатлительность къ холоду — то, не долго думая, приступали къ систематическому, противозолотушному лѣченію, какая бы причина не лежала въ основѣ даннаго случая.

Нынѣ врачи, наблюдая ходъ развитія золотушнаго заболѣванія, замѣтили въ ребенкѣ, за долго до развитія такъ называемаго золотушнаго типа (habitus), разнаго рода страданія слизистыхъ оболочекъ насморкъ, опухшій носъ, иногда кашель, красноту глазъ, катарръ кишекъ или разнаго рода высыпаніе на кожѣ.

Это повело къ тому, что врачи перестали смотрѣть на золотуху: какъ на какую то первоначальную остроту крови и выискивать специфическія средства къ ея изгнанію, а стали анализировать случай и не обходятъ вопросовъ, которые могутъ уяснить дѣло.

Вопросъ, отчего болѣзнь прежде всего появляется на слизистыхъ оболочкахъ и на кожѣ, стоитъ въ числѣ первыхъ.

Казалось бы отвѣтъ не трудно найти въ значительномъ распространеніи слизистой оболочки въ дѣтскомъ организмѣ, одѣвающей всѣ кишки, всѣ выходы железъ и большихъ железистыхъ органовъ, равно и легкія. Служа, такимъ образомъ, первыми путями къ принятію пищи, воды и воздуха, онѣ должны легко подвергаться заболѣванію, какъ отъ раздражающаго свойства этихъ веществъ, такъ и отъ химическаго разложенія или отъ затрудненія къ воспріятію ихъ.

Наружная кожа по своей связи съ внутреннею кожею, (какъ нѣкоторые называютъ слизистую оболочку), также не мало способствуетъ къ переносу заболѣванія въ мѣстахъ ихъ соприкосновенія: на вѣкахъ, у рта и др. частяхъ тѣла.

Слизистая оболочка мягкая, мало эластичная и очень богатая кровяными сосудами, чрезвычайно легко приходитъ въ раздраженіе отъ всякихъ рѣзкихъ вліяній на чувственные нервы ея или кожи; отъ этого не малая доля заболѣваемости должна быть отнесена къ вліяніямъ на головоспинную мозговую систему.

Такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ первый толчокъ къ заболѣванію послѣдуетъ отъ холода, въ другомъ отъ сырости; далѣе отъ дурной пищи или небрежнаго ухода за кожею, наконецъ отъ разныхъ вредныхъ вліяній на головной мозгъ: отъ несвоевременнаго, неправильнаго сна, частаго пребыванія дѣтей въ большихъ собраніяхъ и т. д.

Собственно же наклонность къ заболѣванію, зависитъ отъ легкости, съ каковою нарушается общая или мѣстная экономія въ теплотѣ дѣтскаго организма, подъ вліяніемъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій: холода, теплоты, сырости и т. д. Легкость обусловливается съ одной стороны силою дѣйствующей причины, продолжительностію дѣйствія и обширностью поверхности, приходящей въ соприкосновеніе; съ другой же данными полученными путемъ наслѣдія еще изъ утробнаго періода — болѣе или менѣе значительнымъ пропитываніемъ тѣла или нѣкоторыхъ частей его водою, что выражается большею или меньшею впечатлительностью къ внѣшнимъ агентамъ.

Съ своей стороны, заболѣваніе слизистыхъ оболочекъ имѣетъ большое вліяніе на питаніе, образованіе крови и ея движеніе, поэтому распространенное страданіе слизистыхъ оболочекъ сильно отражается на всемъ дѣтскомъ организмѣ.

Погрѣшности въ питаніи, неправильности въ пищевареніи въ связи съ измѣненною дѣятельностію кожи производятъ сумму новыхъ болѣзненныхъ явленій, которыя укоренившись измѣняютъ нормальный ходъ развитія дѣтскаго организма и образуютъ болѣзнь, извѣстную подъ именемъ золотухи.

Какъ же происходитъ все это въ организмѣ? Первоначально мы имѣемъ передъ собою, полученную еще въ утробѣ матери, усиленную впечатлительность наружной и внутренней кожи (слизистой оболочки) къ внѣшнимъ агентамъ. Вліяніе разнообразныхъ, указанныхъ вредныхъ причинъ раздражаетъ ихъ, результатомъ этого раздраженія будетъ припуханіе и измѣненное отдѣленіе слизистыхъ оболочекъ, что естественно влечетъ съ собою страданіе железистыхъ органовъ и железъ. Затрудненное выдѣленіе железъ, застой крови въ нихъ измѣняетъ ихъ строеніе; дальнѣйшимъ теченіемъ этого будетъ нагноеніе и наконецъ пораженіе болѣе глубокихъ органовъ, костей. Такимъ образомъ, мало по малу, развивается такъ называемое золотушное худосочіе.

Такой взглядъ на дѣло имѣетъ ту важную практическую сторону, что врачи приступаютъ заблаговременно къ лѣченію болѣзненнаго случая, при первыхъ проявленіяхъ золотухи.

Часто появляющійся насморкъ отъ незначительной причины или катарральное состояніе вѣкъ глаза, скоро проходящія высыпанія на тѣлѣ, опуханіе и краснота кожи носа, верхней губы, частые поносы или обильное слюнетеченіе уже обращаютъ на себя вниманіе врача, какъ самыя раннія формы золотушной болѣзни. Какъ ни мало значительны эти болѣзненныя явленія, но они требуютъ энергическихъ мѣропріятій со стороны врача, для предупрежденія перехода болѣзни

во вторую степень, болѣе упорную. Ни чѣмъ не замѣнимое средство въ накожныхъ случаяхъ есть азотнокисло́е серебро, ляписъ въ субстанціи; онъ можетъ не только сократить теченіе болѣзни, но иногда и прервать ее въ началѣ.

Дѣйствіе его двоякое: во первыхъ, онъ извлекаетъ влагу изъ ткани и второе—створаживая содержимое влаги (*бѣлковое* вещество) на поверхности кожи, чѣмъ и останавливаетъ распространеніе болѣзни; и для этого не надобно очень дѣятельно прижигать имъ, а только помазывать кожу до образованія сѣраго цвѣта. Нерѣдко повторенное помазываніе опухшихъ желѣзъ въ зѣвѣ или помазываніе кожи, покрывающей опухшія шейныя железы, вскорѣ сопровождается благопріятными для здоровья послѣдствіями.

Такъ же полезно дѣйствуетъ слабый растворъ азотнокислаго серебра, принимаемый внутрь при локализаціи болѣзни въ кишкахъ.

Не менѣе хорошія средства для этой же цѣли мы имѣемъ въ сѣрнокисломъ цинкѣ и сѣрнокисломъ желѣзѣ, которые употребляются снаружи для ваннъ. Не могу не похвалить дѣйствія самаго слабаго раствора сулемы, употребленія которой, такъ страшатся нѣкоторыя матери; тогда какъ въ извѣстной золотушной формѣ (сыпной или подъ эпителіальной) воспаленія вѣкъ вдуваніе каломеля, тоже ртутнаго препарата, оказываетъ положительно возстановляющее дѣйствіе.

Рыбій жиръ есть тоже одно изъ хорошихъ противу золотушныхъ средствъ. Что касается употребленія различныхъ тизановъ изъ такъ называемыхъ противузолотушныхъ чаевъ, то нѣкоторые изъ нихъ, какъ слабо вяжущіе (листъ волоскаго орѣха, черной смородины), могутъ быть рекомендуемы даже какъ укрѣпляющіе слизистую оболочку кишекъ; большая же часть ихъ только разстраиваетъ пищевареніе. Главнѣйшими средствами останутся пока: холодная вода, въ формѣ обливаній или соотвѣтственной температуры, въ ваннѣ; за тѣмъ серебро, цинкъ, желѣзо, иногда мѣдь и мышьякъ. Втираніе масла въ тѣло составляетъ одну изъ хорошихъ мѣръ для уменьшенія накожной впечатлительности. Если этотъ ранній періодъ золотушнаго заболѣванія пропущенъ и разовьется такъ называемый золотушный видъ ребенка: напуханіе кожи лица и слизистыхъ оболочекъ глазъ, носа, увеличеніе миндалевидныхъ и шейныхъ железъ, наконецъ различныя сыпи на лицѣ,—то заблаговременными діэтетическими мѣрами: свѣжимъ, чистымъ воздухомъ, минеральными или рѣчными купаньями, при настойчивомъ мѣстномъ лѣченіи въ благопріятное время года, можно еще предупредить переходъ золотухи въ третью или дегенеративную форму болѣзни. Вторая форма золотухи развивается обыкновенно въ то время, когда дѣти начинаютъ учиться; здѣсь хорошій воздухъ, свѣтлое, обращенное на

югъ помѣщеніе помогаетъ для одного рода субъектовъ; для болѣе изнѣженныхъ, слабыхъ, необходимо употребленіе ваннъ, втираніе масла и удаленіе рѣзкихъ вліяній на головоспинной мозгъ. Изъ лѣкарствъ можно рекомендовать Галлерову іодовую воду, а при благопріятныхъ условіяхъ и лѣченіе минеральными водами.

Но иногда невниманіе къ раннимъ проявленіямъ золотухи наказывается развитіемъ дегенеративной формы еще до образованія опухоли въ железахъ и даже до развитія золотушнаго вида (habitus). Это можетъ произойти тогда, если, послѣ значительнаго страданія слизистыхъ оболочекъ, подѣйствуетъ ревматическій или травматическій агентъ. Многіе изъ опытныхъ врачей не рѣдко наблюдали упорныя болѣзни костей отъ ушиба или отъ простуды, безъ того, чтобы субъектъ имѣлъ вторичныя золотушныя явленія.

Собственно накожное золотушное страданіе есть, по мнѣнію спеціально разработавшаго вопросъ о золотухѣ, Леберта, самая доброкачественная форма золотушнаго страданія и не представляетъ сама по себѣ ничего опаснаго; онъ говоритъ, что будто бы самыя тяжелыя формы болѣзни имѣютъ лучшее теченіе, если соединяются съ болѣзнями кожи.

Съ нашей точки зрѣнія это не подтверждается на дѣлѣ.

Главная причина, почему къ употребленію наружныхъ средствъ относятся недовѣрчиво и даже съ боязнію, заключается въ томъ, что быстрое исчезаніе сыпи всегда сопровождается очень опасными явленіями, какъ обыкновенно думаютъ въ публикѣ, отъ переноса болѣзни на внутренніе органы.

Въ такомъ смыслѣ переноса допустить нельзя, такъ какъ врачь, внимательно слѣдя за ходомъ болѣзни, можетъ замѣтить развитіе какого либо опаснаго внутренняго заболѣванія еще за долго до исчезанія сыпи. Самое скрытіе сыпи всегда предшествуется разнаго рода новыми болѣзненными явленіями, и далеко не всегда опасными. Часто острая лихорадочная болѣзнь бываетъ причиною исчезанія сыпи, которая опять возвращается вмѣстѣ съ выздоровленіемъ отъ острой лихорадочной болѣзни.

Если послѣ сильнаго остраго катарра кишокъ (поноса) наступаетъ успокоеніе организма, больной чувствуетъ себя хорошо; а между тѣмъ начинается какое нибудь серьезное страданіе въ груди или въ мозгу, гдѣ существуетъ къ тому расположеніе,—то это не будетъ переносъ болѣзни. Въ этомъ случаѣ важно послѣдовавшее ослабленіе организма послѣ первой болѣзни и, зависящее отъ него, слабое противудѣйствіе вышесказанныхъ органовъ вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ.

Такъ и быстрое, какъ кажется, исчезновеніе сыпи на поверхности кожи не есть переносъ ея на другое мѣсто въ тѣлѣ, какъ обыкновенно думаютъ въ публикѣ, а отвлеченіе соковъ заболѣвшимъ органомъ, какъ мѣстомъ большей дѣятельности въ организмѣ, лишаетъ поверхность кожи потребнаго для произведенія сыпи количества соковъ.

Не рѣдки случаи такого рода: ребенокъ заболѣваетъ экземой на лицѣ, говорятъ ребенокъ цвѣтетъ; въ слѣдствіе того его держатъ очень тепло, купаютъ въ очень теплой водѣ или вовсе не купаютъ; сыпь покрывается корой, опухаютъ шейныя желѣзы, питаніе ребенка разстраивается. А между тѣмъ боятся употреблять что либо снаружи ребенокъ дѣлается вялъ, слабъ и легко заболѣваетъ какою либо существующею эпидемическою болѣзнію (а когда ее не бываетъ?) какъ напр. жабою, скарлатиною или корью. И что же! На такой почвѣ болѣзнь быстро развивается; воспаленіе зѣва и миндалевидныхъ желѣзъ привлекаетъ къ себѣ значительную часть крови, отнимая ее отъ лица. Сыпь на лицѣ пропадаетъ, а ребенокъ погибаетъ отъ задушенія.

Такъ развѣ это будетъ переносъ сыпи? Не правильный, ни на чемъ не основанный уходъ за такою сыпью есть причина печальнаго исхода жабы или скарлатины.

Въ заключеніе скажу о преимуществѣ мясной пищи въ золотухѣ, указавши на замѣчательный фактъ, что на Остр. Исландіи и Faröreскихъ *) золотуха есть очень рѣдкая болѣзнь; такъ какъ жители почти исключительно питаются мясомъ.

Д-ръ **Д—скій.**

---

*) Corradi A. Come oggi le affezioni scrofolotuberculari siansi fatte pir comuni considerazioni storichee mediche. Bologna 1862.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Элементарный курсъ теоретической математики, составленный по программѣ для среднихъ учебныхъ заведеній М. Апашнянскимъ. Часть I. Ариѳметика. Спб. 1871. Цѣна 75 коп.

Въ началѣ предисловія названной нами книги авторъ предлагаетъ вопросъ: какъ нужно *повторять* пройденный курсъ математики? Уже, поэтому, читатель можетъ судить, что книга его не можетъ имѣть особеннаго педагогическаго интереса, такъ какъ въ настоящее время педагоги, совершенно справедливо, обращаютъ главное вниманіе на начальное прохожденіе всякаго предмета, а не на повтореніе его, потому что послѣднее обыкновенно застаетъ большую часть учениковъ въ томъ возрастѣ, когда они уже на столько успѣютъ сформироваться, что ни предметъ, ни методъ его повторенія, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ оказать того вліянія на ихъ умственное развитіе, какое можетъ принести и приноситъ начальное образованіе вообще.

Сказанное въ особенности справедливо относительно математики, которая представляетъ собою неразрывную цѣпь строгихъ логическихъ выводовъ. Начинаясь съ прямаго измѣренія величинъ она сначала тотчасъ же совершенно точно опредѣляетъ цѣль и предметъ всѣхъ своихъ изслѣдованій и потомъ, путемъ простыхъ умозаключеній изъ того, что дало ей прямое измѣреніе, выводитъ, нисколько не уклоняясь отъ цѣли, всѣ свои истины. Понятное дѣло, что вторичное построеніе всей цѣпи умозаключеній уже не можетъ имѣть прежняго значенія, и по этому цѣль повторенія математики можетъ быть только единственная: закрѣпить въ ученикахъ тѣ изъ ея истинъ, которыя имъ будутъ необходимы или въ жизни, или для дальнѣйшаго пріобрѣтенія знаній въ послѣднемъ случаѣ, эти истины ученики должны запомнить, какъ основанія для послѣдующихъ выводовъ. Такое закрѣпленіе ихъ происходитъ само собою по мѣрѣ надобности и постепенно; при желаніи достигнуть этого въ болѣе короткій промежутокъ времени, остается одно—«зазубрить» ихъ.

Правда, еще въ настоящее время многіе учителя позволяютъ себѣ при начальномъ изложеніи математики, опускать нѣкоторыя теоремы, по ихъ мнѣнію, трудныя для учениковъ и потомъ, при повтореніи, вставлять выброшенныя звѣнья. Мы твердо убѣждены, что подобная произвольность учителей служитъ въ ущербъ учениковъ.

Выводъ изъ сказаннаго ясенъ: если преподаваніе математики было удовлетворительно, то ужь не къ чему повторять её, а тѣмъ паче, не къ чему составлять съ этою цѣлью учебниковъ.

Г. Апашиянскій полагаетъ, что методы начальнаго преподаванія математики и повторенія ея различны. Послѣдній, по его мнѣнію «бываетъ (а какимъ онъ долженъ быть?) по преимуществу дедуктивный, требующій самаго строгаго опредѣленія всевозможныхъ терминовъ и положеній и, слѣдовательно, совершенно чуждый воспитанику, усвоившему только практическіе пріемы и выводы, далѣе которыхъ едвали простираются математическія его познанія. Спору нѣтъ, что означенный методъ, пріучая къ послѣдовательному и систематическому изложенію сущности науки, далеко не безполезенъ, (болѣе!—великолѣпенъ, если даетъ такіе результаты), но тѣмъ не менѣе главная масса учениковъ, которая вообще довольно небрежно относится къ проходимымъ ею предметамъ (не хорошо!), весьма часто становится въ тупикъ, желая выразить что либо вѣрно и точно». Изъ этого онъ выводитъ что трудность повторенія математики заключается не въ самой наукѣ, но въ переходѣ отъ одного способа изложенія ея къ другому. Согласно съ цѣлью автора I-ая часть его теоретической математики полна опредѣленій. Намъ кажется страннымъ, почему г. Апашиянскій придаетъ такое важное значеніе точнымъ опредѣленіямъ всевозможныхъ терминовъ и положеній. Точность выраженія всегда зависитъ отъ ясности пониманія; чѣмъ яснѣе будетъ понято какое нибудь положеніе, тѣмъ строже оно будетъ выражено; сами же по себѣ опредѣленія не могутъ принести пользы, тѣмъ болѣе, что немногія изъ нихъ могутъ быть признаны вполнѣ истинными, такъ какъ каждое изъ нихъ выражаетъ извѣстную степень ясности пониманія. Чтобъ показать на сколько авторъ точно опредѣляетъ различные термины и положенія, мы приводимъ изъ его книги, безъ комментарій, первые попавшіеся примѣры: «Часть величины, взятая въ извѣстной мѣрѣ, называется количествомъ», «Надъ величинами могутъ быть производимы различныя дѣйствія, которыя называются вычисленіями», «Та часть математики, въ которой вычисленія производятся посредствомъ цифръ, называется ариѳметикою».

Не смотря на то, что авторъ на ариѳметику, какъ на основу всего элементарнаго курса, обратилъ главное вниманія, мы все таки позволяемъ себѣ посовѣтовать ему обратить еще больше вниманіе на остальныя части его, или, еще лучше, отказаться отъ прежняго назначенія ихъ и постараться составить прямо хорошіе учебники по алгебрѣ и геометріи, потому—что руководствами по этимъ отдѣламъ математики мы не очень богаты.

II. Алгебра. Учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ В. Воленсъ. Спб. 1871. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Мы очень рады познакомить читателя съ нѣкоторыми мнѣніями г. Воленса, относительно преподаванія математики, которыми онъ руководствовался при составленіи своего учебника, такъ какъ они по нашему мнѣнію, могутъ быть признаны вполнѣ раціональными. Приводимъ изъ его предисловія то именно, въ которомъ онъ говоритъ о главной цѣли математическаго руководства: «Нѣкоторые авторы полагаютъ необходимымъ, съ цѣлью мнимопедагогическою, жертвовать научною стороною преподаванія и имѣть главнымъ образомъ въ виду утилитарность, но мы считаемъ это неумѣстнымъ», и далѣе: «Главная цѣль математическаго руководства поэтому будетъ состоять въ слѣдующемъ: соединеніе требованій строгой научности съ условіями возможной удобопонятности для учащихся». Вотъ о чемъ, дѣйствительно, слѣдуетъ заботиться при составленіи всякаго учебника: соединить требованіе строгой на-

учности съ условіями возможной удобопонятности, а не коверкать предметы образованія, обращая ихъ въ жвачку, которая хотя и очень удобна для глотанія, но ни куда негодна какъ здоровая пища для дѣтскаго организма. Еслибъ въ настоящею минуту какой нибудь математикъ не педагогъ вошелъ въ одну изъ нашихъ первоначальныхъ школъ, вовремя урока ариѳметики, то онъ положительно пришелъ бы въ недоумѣнье, не понимая о чемъ это тамъ толкуютъ, объ ариѳметикѣ или о чемъ то похожемъ на нее. Надо еще благодарить судьбу за то, что алгебра и другія части математики избѣгли той участи или подверглись ей не въ той степени, какая обрушилась на несчастную ариѳметику.

Всякая наука, въ томъ числѣ—и по преимуществу—математика, должна имѣть два значенія, какъ наука и какъ образовательное средство, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Пока наука лишена образовательнаго элемента и представляетъ собою архивъ, хламъ, въ кучу наваленныхъ истинъ, до тѣхъ поръ ходъ ея развитія будетъ самый медленный и, большею частью, случайный. Когда же этотъ хламъ будетъ разработанъ такъ, что каждая истина будетъ занимать должное ей мѣсто въ ряду другихъ истинъ, когда каждая изъ нихъ будетъ прямо вытекать изъ предъидущихъ и служитъ основаніемъ для вывода послѣдующихъ, тогда самъ собою опредѣлится методъ ея и всякій, изучая ее, будетъ дѣлаться больше годнымъ къ открытію дальнѣйшихъ истинъ.

Когда было обращено особенное вниманіе на образованіе юношества, то замѣтили тогда, что наука (какъ, напримѣръ, ариѳметика и геометрія, остающіеся еще до сихъ поръ въ томъ видѣ, въ какомъ они были изложены Евклидомъ) какъ средство образованія далеко не удовлетворительна. Но вмѣсто того, чтобъ, замѣтивъ это, обратить все вниманіе на разработку этихъ въ кучу наваленныхъ истинъ и привести ихъ въ болѣе строгую научную систему, педагоги, удовлетворяя цѣлямъ образованія, ради удопонятности совсѣмъ пренебрегли научною стороною каждаго предмета. А что такія науки, какъ ариѳметика и алгебра не могутъ считаться хорошо разработанными въ научномъ отношеніи, это подтвердитъ всякій, кто вмѣстѣ съ изученіемъ этихъ наукъ старался также проникнуть и въ сущность ихъ. Съ нашей стороны, въ подтвержденіе сказаннаго, достаточно будетъ указать хоть, напримѣръ, на ученіе объ отрицательныхъ количествахъ.

Алгебра г. Воленса, разумѣется, далеко не удовлетворяетъ вышеизложенному, но намъ кажется, что она, въ ряду другихъ учебниковъ по алгебрѣ, можетъ занять одно изъ почетныхъ мѣстъ. Онъ ее назначаетъ не для учителей, а прямо для учащихся, поэтому всѣ предложенія ея изложены у него въ окончательной формѣ, въ какой они обыкновенно предлагаются учителемъ во время урока. Читатель найдетъ въ ней только то, что требуется по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Мы думаемъ, что это составляетъ одинъ изъ ея недостатковъ. Между учащимися всегда почти встрѣчаются такія личности, которыя проявляютъ весьма похвальную самостоятельность въ пріобрѣтеніи знаніи и недовольствуются только одними объясненіями учителя. Для такихъ учениковъ было бы очень полезно въ каждомъ учебникѣ дать хоть немного болѣе того, что требуется въ программахъ.

Руководство г. Воленса раздѣлено на двѣ части. Въ первой ученикъ знакомится съ алгебраическими терминами, получаетъ понятіе о различныхъ видахъ количествъ: цѣлыхъ, дробныхъ, несоизмѣримыхъ, положительныхъ и

отрицательныхъ. Чтобъ облегчить для учениковъ переходъ отъ ариѳметики къ алгебрѣ, г. Воленсъ тутъ же предлагаетъ доказывать помощью буквенныхъ количествъ нѣкоторыя ариѳметическія предложенія, напр. о дробныхъ числахъ; далѣе у него идутъ рѣшеніе уравненій съ одною неизвѣстною и изслѣдованіе ихъ, потомъ—рѣшенія уравненій 1-й степени съ двумя неизвѣстными, неопредѣленныя уравненія съ 3-мя неизвѣстными и наконецъ, о неравенствахъ. Во второй части изложены возвышеніе въ степень, извлеченіе корней, рѣшеніе уравненій 2-ой степени, о лагариѳмахъ, прогрессіяхъ, рядахъ, теорія соединеній и Ньютоновъ биномъ.

Въ числѣ недостатковъ, по нашему мнѣнію, можно указать еще на то, что возвышеніе въ квадратъ и въ кубъ и извлеченіе квадратныхъ и кубичныхъ корней и затѣмъ возвышеніе въ степень и извлеченіе корней вообще помѣщены г. Воленсомъ во второй части, а между тѣмъ въ первой говорится о степенныхъ количествахъ, какъ одночленныхъ такъ и многочленныхъ. Было бы гораздо правильнѣе возвышеніе въ двадратъ и извлеченіе квадратнаго корня помѣстить раньше и даже еще лучше, отнести ихъ къ ариѳметикѣ, помѣстивъ ихъ тотчасъ же послѣ умноженія и дѣленія, потому что они собою представляютъ чисто ариѳметическія дѣйствія и составляютъ частный случай умноженія и дѣленія и, по сложности ихъ, могутъ быть поставлены на ряду съ послѣдними.

Послѣ каждаго отдѣла въ алгебрѣ г. Воленса помѣщено весьма много примѣровъ и задачъ, поэтому ученикъ, имѣя въ рукахъ это руководство, можетъ обходиться и безъ сборника алгебраическихъ задачъ; что очень важно, такъ какъ не всякій ученикъ въ состояніи пріобрѣсти себѣ и учебникъ по алгебрѣ и сборникъ алгебрическихъ задачъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ то, такъ и другое положительное необходимы для каждаго изъ нихъ. Z.

III. Журналистика. Обозрѣніе педагогическихъ статей въ органахъ нашей прессы за первую треть текущаго года.

Вступленіе.—Вѣстникъ Европы.—Отечественныя Записки.—Русскій Вѣстникъ.—Дѣло.—Заря.—Знаніе.—Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.—Педагогическій Сборникъ.—Народная школа.—Заключеніе.

Значеніе журналистики въ жизни образованныхъ народовъ уже опредѣлилось; она не только, подобно зеркалу, отражаетъ всѣ явленія общественной жизни, но занимается разсмотрѣніемъ вопросовъ, имѣющихъ первенствующее значеніе въ теченіе извѣстнаго періода; она не ограничивается указаніемъ однихъ фактовъ, но ихъ освѣщаетъ и тѣмъ способствуетъ уясненію сущности каждаго явленія, развитію самосознанія въ обществѣ и проведенію въ его жизни началъ, вырабатываемыхъ наукою. Значеніе ея опредѣляется вполнѣ только въ государствахъ западной Европы, гдѣ общественная жизнь кипитъ, гдѣ каждая отдѣльная личность сознаетъ себя дѣйствительнымъ членомъ общественнаго организма и, потому, близко принимаетъ къ сердцу всѣ его интересы. Развитіе журналистики лучше всего опредѣляетъ ея значенія. У насъ періодическая пресса только что вышла изъ періода эмбріональнаго развитія она лишь начинаетъ жить; отдѣльно взятый каждый журналъ или газета, далеко не представляетъ собою органъ какой либо партіи, по той простой причинѣ, что и партій въ строгомъ значеніи этого слова у насъ нѣтъ; однородные элементы еще недавно почувствовали свою солидарность, они только

успѣли нѣсколько сблизиться, но далеко еще не образовали строго опредѣленныя группы. Лучшіе органы печати пріобрѣли особый цвѣтъ, отличающій ихъ отъ другихъ, болѣе или менѣе высказались въ извѣстномъ направленіи, но еще рѣзко не оттѣнили себя отъ другихъ, съ ними сходныхъ. Тѣмъ не менѣе и наша журналистика обладаетъ до извѣстной степени качествами западной; она успѣла уже расшевелить спящіе умы, она честно отнеслась ко всему, что затрогивало наши общественные интересы; каждый органъ успѣлъ до нѣкоторой степени составить себѣ опредѣленный кругъ читателей и высказаться по крупнѣйшимъ вопросамъ нашей жизни. Педагогическіе вопросы, глубоко затрогивающіе интересы общества, разработываются не только вмѣстѣ съ другими, но, подобно всѣмъ крупнѣйшимъ, вызвали появленіе спеціальныхъ изданій, поставившихъ себѣ цѣлью руководить въ этомъ отношеніи общественными стремленіями и давать имъ то или другое направленіе. Обязанность журналиста честно относиться къ явленіямъ общественной жизни, указывать все выдающееся, не игнорируя ея темныхъ сторонъ, но, напротивъ, указывая ихъ, тѣмъ самымъ способствовать сознанію общественныхъ недуговъ, что уже составляетъ первую ступень къ поднятію умственнаго уровня общества.

Въ виду этихъ соображеній, мы, согласно высказанному нами взгляду, намѣрены въ каждой книжкѣ нашего журнала представлять вниманію читателя обзоръ нашихъ журналовъ по вопросамъ, составляющимъ предметъ нашей спеціальности, т. е. по вопросамъ воспитанія и обученія.

Задача общеобразовательной школы способствовать развитію въ ребенкѣ всѣхъ его человѣческихъ способностей, и обученіе является лишь однимъ изъ могущественныхъ средствъ. Это мы считаемъ необходимымъ высказать, дабы выяснить, что эти два занятія нами далеко не раздѣляются; почему мы въ нашихъ обозрѣніяхъ будемъ говорить по возможности обо всемъ, относящемся къ образованію, какъ каждой отдѣльной личности, такъ и всего народа. Народная школа, являющаяся прежде всего воспитательнымъ учрежденіемъ, постоянно будетъ обращать на себя наше вниманіе, и мы не преминемъ указать на каждую посвященную ей интересную статью, какого бы то ни было отечественнаго журнала.

Настоящее обозрѣніе мы посвящаемъ разсмотрѣнію болѣе замѣчательныхъ педагогическихъ статей, появившихся въ теченіе первой трети настоящаго года, предполагая, по обозрѣнію журналовъ за остальные его мѣсяцы, въ нашихъ мѣсячныхъ обозрѣніяхъ, знакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ педагогическихъ статей, появляющихся въ теченіе послѣдняго мѣсяца.

Въ январской книжкѣ *«Вѣстника Европы»* напечатана весьма интересная статья Ил. Мечникова «Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія», въ которой почтенный ученый старается поставить вопросъ о воспитаніи на почву положительной науки, надѣясь такимъ образомъ опредѣлить и самую задачу науки о воспитаніи. Попытка эта представляется тѣмъ болѣе интересной, что педагогія, какъ наука, почти не существуетъ. Отдѣльные выводы далеко не представляютъ еще научной системы, полагаемъ, оттого, что самыя основы этой науки, заимствованныя изъ психологіи и логики, къ которымъ лишь весьма недавно приложенъ индуктивный методъ, представляются крайне шаткими. Статья Мечникова представляется на столько новою по взгляду, что мы постараемся въ возможно короткомъ очеркѣ изложить ея содержаніе, полагая, что уже по самому методу, имъ приложенному, она остановитъ на себѣ вниманіе не однихъ спеціалистовъ.

Указавъ на разладъ между теоріей и практикой, существующій въ дѣлѣ воспитанія, авторъ говоритъ, что въ то время, какъ историки проповѣдуютъ свою теорію естественнаго воспитанія*) и порицаютъ практиковъ за употребленіе слишкомъ искуственныхъ рутинныхъ способовъ, практики относятся съ презрѣніемъ ко всякимъ широкимъ обобщеніямъ и никакъ не хотятъ промѣнять на нихъ добытые опытомъ педагогическіе результаты. Излагая сущность естественнаго метода, онъ находитъ, что вслѣдствіе поспѣшности заключенія, которое дѣлаетъ ребенокъ о причинной связи различныхъ явленій, слишкомъ скоро выведенное заключеніе ведетъ къ черезчуръ широкому обобщенію и ребенокъ становится въ невѣрное, неестественное отношеніе къ предметамъ. «Ударившись объ столъ, обварившись водой, обжогшись о каминъ, онъ будетъ бояться стола, воды и камина и не рѣшится имѣть дѣло съ этими предметами, даже въ томъ случаѣ, когда они будутъ ему положительно полезны. Безъ посторонней помощи, онъ скоро научится связывать причины съ слѣдствіями». Этимъ Мечниковъ возражаетъ Ж. Ж. Руссо и его послѣдователямъ. Съ положеніемъ одного изъ нихъ Спенсера, «что каждый ребенокъ признаетъ справедливость естественнаго наказанія», авторъ никакъ не можетъ согласиться; онъ говоритъ: «чтобы признать справедливость наказанія, для этого нужно или сознавать въ себѣ волю, или же, не разсуждая ни о чемъ, принимать на вѣру все, сообщаемое старшими. Поэтому, сознавать справедливость наказанія, можетъ только развитой человѣкъ, который вообще считаетъ себя существомъ, долженствующимъ не подчиняться постороннему вліянію, а бороться съ нимъ и дѣйствовать по собственной, (по крайней мѣрѣ, какъ таковую сознаваемой) волѣ, или же—забитый ребенокъ, который никакой воли не имѣетъ и не сознаетъ, а думаетъ, что онъ виноватъ, если ему это прикажутъ думать. За исключеніемъ этихъ крайнихъ случаевъ, наказуемый чувствуетъ или сознаетъ, что онъ совершилъ проступокъ подъ вліяніемъ какой нибудь посторонней силы, и что, слѣдовательно, онъ выноситъ наказаніе, несправедливо ему вмѣненное. Относительно ребенка нужно еще имѣть въ виду то обстоятельство, что при слабой волѣ, чувствительность у него вообще очень сильно развита. Побужденіе къ совершенію проступка, или такъ называемый соблазнъ, будетъ на него дѣйствовать всегда сильно, подавляя неразвитую волю, и сильно же будетъ дѣйствовать на него наказаніе».

Вопросъ о существованіи въ человѣкѣ сильнаго побужденія къ совершенію проступка, «grand penchant a dégénérer», о которомъ говоритъ Руссо, ставится авторомъ въ виду опредѣленія границы и дѣйствительнаго значенія воспитанія.

Рѣшеніе этого вопроса не можетъ быть основано на отрывочныхъ данныхъ, а апріористическіе выводы влекутъ за собою теорію, не выдерживающую серьезной критики. Поэтому г. Мечниковъ считаетъ необходимымъ прибѣгнуть къ положительной наукѣ, дающей и теперь много важныхъ фактовъ. Цѣль его статьи, какъ онъ самъ ее опредѣляетъ, заключается въ томъ, чтобы *показать, что основной вопросъ воспитанія настолько же подчиняется научной разработкѣ, какъ и многіе другіе вопросы человѣческой жизни.* Авторъ сознается, что въ настоящее время положительная наука не въ состояніи дать полнаго и всесторонняго отвѣта на поставленный вопросъ и имѣетъ въ виду

*) Взглядъ Ред. на естественный методъ выраженъ въ № 4 Семьи и Школы Кн. II стр. 1 и № 7 стр. 11 и послѣдующія.

въ своей статьѣ указать лишь тотъ путь, слѣдуя по которому, мы можемъ придти къ болѣе удовлетворительному результату.

Сравнивая продолжительность воспитательнаго періода дѣтей цивилизованныхъ народовъ, дикихъ и народовъ, находящихся на незначительной степени развитія, Мечниковъ, основываясь на свидѣтельствахъ М. Кенне, Ветца, Вамбери и приводя общія соображенія, что для того, чтобы сдѣлаться членомъ современнаго общества, нужно пройти длинную школу, какъ умственнаго, такъ и нравственнаго обученія, тогда какъ у не цивилизованныхъ народовъ ребенокъ можетъ скоро изучить всѣ незатѣйливыя ремесла родителей и съ ранняго возраста начать вести болѣе или менѣе самостоятельную жизнь, приходитъ къ заключенію, что разница въ воспитательномъ періодѣ у народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія, весьма значительна.

Но еще большее различіе въ продолжительности воспитательнаго періода, находимъ мы, наблюдая развитіе человѣка и другихъ млекопитающихъ. Сравнивая продолжительность этого періода съ продолжительностью эмбріональнаго развитія и съ продолжительностью жизни вообще, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Продолжительность эмбріональнаго развитія относится къ продожительности воспитательнаго до 15 лѣтъ — срокъ наступленія половой зрѣлости, какъ: 1:20 у человѣка; 1:16 у медвѣдя; 1:11,6 у выдры; 1:9,3 у слона; 1:8,6 у ежа; 1:4,7 у собаки; 1:4,2 у дикой свиньи; 1:2,7 у лося; 1:2,5 у козла; 1:2 у крысы; 1:1,2 у козы;

Продолжительность воспитательнаго періода относится къ продолжительности жизни, какъ: 1:5,4 для человѣка; 1:6,2 для слона; 1:8 для медвѣдя; 1:8,7 для льва; 1:9 для ежа; 1:15 для собаки; 1:19 для дикой свиньи;

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что: 1) періодъ эмбріональнаго развитія короче всего у человѣка; 2) періодъ физическаго развитія у человѣка гораздо продолжительнѣе, чѣмъ у другихъ млекопитающихъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ ребенокъ гораздо больше отличается отъ взрослаго человѣка, чѣмъ всякое другое молодое животное отъ взрослаго. Обращая затѣмъ вниманіе читателя на роль подражанія при воспитаніи, благодаря которому животныя въ короткій срокъ выучиваются всему необходимому для ихъ жизни, авторъ замѣчаетъ, что подражаніе играетъ *также очень* важную роль въ дѣлѣ воспитанія не цивилизованныхъ или полуцивилизованныхъ народовъ. У народовъ же цивилизованныхъ, гдѣ существуетъ наибольшее физическое и психическое различіе между ребенкомъ и взрослымъ, напротивъ, подражаніе дѣтей родителямъ всего менѣе можетъ быть полезно.

Далѣе авторъ говоритъ, что обстановка, соотвѣтствующая условіямъ жизни взрослаго человѣка, должна быть слишкомъ сложна для ребенка. Вслѣдствіе этого онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Ж. Ж. Руссо, который начинаетъ воспитаніе Эмиля въ деревнѣ, и даже находитъ, что городское воспитаніе Эмиля началось слишкомъ рано. Но и обстановка деревни въ весьма многихъ отношеніяхъ слишкомъ сложна для ребенка и далеко не представляетъ собою среды вполнѣ соотвѣтствующей раціональнымъ требованіямъ. «Ребенокъ, говоритъ авторъ, не есть человѣкъ въ миніатюрѣ, родъ временнаго карлика, который обладаетъ всѣми тѣми свойствами, которыя характеризуютъ взрослаго человѣка. Уже простое эмбріолого-анатомическое изслѣдованіе показываетъ намъ, что организмъ ребенка качественно отличается отъ организма взрослаго человѣка». Временныя связки, соединяющія черепныя кости ребенка, игра-

ютъ очень важную роль въ дѣлѣ развитія мозга, а слѣдовательно, и цѣлаго организма. «У ребенка существуютъ и особенные органы (thymus) и анатомическія особенности кровеносной системы. Почки его представляются лопастными и проч. И въ интеллектуальномъ отношеніи ребенокъ не есть человѣкъ въ миніатюрѣ. Хотя онъ очень рано начинаетъ связывать отдѣльныя представленія и дѣлать изъ нихъ выводы, но онъ дѣлаетъ это иначе, чѣмъ взрослый цивилизованный человѣкъ, и оттого-то онъ воображаетъ все живымъ и вообще антропоморфируетъ внѣшніе предметы. Являясь во многихъ важныхъ отношеніяхъ отличнымъ отъ взрослаго человѣка, ребенокъ, очевидно, не можетъ ужиться въ той обстановкѣ, которая пригодна (да и то въ извѣстной только мѣрѣ) для взрослыхъ людей. И для того-то, чтобы согласить ребенка съ окружающей обстановкой, обыкновенно и употребляются разныя насильственныя мѣры». Доводы воспитателя весьма часто не убѣдительны для ребенка, потому что, въ бо̀льшей части случаевъ, одинъ внѣшній видъ предметовъ побуждаетъ его стараться схватить вещь, употребить ее въ пищу и т. п. Насиліе, которое долженъ употребить воспитатель, огорчаетъ и озлобляетъ ребенка. Таковы результаты несоотвѣтствія обстановки съ развитіемъ дитяти. Это несоотвѣтствіе служитъ причиною тому, что подражаніе, благопріятствующее развитію животныхъ, менѣе разнящихся по возрастамъ, оказывается часто очень вреднымъ при воспитаніи дѣтей цивилизованныхъ народовъ.

Указывая причины, лежащія въ самыхъ условіяхъ физическаго развитія организма дѣтей и мѣшающія правильному ихъ воспитанію, авторъ, для уясненія того, что гармонія между различными частями тѣла, устанавливающаяся въ развившемся организмѣ, составляетъ одно изъ позднѣйшихъ явленій развитія, приводитъ рядъ научно доказанныхъ фактовъ.

Физіологъ Чермакъ, занимавшійся измѣреніемъ осязательной способности дѣтей, сравнилъ добытыя имъ данныя съ полученными Веберомъ при измѣреніи осязанія у взрослыхъ. Сравненіе это привело его къ заключенію, что съ увеличеніемъ роста, чувствительность постепенно притупляется и что притупленіе кожной чувствительности при возрастаніи человѣка совершается не только вслѣдствіе абсолютнаго увеличенія поверхности кожи, но еще вслѣдствіе различныхъ, хотя и неизвѣстныхъ измѣненій въ органахъ центральной нервной системы.

Многіе факты допускаютъ предположеніе, что другія чувства также сильно развиты въ ребенкѣ. Развитіе мускульнаго чувства должно быть весьма значительно у самыхъ маленькихъ дѣтей, которыя постоянно имѣютъ стремленіе къ движенію, вознѣ. Относительно развитія зрѣнія, слуха, обонянія и вкуса наука даетъ слишкомъ мало данныхъ, хотя, какъ доказалъ Кусмауель, дѣти очень скоро послѣ рожденія способны отличать вкусъ различныхъ предметовъ и получать явственно выраженное неудовольствіе и удовольствіе отъ вкусовыхъ ощущеній. Развитая чувствительность, говоритъ авторъ, соединенная съ сравнительно очень быстрымъ теченіемъ всѣхъ жизненныхъ процессовъ въ организмѣ, составляетъ очень важную причину страстности, характеризующей вообще дѣтскій нравъ. Подобный характеръ получаетъ полную возможность развиваться вслѣдствіе того, что удерживающіе страстность моменты, т. е. умъ и воля у ребенка, представляются сначала вовсе не развитыми, а потомъ — развитыми, но сравнительно очень слабо. Такое неравномѣрное развитіе въ ребенкѣ чувствительности и воли оказываетъ весьма значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе характера и далѣе на всю мораль-

ную жизнь взрослаго человѣка. Сопоставляя послѣдній выводъ съ тѣмъ, что сказано о существенномъ отличіи въ развитіи человѣка и другихъ млекопитающихъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что чѣмъ дальше продолжается воспитательное развитіе и чѣмъ медленнѣе устанавливается равновѣсіе между страстностью и волею, тѣмъ крупнѣе должны быть послѣдствія неравновѣсія между этими двумя двигателями жизни. Послѣдствія эти должны особенно усиливаться тамъ, гдѣ существуетъ наибольшее различіе между взрослымъ и молодымъ организмомъ. Имѣя въ виду эти выводы, заключаетъ авторъ, и, принимая въ соображеніе выше показанные факты, что воспитательное развитіе человѣка продолжается дольше соотвѣтствующаго періода у другихъ животныхъ и что новорожденный ребенокъ сравнительно больше разнится отъ взрослаго человѣка, чѣмъ крайніе возрасты у другихъ высшихъ животныхъ, мы очевидно, должны придти къ заключенію, что неравномѣрность въ развитіи чувствительности и воли всего значительнѣе и всего вліятельнѣе будетъ у человѣка. Особенное вниманіе авторъ обращаетъ на то обстоятельство, что эта неравномѣрность, сглаживающаяся болѣе или менѣе съ развитіемъ, оставляетъ въ характерѣ глубокіе слѣды, которые весьма часто проявляются и у взрослыхъ людей преобладаніемъ страстности надъ волею.

Далѣе въ своей статьѣ Мечниковъ обращается къ разсмотрѣнію наиболѣе осязательныхъ примѣровъ несоразмѣрности въ развитіи отдѣльныхъ частей организма, именно онъ указываетъ на факты ранняго развитія въ дѣтяхъ половаго ощущенія и половой зрѣлости. Половая зрѣлость появляется слишкомъ преждевременно по отношенію къ общему, цѣлостному развитію организма, и, напротивъ черезъ-чуръ поздно сравнительно съ появленіемъ половаго чувства.

Опираясь на приведенные факты, авторъ заключаетъ свой трудъ выводомъ, что въ развитіи самаго организма находятся условія, имѣющія дурное вліяніе на все дальнѣйшее развитіе. Эти условія заключаются, главнымъ образомъ, въ неравномѣрномъ развитіи частей, нормальное отправленіе которыхъ должно составлять нѣчто гармонически цѣлое. Изъ сказаннаго легко видѣть также, что чѣмъ долѣе продолжается воспитательное развитіе, тѣмъ сильнѣе выражается и дѣйствіе неравномѣрнаго развитія органовъ.

Выводомъ этимъ онъ пользуется для объясненія разлада, замѣчаемаго между педагогами теоретиками и практиками. Теоретики, находя вліяніе сложныхъ условій жизни цивилизованныхъ людей вреднымъ, хотятъ устранить эти условія и слѣдовать указаніямъ природы, упуская изъ виду, что именно уклоненіе человѣка отъ указаній природы и та быстрая порча, на которую сѣтуетъ Руссо, составляютъ прямой и необходимый результатъ особенностей самаго организма». Измѣненіе этихъ особенностей не представляется для насъ возможнымъ, но мы должны изыскивать средства для отысканія условій, необходимыхъ для нормальнаго развитія ребенка, къ какому бы возрасту онъ не принадлежалъ. Поставивъ въ эти условія развивающееся существо, мы избѣгаемъ того несоотвѣтствія между нимъ и окружающимъ его міромъ, которое влечетъ за собою коллизію стремленій дитяти съ разумною волею воспитателя.

Положеніе Руссо, что дурное воспитаніе испортило людей и что одно хорошее воспитаніе непремѣнно сдѣлаетъ человѣка хорошимъ, остается совершенно вѣрнымъ, если мы только согласимся въ томъ, что «хорошее воспитаніе» не представляетъ собою нѣчто безусловное. Дитя первобытнаго человѣка

дѣйствительно находилось въ болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ, потому что окружавшая его жизнь была крайне не сложна, но, безъ сомнѣнія, эти условія не пригодны для воспитанія дитяти цивилизованнаго человѣка. Условія нашей жизни требуютъ отъ хорошо воспитаннаго человѣка совершенно иныхъ качествъ, почему мы, стремясь привести въ гармонію молодую жизнь съ окружающей ее средою, должны въ тоже время изыскивать средства, при помощи которыхъ наши дѣти достигали бы того уровня развитія, которымъ отличается нашъ вѣкъ отъ временъ первобытныхъ. Такое «хорошее воспитаніе» приведетъ насъ къ тому, что мы, поставивъ сначала ребенка въ условія весьма несложной жизни, и затѣмъ постепенно переходя къ существующимъ, тѣмъ самымъ образуетъ изъ него человѣка своего времени, не подавляя его волю и предоставляя ему развиться сообразно съ его природными наклонностями.

Конечно, мы, сжившіеся съ условіями насъ окружающими, при всемъ нашемъ желаніи, не въ состояніи будемъ создать столь простую обстановку, въ какой можетъ явиться надобность, и ребенокъ весьма часто будетъ обнаруживать «склонность къ проступку». Въ такомъ случаѣ, предоставляя природѣ самой наказывать его тогда, когда это наказаніе не будетъ вредить его здоровью и когда оно будетъ являться какъ слѣдствіе его поступка, мы въ другихъ случаяхъ должны предупреждать его, объясняя, насколько это возможно, тотъ вредъ, который можетъ слѣдовать за его дѣйствіемъ. Любовь къ ребенку, безъ которой немыслимъ воспитатель, настолько располагаетъ къ нему воспитываемаго, что воспитателю всегда возможно будетъ убѣдить дитя если не логическими доводами, то при помощи сознанія ребенкомъ питаемаго къ нему расположенія. Дѣти въ этомъ случаѣ весьма вѣрно угадываютъ чувства взрослыхъ, ощущаемая любовь привязываетъ ихъ къ человѣку и создаетъ изъ него авторитетъ, который долго не колеблется, даже если ребенокъ развившись разумомъ дойдетъ до заключенія, что во многихъ отношеніяхъ созданный имъ авторитетъ былъ несостоятеленъ.

Естественное наказаніе, являющееся логическимъ послѣдствіемъ извѣстнаго поступка, дѣйствуетъ на сознаніе своей неотвратимостью и, не насилуя воли ребенка, пріучаетъ его избѣгать извѣстныхъ дѣяній; дабы ребенокъ не становился въ невѣрное, неестественное отношеніе къ предметамъ, что дѣйствительно можетъ случиться, воспитатель долженъ взять на себя трудъ способствовать ему связывать причины со слѣдствіями и тѣмъ самымъ утилизировать тѣ огорченія, которыя будетъ испытывать ребенокъ вслѣдствіе своего малознакомства съ окружающимъ его міромъ, который, при всѣхъ стараніяхъ, все таки не можетъ представлять собою столь несложную среду, какая способна удовлетворить всѣмъ условіямъ его развитія.

Въ той же книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщена статья Ф. Р—а «Ремесленное образованіе въ Виртембергѣ», знакомящая читателей съ вечерними и воскресными ремесленными школами въ Виртембергѣ (Fortbildungsschulen), которыя, не отрывая дѣтей бѣдныхъ родителей отъ работы, доставляютъ тѣмъ не менѣе имъ возможность подготовиться къ практическому занятію ремесломъ, но вовсе не стараются обучить дѣтей спеціальнымъ ремесламъ, что выполняется мастерской. Отклоняются отъ этаго правила лишь весьма немногія школы, учрежденныя въ мѣстностяхъ съ преобладающею спеціальною промышленностью. О рабочихъ пріютахъ (Industrieschulen), въ которыхъ дѣти находятъ себѣ пріютъ въ свободное отъ школы время и гдѣ они занимаются

ручными работами, къ сожалѣнію, говорится очень коротко. Весьма интересны страницы, посвящаемыя авторомъ описанію обществъ для самообразованія ремесленниковъ, благодаря которымъ рабочее сословіе не только богатѣетъ познаніями, но и улучшаетъ свое экономическое положеніе. Желая прививки этихъ учрежденій у насъ, авторъ въ заключеніе говоритъ: «Ремесленныя школы, какъ общія для учениковъ различныхъ ремеслъ, такъ и соединяющія преподаваніе съ практическими занятіями, способными исподволь совершенствовать какой-либо отдѣльный промыселъ, всего болѣе соотвѣтствуютъ интересамъ промышленныхъ мѣстностей и потому могутъ быть устраиваемы тамошними органами самоуправленія, а равно и частными лицами, интересующимися успѣхами промышленности и отдѣльныхъ производствъ или желающими поднять благосостояніе ограниченныхъ мѣстностей. Съ нѣсколько большими усиліями такія школы могли бы быть устраиваемы въ мѣстностяхъ, природныя и бытовыя условія которыхъ дозволяютъ надѣяться на успѣхъ извѣстнаго промысла. Припомните случаи, когда въ западной Европѣ цѣлыя мѣстности были спасаемы отъ нищеты и голода воспитаніемъ въ нихъ новой отрасли промышленности. Бѣдствующихъ мѣстностей въ Россіи довольно; онѣ представляютъ широкое поприще благотворительности въ такомъ видѣ. Большое вліяніе на развитіе отдѣльныхъ мѣстныхъ промысловъ могли бы оказать посвященныя ихъ издѣліямъ частныя выставки, требующія весьма небольшихъ затратъ. Онѣ указали бы мѣстнымъ промышленникамъ и совершеннѣйшіе образцы, и лучшіе способы производства».

Недостатокъ ремесленнаго образованія съ одной стороны, а съ другой—традиціонно скверное обращеніе мастеровъ хозяевъ съ учениками ощущаются у насъ по всюду. Поэтому мы съ особеннымъ удовольствіемъ заносимъ въ нашу хронику предположеніе объ учрежденіи въ Петербургѣ ремесленнаго училища на соединенныя средства города и Человѣколюбиваго Общества, въ вѣдѣніи котораго находится «Домъ призрѣнія», представляющій также ремесленно-учебное заведеніе, но, къ сожалѣнію, сколько намъ извѣстно, не достигающій своей цѣли.

Въ январьской же книжкѣ „Вѣстника Европы“ напечатана статья барона Н. Корфа „Русское народное образованіе и земство“, представляющая разборъ втораго тома, безъ сомнѣнія, извѣстнаго читателямъ труда кн. Васильчикова «О самоуправленіи».

Статья „Наканунѣ реформъ въ народномъ просвѣщеніи“ (Вѣстн. Европы № 4), столь сильно огорчившая московскихъ журналистовъ и заставившая „Русскаго гражданина“ разразиться въ апрѣльской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ молніеносной статьей, никого впрочемъ не поранившей, посвящена разсмотрѣнію проэкта закона: 1) о городскихъ училищахъ, имѣющихъ замѣнить собой училища приходскія и уѣздныя и служить образцами для народныхъ школъ вообще; 2) объ учительскихъ институтахъ, имѣющихъ приготовить учителей для городскихъ училищъ и служить образцами для учительскихъ семинарій, учреждаемыхъ земствами; 3) о реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія; и 4) проэктъ измѣненій и дополненій въ уставѣ гимназій и прогимназій. Авторъ приходитъ къ тому заключенію, что на обязанности министерства лежитъ серьозно озаботиться о поднятіи уровня образованія въ народѣ, для чего оно, даже и при своемъ бюджетѣ 10,444,420 руб., могло бы болѣе отпускать на собственно народное образованіе.

На народныя училища нынѣ расходуется всего 576,000 руб., такъ какъ

остальные 127,000 руб. затрачиваются на содержаніе инспекціи (инспекторовъ и директоровъ); послѣдняя сумма должна еще увеличиться, вслѣдствіе предположенія завести еще помощниковъ инспекторовъ. По вопросу о гимназіяхъ авторъ говоритъ, что они должны быть реальными, такъ какъ въ послѣднихъ чувствуется насущная потребность; реальныя же училища, имѣющія профессіональный характеръ, могутъ приготовить лишь искусныхъ мастеровъ, что вовсе не относится къ задачамъ общаго образованія, а техническаго; забота о нихъ „должна быть представлена министерству торговли, или тому министерству, въ рукахъ котораго сосредоточено у насъ управленіе торговлею, а также тому министерству, вѣдѣнію котораго принадлежатъ городскія и земскія управленія".

Мы въ короткихъ словахъ привели здѣсь содержаніе статьи «Наканунѣ реформъ въ народномъ просвѣщеніи», такъ какъ она посвящена вопросамъ образованія какъ писшаго, такъ и средняго и въ свое время обратила вниманіе всей читающей публики; входить же въ полемику по вопросу о преимуществѣ того или другаго направленія въ среднемъ образованіи мы не станемъ, такъ какъ редакція съ своей стороны уже высказалась по этому предмету, да къ тому же теперь и не время, потому что проэкты министерства, касающіеся гимназій, какъ извѣстно, уже утверждены.

Отечественныя Записки за разсматриваемый нами періодъ не представляютъ ни одной педагогической статьи; но соотношеніе, существующее между статьею „Наука психическихъ явленій и ихъ философія" (H. Taine: De l'intelligence) и областью, которая служитъ предметомъ настоящаго обозрѣнія, заставляетъ насъ не пройти ее молчаніемъ. Статья эта посвящена разбору книги Тэна, заглавіе которой приведено нами выше, и въ значительной степени состоитъ изъ перевода отрывковъ изъ этой книги. Новая книга Тэна, говоритъ неизвѣстный авторъ (статья не подписана), носитъ заглавіе „Объ умѣ". Въ ней Тэнъ, съ своей обычной проницательностью, понялъ ширину задачи, которая поставлена нашимъ временемъ ученому, принимающемуся за вопросы о процессахъ мысли. Онъ не испугался этой ширины. Человѣкъ развитія преимущественно литературнаго и историческаго, онъ ознакомился съ результатами физіологіи нервной системы такъ, что читатель, въ его произведеніи, можетъ быть, яснѣе поймете и лучше усвоитъ эти результаты, чѣмъ въ трудахъ спеціалистовъ. Давнишнее и близкое знакомство съ англійскою литературою, особенно же съ трудами Милля, позволило Тэну внести въ свое построеніе выводы теоріи научнаго мышленія и даже пополнить ихъ вѣрными критическими взглядами. Но Тэнъ сохранилъ и симпатіи къ широкимъ связнымъ представленіямъ нѣмецкихъ теоретиковъ. Для него задача феноменологіи духа, какъ однаго цѣлаго, не есть вовсе задача внѣ—научная и онъ заканчиваетъ свое произведеніе словами, въ которыхъ попытка Гегеля построить реальный міръ, какъ частный случай міра мыслимаго, признается попыткою законною. Изъ предыдущаго ясно, что книга Тэна принадлежитъ и наукѣ мысли и философіи. Это—сводъ результатовъ научныхъ изслѣдованій о процессѣ умственныхъ явленій и, въ то же время это — попытка построить въ одно цѣлое полученные результаты, такъ, чтобы мы имѣли о нихъ не только ясное понятіе (чѣмъ ограничивается наука), но и цѣльное представленіе объ ихъ единствѣ. Весь трудъ распадается на двѣ части: элементы знанія; различные роды знанія. Первая часть начинается съ конечныхъ результатовъ умственнаго процесса, съ общихъ понятій, и отъ нихъ восходитъ къ пред-

ставленіямъ, къ ощущеніямъ, къ физическимъ условіямъ техническихъ процессовъ. Вторая часть разбираетъ сначала общій механизмъ познанія, потомъ переходитъ къ результатамъ познанія тѣлъ, познанія духа и познанія общихъ понятій». Далѣе слѣдуетъ весьма интересная характеристика трудовъ, этого щеголяющаго манерой писателя, составленная на основаніи отзывовъ критиковъ, хорошо знакомыхъ съ дѣятельностью Тэна. «Эту книгу, говоритъ авторъ въ заключеніи своей статьи, какъ по внутреннему ея достоинству, такъ особенно по искуству изложенія, можно смѣло рекомендовать читателямъ, интересующимся вопросами науки мышленія». Не будучи знакомы съ книгою Тэна, но прочтя лишь многочисленныя выписки, приведенныя авторомъ, мы пришли къ тому же заключенію и вполнѣ сочувствуемъ его желанію, чтобы переводъ этой книги въ скорѣйшемъ времени появился у насъ.

Проекты Министерства Народнаго Просвѣщенія о преобразованіяхъ курса въ гимназіяхъ встрѣтили, какъ извѣстно, возраженія со стороны большинства органовъ нашей прессы; завязалась жаркая полемика между защитниками реальнаго и классическаго образованія. Мы указали въ свое время (№ 4) на эту полемику и не можемъ здѣсь не повторить сожалѣнія о томъ, что страстныя отношенія къ этимъ вопросамъ много мѣшали разсудочнымъ способностямъ уяснить это дѣло. «Русскій Вѣстникъ», горячо отстаивавшій классицизмъ, съ азартомъ, перешедшимъ въ личности, нападалъ на сторонниковъ реальнаго направленія нашего средняго образованія. Таковъ характеръ статей: «О нашемъ классическомъ образованіи». Θ. V. и особенно «Митральеза въ войнѣ за реальное образованіе» Русскаго Гражданина, помѣщенныхъ въ апрѣльской книжкѣ Р. В. Первая изъ нихъ написанная въ серьезномъ духѣ, стремится доказать, что классическая гимназія есть та школа, которую долженъ пройти всякій, желающій получить за тѣмъ университетское образованіе, вторая— чисто полемическая, написана по поводу статьи: «Наканунѣ реформы въ народномъ просвѣщеніи» (Вѣстника Европы № 4) и замѣчательна остроуміемъ, только никакъ не аттическимъ. Утвержденіе проэктовъ о преобразованіи гимназій состоялось, борьба прекратилась, такъ что теперь разборъ этихъ статей не представляетъ уже интереса; они интересны только для изученія нашего времени и мнѣній общества горячо относящагося къ народному образованію. Пора бы намъ серьезно подумать объ этомъ дѣлѣ, потому что, продолжаемъ словами статьи Θ. V., „если искренно думаемъ мы поднять уровень университетовъ и гимназій, если желаемъ войти въ семью цивилизованныхъ народовъ, если хотимъ пользоваться ихъ уваженіемъ, а не быть для нихъ предметомъ отвращенія, если желаемъ достигнуть матерьяльнаго развитія и богатствъ, избѣжать банкротства, быть мощными въ политическомъ отношеніи и въ то же время значительно облегчить себѣ военныя тяжести, если желаемъ сплоченія всѣхъ частей государства самою прочною, то есть живою, внутреннею, духовною связью, словомъ, если хотимъ обезпечить за собой будущность, если мы преданы своей отчизнѣ и желаемъ ей блага и чести, мы должны обратить все вниманіе на всестороннее народное образованіе. Нѣтъ расхода болѣе производительнаго и болѣе необходимаго. Должно спѣшить; каждый утерянный день дорого стоитъ«.

Необходимо проникнуться убѣжденіемъ въ необходимости образованія для народа, которому, рядомъ реформъ настоящаго царствованія, предоставлено судить и заботиться о своихъ экономическихъ интересахъ. Дальнѣйшее развитіе этихъ реформъ (съ временемъ все развивается) потребуетъ еще болѣе его образо-

ванія, а откуда оно возмется, если мы будемъ на него также скупы, какъ прежде. Намъ часто придется возвращаться къ этому вопросу по его неотложности, потому что, не смотря на общее убѣжденіе въ необходимости образованія для темныхъ народныхъ массъ, для него слишкомъ мало дѣлается. Невѣжество нашего народа является препятствіемъ къ проведенію ихъ въ жизнь, безъ чего они перестаютъ имѣть то значеніе, которое придано имъ законодателемъ; оно помѣшаетъ намъ идти по предначертанному пути и заставитъ еще болѣе отстать отъ народовъ западной Европы, которыхъ мы начали было догонять.

Первыя четыре книжки «Дѣла» не богаты педагогическими статьями; но тѣмъ не менѣе, двѣ статьи Н. Флеровскаго заслуживаютъ полнаго вниманія, хотя авторъ, посвящая слишкомъ значительную часть своего труда описанію фактовъ, приводимыхъ имъ какъ примѣры, тѣмъ самымъ ослабляетъ ясность логическаго развитія своей мысли. Приводимые имъ факты, конечно, интересны и они, изложенные съ такой подробностью, съ какой онъ ихъ приводитъ, могли бы служить матерьяломъ для другихъ, также весьма полезныхъ бесѣдъ съ читателями. Трудъ его представлялъ бы болѣе интереса, еслибъ онъ изложилъ рядъ фактовъ, объяснилъ бы причины ихъ создавшія и затѣмъ уже сдѣлалъ выводъ, который былъ бы тѣмъ неотразимѣе, чѣмъ большее количество фактовъ было бы приведено и чѣмъ они многознаменательнѣе.

Въ февральской книжкѣ помѣщена его статья «Не лучше-ли молчать по этому вопросу?» Вопросъ этотъ — вліяніе духовенства на школы — представляетъ огромный интересъ въ западной Европѣ, гдѣ до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ идетъ жаркая борьба за отдѣленіе народнаго обученія отъ церкви. У насъ, волею предусмотрительнаго Петра I, вопросъ этотъ давно рѣшенъ и силою вещей не можетъ быть снова выдвинутъ.

Авторъ, говоря о воинственномъ энтузіазмѣ, пробудившемся въ нашемъ обществѣ по поводу успѣховъ прусскаго оружія въ послѣднюю войну и заставившемъ обратить вниманіе на образованіе народныхъ массъ, такъ какъ говорили, что прусскій школьный учитель былъ причиною военныхъ успѣховъ, желаетъ предупредить тѣ ошибки, которыя неизбѣжны, если мы наши школы подчинимъ вліянію духовенства. Въ западной Европѣ духовенство употребляетъ всѣ чистыя и нечистыя средства, чтобы удержать за собою возможно-большій авторитетъ въ контролѣ и направленіи народнаго образованія. Въ этомъ его личный и сословный интересъ... Являясь начальникомъ школы, священникъ подчиняетъ себѣ учителя. Авторъ полагаетъ, что такое положеніе дѣла народнаго образованія не только не способно воспитать молодое поколѣніе въ религіозныхъ правилахъ, но, напротивъ, по характеру нетерпимости сильнаго духовенства, мѣшаетъ мирному развитію. «Въ Америкѣ мы можемъ противупоставить другъ другу Соединенные Штаты и цѣлый рядъ испано-индѣйскихъ республикъ; въ Соединенныхъ Штатахъ мы видимъ полное устраненіе вліянія духовенства на школу, а въ испано-индѣйскихъ республикахъ точно такое-же полное господство духовенства надъ школою; въ первыхъ, правильное и относительно мирное развитіе, высокій уровень образованія, а въ послѣднихъ, постоянная анархія и глубокое невѣжество. Мнѣніе, что вліяніе духовенства на школу способствовало и можетъ способствовать мирному развитію въ государствѣ—самая фатальная ошибка, которая подрывается въ своихъ основахъ, даже психологическимъ анализомъ». Духовенство западной Европы во вліяніи чрезъ воспитаніе видѣло всегда самое надежное средство для удержанія своего авторитета; средство это служило ему также для эксплуатированія массы и это

было тѣмъ легче, что школы, находившіяся въ его рукахъ вовсе не заботились объ развитіи учениковъ, а имѣли въ виду только дать имъ извѣстный закалъ. Такимъ образомъ обученіе было фарисействомъ, наглядным примѣромъ чего можетъ служить положеніе народнаго образованія во Франціи при Людовикѣ Филиппѣ. Одна изъ задачъ обученія религіи заключается въ развитіи въ дѣтяхъ любви къ ближнимъ, въ признаніи человѣческаго достоинства во всякомъ человѣкѣ, какъ бы низко онъ ни стоялъ. На сколько достиженіе этой цѣли согласуется съ тѣми результатами, которыхъ достигали западно-европейскія школы, находившіяся въ подчиненіи духовенства, объ этомъ предоставляемъ судить по фактамъ. Къ счастью мы слѣдовали съ Петра иной политикѣ; ей «мы обязаны тѣмъ, что изъ варварскаго, полудикаго народа, мы сдѣлались просвѣщенными и заняли такое значительное мѣсто въ европейской жизни. Отказаться отъ нея, увлечься западно-европейскими заблужденіями,— это значило бы отказаться отъ своей прошлой славы, отречься отъ своего призванія. Пусть же избавитъ насъ отъ этого здравое чутье русскаго народа, пусть же наша школа не знаетъ надъ собою никакой другой власти, никакого другаго вліянія, кромѣ свѣтскаго». Интересны въ статьѣ Флеровскаго также сопоставленія статистическихъ данныхъ; въ началѣ статьи онъ говоритъ, что въ Пруссіи приходится одинъ ученикъ на 6,2 жителя, у насъ—одинъ на 60,5 человѣкъ; но и это только номинально, на самомъ же дѣлѣ, обучается едва половина и при этомъ мы тратимъ до странности незначительныя суммы на народное образованіе, такъ по ассигновкѣ отъ земства и города назначено на 1871 г. на расходы по народному образованію въ Петербургѣ и Петербургской губерніи 43,240 р. 67 к. при бюджетѣ въ 3,990,125 р. 93 к.; городъ же тратитъ 27,864 р. 27 к., т. е. 0,79%. Цифры эти говорятъ сами за себя.

Въ 3-мъ нумерѣ «Дѣла», напечатана статья Флеровскаго же «Право на воспитаніе и обученіе», въ которой онъ ставитъ вопросъ: существуетъ-ли у государства обязанность воспитывать и обучать дѣтей, а слѣдовательно и право облагать съ этою цѣлью податями и какъ далеко простирается это право? Авторъ находитъ, что требовать, чтобы человѣкъ воспитывалъ нѣсколько человѣкъ дѣтей исключительно на свои средства, когда этимъ самымъ ему создаютъ на рынкѣ конкурентовъ, равныхъ ему по силѣ и способностямъ, которые находятся въ относительно лучшемъ экономическомъ положеніи, составляетъ вопіющую несправедливость. Заключеніе, къ которому онъ приходитъ, совершенно обратно: дѣти имѣютъ полное право получать образованіе на счетъ общества и государства. «Это право порождаетъ для государства обязанность, а обязанность государства — право облагать съ этою цѣлью податью. Мало этого, мы видимъ отсюда, какой характеръ должна носить подобная подать. Для родителей отсутствіе возможности воспитывать и обучать своихъ дѣтей прямо вытекаетъ изъ того, что конкуренція малосемейныхъ и безсемейныхъ понижаетъ ихъ заработную плату; происходящее отъ этого пониженіе заработной платы, конечно, неблагопріятно дѣйствуетъ на самое благосостояніе и слѣдовательно, умственное развитіе низшихъ классовъ. Отсюда прямо слѣдуетъ, что подать въ пользу народнаго образованія и подрастающаго поколѣнія, должна существенно отличаться отъ другихъ податей, она должна, если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, преимущественно падать на высшіе и имущіе классы».

Какъ нравственныя начала, такъ самая выгода имущихъ классовъ не могутъ допускать, чтобы въ государствѣ развивались элементы враждебные его

существованію; при предоставленіи же полнаго произвола бѣднякамъ размножать невѣждъ, является опасность для государства, какъ политическаго организма, а также и для отдѣльныхъ лицъ, имущественный достатокъ которыхъ, повидимому, обезпечиваетъ ихъ отъ многихъ опасностей. Самыя либеральныя мѣры разбиваются о народное невѣжество, которое, питаясь суевѣріемъ и баснями, производитъ смуты и влечетъ за собою матерьяльные недостатки. Всеобщая подача голосовъ, учрежденіе въ высшей степени либеральное, показало во Франціи, къ чему оно можетъ привести при невѣжествѣ народа. Невѣжество въ соединеніи съ бѣдностью порождаетъ и способствуетъ развитію эпидемій, отъ которыхъ также страдаютъ и имущіе классы, никакъ не могущіе понять, что собственная ихъ выгода заключается въ поднятіи какъ умственнаго, такъ экономическаго уровня народа, въ средѣ котораго они живутъ.

Узкій эгоизмъ, непониманіе своихъ собственныхъ интересовъ заставляетъ искать выхода изъ этого положенія иными путями, или — предоставлять все времени, какъ будто одно время можетъ что нибудь сдѣлать. Бездушная формула «Laissez faire, laissez aller», созданная услужливыми экономистами, къ дѣлу рѣшительно не приложима. Только дружныя усилія всего общества могутъ создать народное образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ повліять на улучшеніе экономическаго положенія. Мы не ставимъ здѣсь вопроса: что прежде? Народное образованіе или народное благосостояніе? Этотъ вопросъ уже рѣшенъ. Усилія благомыслящей части общества должны быть направлены какъ на то такъ и на другое; развитіе экономическое способствуетъ развитію образованія, но народъ не можетъ сдѣлаться богатымъ, пока не познакомится съ тѣми средствами, при помощи которыхъ онъ можетъ пользоваться всѣмъ, что предоставляется въ его распоряженіе природою страны. Интересъ каждаго заставляетъ желать образованія и благосостоянія для всѣхъ. Такое пониманіе собственныхъ интересовъ побудитъ каждаго содѣйствовать просвѣщенію невѣжественной массы. Признавъ это положеніе, мы недалеки уже отъ вывода, къ которому пришелъ Флеровскій. При всеобщемъ содѣйствіи въ просвѣщеніи дѣтей бѣдныхъ, не могущихъ на свой скудный заработокъ воспитать дѣтей, каждый, сообразно своему достатку, предоставляетъ на это дѣло необходимыя матерьяльныя средства.

Естественный порядокъ вещей заставляетъ придти къ этому выводу. Богъ знаетъ, къ чему приведетъ наша цивилизація, если мы не подумаемъ серьезно объ образованіи народа, который, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше остается позади образованныхъ людей, такъ, что со временемъ связь эта, дающая крѣпость и силу государственному организму, можетъ окончательно порваться.

Вотъ какія мысли возбуждаетъ статья Флеровскаго и въ этомъ ея достоинство. Недостатки ея заключаются въ нѣкоторой растянутости и, происходящей оттого, неясности въ изложеніи, что и должно мѣшать ей вполнѣ достигать тѣхъ цѣлей, которыя авторъ, повидимому, имѣлъ въ виду.

Въ четвертомъ номерѣ «Дѣла» не встрѣчается ни одной педагогической или вообще прямо касающейся образованія статьи, такъ что этимъ мы оканчиваемъ нашъ обзоръ этого журнала за первую треть текущаго года.

Журналы «*Заря*» и «*Знаніе*» не заключаютъ ни одной педагогической или относящейся къ народному образованію статьи, почему мы переходимъ теперь къ обзору офиціальныхъ органовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній.

Въ первой книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* помѣщена весьма интересная статья С. И. Миропольскаго «Идея воспитывающаго обученія въ примѣненіи къ народной школѣ».

Читатели Семьи и Школы знакомы съ содержаніемъ этой статьи (№ 2 кн. 2). Будемъ надѣяться, вмѣстѣ съ г. Миропольскимъ, что торжество истины, свѣта и разума не столь далеко, какъ многіе думаютъ; слѣдуетъ проникнуться принципомъ, что задача раціональной школы—воспитать человѣка и обученіе является однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ воспитанія, тѣмъ болѣе удобнымъ, что оно даетъ массу свѣдѣній, часто непосредственно пригодныхъ къ жизни. Общечеловѣческое образованіе, говоритъ Песталоцци въ сочиненіи, напечатанномъ имъ въ 1780 г. въ «Эфемеридахъ», подъ заглавіемъ: «Вечерній часъ отшельника», должно быть основою для образованія, нужнаго тому или другому сословію. Это великое начало, провозглашенное великимъ педагогомъ въ трудныя минуты его жизни, легло въ основу его послѣдующей педагогической дѣятельности и перевернуло всю систему обученія. Школа на всѣхъ ступеняхъ ея развитія, должна неуклонно слѣдовать этому началу, ибо цѣль ея, какъ бы ни были скудны ея средства, образовать человѣка, а не достигать одной «выучки», о которой говоритъ въ своей статьѣ Миропольскій. Только сознаніе этого начала и слѣдованіе ему на дѣлѣ даетъ право обучающему называть себя педагогомъ, — даетъ ему силу и средства привлечь къ себѣ ученика и заставить полюбить истину, которая съ образованіемъ все болѣе и болѣе предъ нимъ развертывается. Задавшись такою цѣлью, учитель съ наслажденіемъ будетъ слѣдить за развитіемъ своего питомца, за расширеніемъ его умственнаго кругозора и привяжется къ этому дѣлу всею силою своей души. Только эта любовь къ живому существу, къ развитію его даетъ педагогу энергію, необходимую въ его дѣятельности, усладитъ его часто кропотливый трудъ. Это убѣжденіе въ пользѣ такого сознанія, въ его необходимости и заставляетъ насъ отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ труду г. Миропольскаго и рекомендовать его статью всякому, кто хотя сколько нибудь интересуется педагогическими вопросами.

Первая книжка журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія богата статьями, представляющими интересъ, какъ для педагога, такъ и вообще для всѣхъ интересующихся вопросами образованія: кромѣ разсмотрѣнной статьи С. Миропольскаго, напечатаны статьи М. Погодина и В. Глаголевскаго. Трудъ Погодина «Образованіе и грамотность въ древнемъ періодѣ русской исторіи» представляетъ интересъ, главнымъ образомъ, для занимающихся историческими вопросами; статья же В. Глаголевскаго «Значеніе воспитателя въ гимназіи и его задача» имѣетъ интересъ чисто педагогическій. Авторъ*), справедливо указывая, что воспитанники гимназіи бо́льшую часть времени проводятъ внѣ школы, въ своихъ семьяхъ, приходитъ къ заключенію, что «за развитіе характера, за развитіе тѣхъ или другихъ привычекъ въ воспитанникѣ гораздо болѣе должна отвѣчать семья, нежели школа, такъ какъ то и другое непосредственно вырабатывается прямо, если не вполнѣ, то въ значительно преобладающей степени, подъ семейнымъ вліяніемъ». Нѣсколько далѣе авторъ говоритъ: «Но принимая на себя по преимуществу заботы по учебному образованію дѣтей, открытое учебное заведеніе не устраняетъ себя однако же совершенно и не можетъ устранить заботъ о воспитаніи ихъ». Еще бы устраняло!

*) См. Семья и Школа № 2, кн. 2, стр. 130.

Мы полагаемъ, что такая школа, какою является наша гимназія, должна не только не устранять себя *совершенно* отъ заботъ о воспитаніи, но напротивъ, въ ученіи видѣть сильнѣйшее воспитательное средство, благодаря которому она можетъ развить человѣка и надѣлить его необходимыми свѣдѣніями.

Поддержаніе порядка въ школѣ требуетъ извѣстныхъ и часто весьма значительныхъ ограниченій воли каждаго ученика, требуетъ того, что принято называть школьной дисциплиной? Дисциплина эта, подавляющая въ извѣстной степени свободное развитіе личности воспитанника и вытекающая изъ самыхъ условій школьной жизни, должна быть вводима весьма осторожно; она является необходимостью, а вовсе не желательнымъ средствомъ воспитанія. Порядки школы должны возможно меньше отличаться отъ условій жизни въ средѣ семейной; они не зависятъ отъ того, на сколько *высоко*, какъ говоритъ авторъ, дѣло, которому они служатъ, а только отъ массы учениковъ и ея разнородности. Цѣль обученія нисколько не находится въ зависимости отъ того, на сколько строга дисциплина школы; строгость эта обусловливается, какъ мы уже сказали, качественнымъ и количественнымъ составомъ учениковъ. «Въ силу того уже, что воспитанники учебнаго заведенія ежедневно сходятся въ опредѣленное время, для извѣстной цѣли въ общую массу, они должны подчиняться извѣстнымъ общимъ требованіямъ своей новой, временной среды, которая представляетъ уже значительное отличіе отъ условій жизни въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ. Есть условія въ семейной жизни, которыя, не заключая сами въ себѣ ничего укоризненнаго, тѣмъ не менѣе, не могутъ быть терпимы въ средѣ школьной жизни, гдѣ существуютъ свои необходимые порядки. Здѣсь-то и начинается для ученика воспитаніе общественное; оно не находится въ разладѣ съ воспитаніемъ семейнымъ, но служитъ только его продолженіемъ, и къ питомцу доброй среды семейной требованія школьной жизни легко привьются; напротивъ, навыки мальчика избалованнаго или же нравственно испорченнаго. вызываютъ воспитателя на борьбу, и нерѣдко борьбу упорную». Признаніе того, что школьная среда представляетъ уже значительное отличіе отъ условій семейной жизни и должно привести къ мысли, что строгость дисциплины не должна сразу обрушиваться на голову ребенка, который, не видя ничего дурнаго въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ, никакъ не можетъ сразу подчиниться новымъ, часто непонятнымъ для него требованіямъ. Разладъ тутъ существуетъ; онъ будетъ ощущаемъ ребенкомъ, если только онъ не забитъ въ семьѣ и тѣмъ не развиты въ немъ чисто пассивныя стороны характера. Всякое правило, исполненіе котораго требуется отъ учениковъ, должно быть по возможности имъ объяснено; пониманіе необходимости такихъ правилъ, если и не остановитъ всегда, то, во всякомъ случаѣ, требованіе исполненія ихъ не будетъ казаться дикимъ ученику, привыкшему дома дѣлать многое изъ того, что въ школѣ ему запрещаютъ. Воспитателю въ открытомъ учебномъ заведеніи, о которомъ идетъ рѣчь, приходится имѣть дѣло съ учениками, главнымъ образомъ въ промежуткахъ между уроками: это есть время отдыха, когда естественно дѣти, просидѣвшія часъ во время урока, начинаютъ бѣгать и возиться. Авторъ, допуская, что послѣ часоваго урока сидячее положеніе должно смѣниться движеніемъ, замѣчаетъ: «Всему этому должна быть мѣра; для законнаго отдыха должны быть законные предѣлы: шумъ не долженъ переходить въ гамъ; движеніе — въ толкотню и бѣганье; ради развлеченія не можетъ быть допущена безобразная возня, не всегда при томъ безопасная; однимъ словомъ, удаль и отвага въ разнохарак-

терной по семейному воспитанію массѣ не должны переходить извѣстныхъ границъ, тѣмъ менѣе, доходить до драки или переходить въ грубые пріемы уличныхъ забавъ». Мѣра всему, конечно, должна быть; но вопросъ въ томъ, въ какой мѣрѣ могутъ быть допущены шумъ, драка и т. п.? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно сперва оговорить, что поступки, причиняющіе вредъ кому бы то ни было, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть допускаемы воспитателемъ; затѣмъ всѣ другіе могутъ быть допущены на столько, на сколько это обусловливается условіями самой школы. Необходимость въ движеніи, столь сильно ощущаемая дѣтьми вслѣдствіе состоянія ихъ организма (см. изложеніе содержанія статьи «О воспитаніи» Мечникова), а также вызываемая долгимъ сидѣніемъ за уроками, должна быть абсолютно признана, почему намъ весьма страннымъ кажется желаніе г. Глаголевскаго, чтобы движеніе не переходило въ бѣганье. Не бѣда, если, бѣгая, дѣти и столкнутся. Нельзя же требовать отъ нихъ, какъ это часто бываетъ въ женскихъ пансіонахъ, чтобы они только ходили. Побѣгавъ, ученикъ спокойнѣе будетъ сидѣть въ классѣ, его не будетъ томить зудъ, ощущаемый послѣ долгаго сидѣнья. Какъ же сдерживать эту почувствовавшую себя на свободѣ массу, которая съ послѣднимъ звукомъ звонка сознала за собою данное ей право на шумъ и движеніе, и сама по себѣ не умѣетъ попять дозволенныхъ ей предѣловъ для того и другаго, или какъ слѣдить за разсѣянными повсюду воспитанниками? вопросъ, который ставитъ авторъ. «Средства, говоритъ онъ, которыя употреблялись обыкновенно надзирателями и гувернерами, состояли въ громкомъ, останавливающемъ голосѣ, во внѣшней расторопности, въ грубыхъ приказаніяхъ стать у стѣны, стать на колѣни, въ рѣзкомъ замѣчаніи въ предѣлахъ предоставленной имъ власти, въ угрозахъ, взысканіяхъ или въ жалобѣ къ начальству» и, добавимъ отъ себя, подчасъ въ болѣе энергическихъ дѣйствіяхъ, хотя и неодобрявшихся публично, но употреблявшихся съ извѣстнымъ успѣхомъ. Теперь, въ виду другихъ требованій, въ гимназіяхъ надзиратели замѣнены воспитателями, которые своимъ личнымъ вліяніемъ, убѣжденіями и увѣщаніями должны достигать воспитательныхъ цѣлей. «Совершенно устранить мысль о взысканіяхъ и наказаніяхъ, конечно, нѣтъ возможности; но обходиться безъ нихъ, какъ можно чаще, есть и возможность, и слѣдовательно, долгъ воспитателя; въ этомъ-то и заключается высокое значеніе его поста: воспитатель долженъ стать въ уровень съ требованіями, лежащими въ идеѣ учрежденія его должности». Такъ отвѣчаетъ авторъ на поставленный имъ вопросъ и затѣмъ для того, чтобы показать, насколько это выполнимо, приводитъ нѣсколько примѣровъ разбирательства проступковъ единичныхъ и коллективныхъ, гдѣ воспитатель, дѣйствуя съ тактомъ, достигаетъ своей цѣли, не прибѣгая къ наказаніямъ. «Само собою разумѣется, что для этого нужна въ воспитателѣ искреняя любовь къ дѣтямъ, высокая нравственность въ немъ самомъ и живо развитое, тонкое чувство гуманности. Дѣйствуя на такихъ началахъ, вы внесете въ исполненіе своей должности полную справедливость и безпристрастіе, вы будете любимы дѣтьми и въ десяткахъ, сотняхъ случаевъ обойдетесь безъ взысканій, безъ наказаній».

Исходя изъ того, что воспитатель долженъ, въ предоставленной ему возможности, воспитывать, мы находимъ въ особенности полезными бесѣды его съ учениками, о которыхъ говоритъ авторъ статьи, но которымъ не придаетъ точно опредѣленнаго значенія. Недостаточно только принимать тѣ или другія мѣры, относительно проступковъ ученниковъ; необходимо сблизиться съ

ними, освѣщать должнымъ образомъ различныя явленія ихъ занимающія, подчасъ обращать ихъ вниманіе на ту или другую сторону факта. Такія бесѣды будутъ имѣть весьма сильное активное значеніе; они будутъ служить къ развитію учениковъ. Поведеніе самаго воспитателя и всѣхъ членовъ коллегіи должно быть безупречнымъ; это необходимо для созданія правильныхъ отношеній педагоговъ къ ихъ питомцамъ и будетъ служить живымъ примѣромъ, безъ котораго не будутъ имѣть значенія никакія бесѣды. Воспитанники должны видѣть въ воспитателяхъ прежде всего хорошихъ людей; только это убѣжденіе придастъ должное значеніе и увѣщаніямъ, и предъявляемымъ имъ требованіямъ. Ребенокъ не можетъ раздвоять своихъ взглядовъ въ семьѣ и въ школѣ; тутъ и тамъ онъ уважаетъ тѣхъ, кто успѣлъ ему внушить это уваженіе своими поступками. Взглядъ же на членовъ коллегіи, какъ на начальство, способенъ только служить къ подчиненію ихъ волѣ, но воспитательнаго значенія имѣть не будетъ.

Разсматривая дѣятельность воспитателя внѣ гимназіи, авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Воспитатель можетъ быть полуофиціальнымъ лицомъ даже въ театрѣ, присутствуя здѣсь или по собственному побужденію, въ силу своей должности, или по предложенію директора; вообще вездѣ гимназистъ долженъ вести себя благородно и вѣжливо, *не марая имени того заведенія, котораго мундиръ онъ носитъ.* Для того, чтобы воспитатель могъ вліять на того или другаго ученика путемъ убѣжденія, онъ долженъ быть знакомъ съ нѣкоторыми условіями частной жизни ученика. Не достаточно для воспитателя знать одно сословное происхожденіе его; онъ долженъ быть хотя нѣсколько знакомъ съ свойствомъ окружающей ученика среды». Прежде всего, согласно уже нами высказанному, мы полагаемъ, что воспитатель, возможно сближаясь съ учениками, долженъ пользоваться всякимъ случаемъ оказать вліяніе на ученика, причемъ ему нѣтъ надобности разыгрывать ни офиціальнаго, ни полуофиціальнаго лица. Желательно безъ сомнѣнія, чтобы питомецъ школы велъ себя вездѣ хорошо, ибо школа воспитываетъ не для школы, а для жизни; но честь имени заведенія или честь мундира, тутъ не при чемъ. Ученикъ долженъ бояться не того, что онъ замараетъ имя заведенія, мундиръ котораго носитъ, а вести себя хорошо въ силу сознанія, что такъ должно; не мундиръ, а нравственное чувство должно имъ руководить. Тогда нечего будетъ бояться, что снявъ этотъ мундиръ, онъ начнетъ безобразничать, тогда какъ имѣя въ виду лишь честь имени заведенія, объ этомъ можно и не безпокоиться. Для того же, чтобы вліять на ученика съ большимъ успѣхомъ, необходимо не только изучить дѣтскую природу и, по возможности, личность воспитанника, но и ту среду, въ которой онъ проводитъ большую часть своего времени. Поэтому желательно, чтобы воспитатели знакомились возможно ближе и полнѣе съ семейной обстановкой дитяти, находящагося на ихъ попеченіи и никакъ не ограничивались справкой о сословномъ его происхожденіи. Замѣчаніе автора, что знакомство съ семейною жизнью учениковъ ведетъ къ установленію связи школы съ семьею совершенно вѣрно. Воспитатель, зная условія домашней жизни ученика, а родители, ознакомившись ближе съ требованіями школы, явятся помощниками другъ друга и чрезъ то дѣло воспитанія только выиграетъ.

Въ заключеніе своей статьи авторъ старается выяснить положеніе воспитателя относительно начальствующихъ и учащей корпораціи гимназій. Говоря о добромъ старомъ времени, когда порядки учебныхъ заведеній поддержива-

лись главнѣйшимъ образомъ наказаніемъ розгами, переходившемъ нерѣдко въ истязанія, авторъ успокоиваетъ читателя тѣмъ, что «старые порядки окончились съ тѣхъ поръ, какъ начальниками учебныхъ заведеній перестали назначаться лица, нисколько не компетентныя въ дѣлѣ воспитанія. Нынѣ повсюду люди университетскаго образованія, независимо отъ своего происхожденія и сословнаго положенія, по закону стали занимать мѣста начальниковъ гимназій и стараются оправдать выборъ начальства трудами и знаніями. Все это даетъ основаніе полагать, что ближайшее гимназическое начальство въ наше время отнесется къ учрежденію новой должности воспитателей вполнѣ серьезно и признаетъ за воспитателемъ извѣстную долю правъ и полномочія, какія необходимы для общаго дѣла, для общаго блага, не боясь никакого ущерба собственной власти, и въ извѣстной степени уполномочитъ воспитателя довѣріемъ и дастъ ему чрезъ то возможность усилить свой авторитетъ». Охотно соглашаемся съ авторомъ, что нынѣ при назначеніи директоровъ гимназій руководствуются ихъ образованіемъ, но вполнѣ все таки не раздѣляемъ оптимистическихъ взглядовъ автора. На нашей памяти, еще очень недавно, происходили вещи, доказывающія, что со старыми порядками мы еще не вполнѣ распростились, хотя они проявляются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Отношенія воспитателя къ преподавателямъ, по мнѣнію автора, должны быть товарищескія; тѣми же товарищескими отношеніями условливается и взаимное содѣйствіе ихъ въ общемъ дѣлѣ. «Если отношенія воспитателей къ преподавателямъ должны быть товарищескія, то тѣмъ болѣе согласія должно быть между самими воспитателями, и хотя каждый изъ нихъ имѣетъ свой отдѣлъ классовъ, но дѣло и официально должно быть поставлено такъ, чтобы значеніе ихъ для учениковъ было одинаковое, и чтобы воспитатель младшихъ классовъ всегда имѣлъ вѣсъ и для старшихъ. Между воспитателями, слѣдовательно, должно быть и единство воззрѣній, и почти дружескія отношенія, по крайней мѣрѣ, возможно болѣе близкія, основанныя на единствѣ интересовъ и цѣли». Воспитатель, которому ввѣряется столь серьезная обязанность, можетъ ее выполнить, «чувствуя въ себѣ богатый запасъ моральныхъ силъ и будучи готовъ посвятить себя всего великому дѣлу». Для этого онъ долженъ, какъ говоритъ авторъ: 1) вызвать и укрѣпить довѣріе къ себѣ въ ученикахъ правотою своихъ дѣйствій; 2) пріобрѣсти моральное вліяніе на воспитанниковъ путемъ убѣжденій, увѣщаній, зная, что искренняя, непритворная слеза виновнаго принесетъ ему пользы больше всякаго ареста; 3) взысканія и наказанія главнѣйшимъ образомъ онъ долженъ поставить на почву стыда; 4) въ болѣе важныхъ проступкахъ, всесторонне разсмотрѣнныхъ, воспитатель призываетъ къ участію власть инспекторскую, вліяніе директора, но по возможности не доводя дѣла до послѣдней мѣры, экстреннаго засѣданія педагогическаго совѣта, въ рѣшеніи котораго заранѣе уже можетъ предвидѣться грустная развязка, окончательный разсчетъ съ ученикомъ. Редакція справедливо замѣчаетъ, что непонятно, почему авторъ усвояетъ совѣту педагоговъ только чисто карательный приговоръ; въ совѣтѣ воспитатель можетъ почерпнуть новые способы и мѣры для исправительнаго вліянія на ученика. Въ предупрежденіе предполагаемыхъ крайнихъ мѣръ, къ которымъ прибѣгнетъ совѣтъ, авторъ рекомендуетъ воспитателю: 5) стремиться къ тому, чтобы на своемъ столь важномъ постѣ заручиться для себя любовью и уваженіемъ въ подчиненной ему массѣ, а не дѣйствовать только силою даруемой ему власти, даруемой вовсе не ради внушенія страха. Наконецъ, послѣднее положеніе:

6) одна изъ главныхъ задачъ воспитателя состоитъ въ томъ, чтобы привить ученикамъ идею необходимости общественныхъ порядковъ; объ этомъ онъ долженъ заботиться всѣми мѣрами и пользоваться къ тому всѣми средствами, и сказаннымъ во время теплымъ, сердечнымъ и мѣткимъ словомъ педагогическаго свойства, и разумно расчитаннымъ разбирательствомъ проступка и т. п.

Изложеніе статьи и самыя положенія показываютъ, что авторъ руководился весьма гуманными воззрѣніями, хотя нѣкоторыя детали представляются намъ и неудовлетворительными; впрочемъ, мы многое уже и оговорили. Статья эта представляетъ довольно полный очеркъ, хотя написана подчасъ не совсѣмъ складнымъ языкомъ, что замѣтно и по приведеннымъ тезисамъ; официальность нѣкоторыхъ выраженій тоже непріятно бьетъ въ глаза, но за всѣмъ тѣмъ статья представляетъ интересъ и рекомендуетъ автора, преподавателя Вологодской гимназіи, какъ весьма гуманнаго педагога.

Въ мартовской и апрѣльской книжкахъ журнала министерства напечатана весьма солидная статья Н. Маркова «Значеніе Сократа, какъ философа-педагога». Статья состоитъ изъ четырехъ главъ: 1) Педагогическій характеръ Сократа; 2) Сократъ какъ иѳологъ; 3) Духъ Сократова метода и 4) Значеніе принциповъ и пріемовъ Сократова обученія, какъ руководительныхъ началъ воспитанія, съ точки зрѣнія современной педагогической науки.

«Историки Сократа, сказано въ вступительныхъ словахъ, смотрятъ на него большею частью какъ на философа-систематика или догматическаго моралиста, благочестиваго противника безнравственныхъ софистовъ. Но въ чемъ заключалась положительная доктрина Сократа—вопросъ, на который ни одинъ историкъ Сократа не дастъ рѣшительнаго отвѣта, по очень простой причинѣ: ничего подобнаго у Сократа не было въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы можемъ говорить о доктринѣ Платона, о системѣ Аристотеля». Обвиненіе Сократа на судѣ, по мнѣнію автора, устанавливаетъ единственно-вѣрную исторически и по сущности дѣла точку зрѣнія, на Сократа, какъ на философа-педагога. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ, онъ ссылается на «Памятныя Записки» Ксенофонта, который говоритъ, что Сократъ имѣлъ въ виду не только обличить порокъ и дать назиданіе, но главнымъ образомъ направлялъ свой безпощадный «эленхосъ» къ тому, чтобы пробудить въ умахъ своихъ слушателей духъ самостоятельнаго изслѣдованія, духъ пытливый въ отношеніи раціональнаго опредѣленія общихъ принциповъ, образованія нравственнаго характера, слѣдовательно, преслѣдовалъ задачу не догматически-морализующую, но аналитически-образовательную: интеллектуальное воспитаніе, культуру духа. Далѣе говоритъ авторъ: эта главная черта физіономіи великаго философа-педагога исключительно и художественно-типически рисуется въ «Разговорахъ» Платона.

Не останавливаясь болѣе на вступленіи, мы постараемся возможно кратко передать содержаніе отдѣльныхъ главъ интересной статьи Н. Маркова, приводя текстъ наиболѣе замѣчательныхъ мѣстъ его статьи.

I. Ограниченіе физическихъ потребностей дало Сократу возможность постепенно пріобрѣсти самообладаніе, спокойное довольство и независимость—качества, входившія въ планъ его разумнаго образованія характера. Сократъ какъ воинъ прекрасно очерченъ у Платона; его выносливость, присутствіе духа и мужество удивляли современниковъ. Какъ гражданинъ Сократъ стоялъ еще выше. Въ примѣръ его неустрашимости и гражданской стойкости авторъ приводитъ два случая изъ его жизни, изъ которыхъ видно, что онъ

одинаково давалъ отпоръ и тиранніи и необуздапности толпы. Какъ человѣкъ Сократъ исполнялъ свои обязанности, избѣгая суевѣрій своихъ соотечественниковъ и дѣлая все, что было возможно, для ихъ нравственнаго вразумленія и просвѣщенія. Очертивъ такимъ образомъ характеръ Сократа, авторъ замѣчаетъ: ихъ педагогическое значеніе еще болѣе возвышается при другихъ болѣе характеристическихъ особенностяхъ личности Сократа. Это — его долгая, безкорыстная и самоотверженная, діалектически-образовательная дѣятельность, проникнутая религіознымъ убѣжденіемъ въ томъ, что дѣло его обученія и воспитанія есть призваніе божественное, религіозное посланничество, которое онъ запечатлѣлъ и увѣнчалъ мученичествомъ. Оставивъ рано отцовское искуство скульптора, Сократъ лучшую, зрѣлую половину своей жизни, до глубокой старости и трагической смерти, посвятилъ всецѣло и исключительно другому, самому благоразумному изъ всѣхъ человѣческихъ искуствъ—искуству воспитанія въ добрѣ юношества, полнаго живыхъ стремленій, посвятилъ себя дѣлу обученія народа особымъ философскимъ методомъ, которое онъ, съ свойственнымъ ему глубокимъ юморомъ, уподоблялъ занятію своей матери Фенареты — повивальной бабки. Замѣчательная, свойственная одному Сократу, особенность въ дѣлѣ обученія состоитъ въ томъ, что онъ никогда не читалъ лекцій, а только разговаривалъ со своими слушателями; не составлялъ систематическихъ руководствъ или книгъ, излагающихъ его ученіе, но постоянно бесѣдовалъ со всѣми. Нельзя также сказать, что онъ имѣлъ свою школу и учениковъ. Подъ именемъ учениковъ Сократа надо разумѣть людей, раздѣлявшихъ его убѣжденія, говорившихъ съ нимъ при всякомъ удобномъ случаѣ и окружавшихъ его всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся; а этими послѣдователями его была вся блестящая молодежъ аѳинская; въ послѣдніе же годы его жизни славное устное обученіе Сократа, подобнаго которому не было нигдѣ во всей Греціи, привлекло къ нему множество молодыхъ слушателей изъ Мегары, Ѳивы, Элиды, Кирены и другихъ городовъ греческихъ. Мы поэтому не можемъ не называть его учителемъ, хотя самъ онъ всячески отклонялъ отъ себя это названіе, говоря, что его дѣло не учить, а только разговаривать; но въ этомъ-то діалектическомъ собесѣдованіи и заключается величайшее педагогическое значеніе метода Сократа, который не имѣетъ себѣ равнаго во всей исторіи человѣческаго воспитанія и культуры ума». Для наглядпаго представленія этихъ бесѣдъ, авторъ приводитъ изъ Ксенофонта одинъ изъ такихъ разговоровъ. Эти разговоры, представлявшіе діалектическія изслѣдованія, затрогивали всѣ вопросы, касающіеся человѣка и основныхъ нравственныхъ принциповъ. «Сократъ, приводитъ авторъ слова Ксенофонта, постоянно бесѣдовалъ о вещахъ человѣческихъ, изслѣдуя что такое благочестіе и безбожіе, что честно и что безчестно, что такое правда и что есть несправедливость, что есть мужество и что такое трусость, что такое знаніе и что есть неразуміе, какой нуженъ характеръ, чтобы быть полезнымъ людямъ и имѣть авторитетъ надъ другими. Сократъ считалъ необходимымъ сходиться и толковать вмѣстѣ, чтобы знать, что такое каждая вещь на самомъ дѣлѣ». Сократъ открыто высказывалъ убѣжденіе въ религіозномъ освященіи своего учительскаго призванія; онъ «былъ человѣкъ глубоко религіозный и притомъ былъ желчно-меланхолическаго темперамента, которымъ во всѣ времена отличались люди необыкновенно-религіозные и способные къ такимъ восторгамъ духа, которые естественно могутъ быть принимаемы за непосредственныя внушенія божества». Изрѣченіе, написанное на

Дельфійскомъ храмѣ «познай самого себя» было священно для Сократа; оно служило постоянною темою его бесѣдъ и было толкуемо между прочимъ такъ: «познай, какого рода ты человѣкъ и какую пользу человѣчеству могутъ принести твои способности, познай свое незнаніе прежде всего, дабы твой умъ былъ свободенъ отъ главнаго заблужденія и самообольщенія, обмана въ знаніи безъ знанія на самомъ дѣлѣ, которое помрачаетъ способности и мѣшаетъ людямъ быть истинно мудрымъ, т. е., стремиться къ знанію дѣйствительному». Убѣжденіе въ святости своего дѣла возбуждало въ Сократѣ умственную энергію и стремленіе къ нравственному воспитанію его слушателей, что, при необыкновенной педагогической силѣ ума и характера, осуществилось столь величественнымъ, несравненнымъ образомъ. Сократъ былъ, по выраженію Платона, приведеннаго авторомъ изъ книги Грота (v. VIII), «обличающій и убѣждающій богъ, сошедшій съ неба на землю для того, чтобъ испытывать и убѣждать не твердыхъ по уму людей». Обвиненіе Сократа въ развращеніи юношества, въ томъ, что молодые люди, съ которыми онъ бесѣдовалъ, приносили съ собою новыя идеи и воззрѣнія, которыя естественно не могли нравиться ихъ родителямъ, жившимъ по обычаямъ добраго стараго времени, разумность и чистота которыхъ имѣли за себя одно безсознательное преданіе и безотчетную привычку, имѣетъ особую важность въ глазахъ автора; онъ замѣчаетъ, что «очень немногіе наставники могли бы избѣжать осужденія, если бы приговоры противъ нихъ составлялись на основаніи подобныхъ доказательствъ (ранѣе авторомъ приведены доводы обвинителей Сократа, утверждавшихъ, что онъ преподаетъ деморазирующее ученіе). Сознаемся, что не безъ намѣренія и съ грустнымъ чувствомъ мы коснулись подробностей обвиненія Сократа въ развращеніи юношества—обвиненія, которое почти буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ и нынѣ часто поднимается противъ людей, самоотверженно преданныхъ дѣлу разумнаго воспитанія, и изъ-за котораго невѣжество боролось и теперь борется съ наукой, мыслью и нравственно-свободнымъ убѣжденіемъ. «Вездѣ, какъ прекрасно сказалъ Гейне, вездѣ, гдѣ только великая душа выразитъ истину, бываетъ также и ея Голгоѳа». Эти слова ни къ кому такъ не могутъ быть приложимы, какъ къ Сократу.

Сократъ, представъ предъ судилище, не сталъ выпрашивать себѣ снисхожденія, онъ не чувствовалъ себя виновнымъ и не оправдывался, онъ сказалъ своимъ судьямъ: «Вамъ, можетъ быть, не нравится тонъ моей рѣчи; вы, можетъ быть ожидали, что я буду дѣлать то, что сдѣлала бы большая часть обвиненныхъ, которые, однакожь, были въ меньшей опасности, чѣмъ я теперь,—что я буду просить, умолять пощадить мою жизнь.... Не говоря уже о моей собственной репутаціи лучшаго между вами (заслуженной или незаслуженной, какъ угодно, но для которой я считаю унизительнымъ такой образъ защиты), я былъ бы виновенъ, если бы пытался своими мольбами преклонить васъ на свою сторону. Моя обязанность учить и убѣждать васъ, сколько возможно: «вы клялись слѣдовать законамъ, высказывая ваше убѣжденіе, и не гнуть законовъ туда, куда клонится ваше пристрастіе, и вашъ долгъ выполнить это. Да будетъ далеко отъ меня намѣреніе пріучать васъ къ клятвопреступленію! Да будетъ далеко отъ васъ желаніе пріобрѣтать такую привычку! И такъ, я предоставляю Богу рѣшить, что въ этомъ случаѣ лучше по отношенію ко мнѣ и къ вамъ».

Заключительная его рѣчь, «исполненная возвышенной трогательности, не только является высоко-поучительною, но и проникнута глубокимъ созна-

ніемъ воспитательныхъ цѣлей его поведенія на судѣ для потомства, убѣжденіемъ, высказаннымъ передъ судебнымъ собраніемъ, что присудившіе его къ смерти не уничтожили этимъ испытующаго духа, что большое число молодыхъ людей уже носятъ въ себѣ зерно его, которое они разовьютъ, потому что съ этаго времени ихъ не будетъ сдерживать его умолкающій авторитетъ». Заключенный въ темницу, Сократъ продолжалъ бесѣдовать съ друзьями о предметахъ знанія и человѣческой жизни; знаменитая послѣдняя его бесѣда о безсмертіи души открываетъ его непреклонное убѣжденіе въ великомъ и священномъ дѣлѣ; каково воспитаніе человѣчества для умственнаго и нравственнаго совершенства, которое составляло столько лѣтъ главный и исключительный предметъ самой живой дѣятельности Сократа. Характеристику этаго великаго человѣка, какъ педагога, авторъ дополняетъ разсказомъ Платона о пиршествѣ, на которое собралось много знаменитыхъ аѳинянъ. Они рѣшились сказать панегирики Эросу. Сократъ въ своей рѣчи понятіе объ Эросѣ возвелъ къ значенію идеи воспитанія.

Такъ характеризуетъ авторъ Сократа, какъ педагога. Нашъ сжатый разсказъ и сдѣланныя нами выписки не могутъ, конечно, такъ полно обрисовать этого величайшаго мыслителя, какъ это сдѣлано авторомъ, но и изъ приведеннаго нами видны особенности его характера и та цѣль, служенію которой онъ посвятилъ себя.

II. Положеніе Сократа, что «самый важный и вполнѣ достойный предметъ для человѣческаго познанія есть самъ человѣкъ», вполнѣ опредѣляетъ предметъ его обученія. «Сократъ былъ не только философомъ этики въ тѣсномъ смыслѣ, какъ практической морали, но, что гораздо своеобразнѣе и для нашего времени многозначительнѣе, первымъ основателемъ ѳеологіи, какъ науки о законахъ образованія характера, науки, соотвѣтствующей важнѣйшему изъ всѣхъ искуствъ, искуству воспитанія, науки, которая еще не создана и создать которую только теперь стало возможнымъ, какъ справедливо замѣчаетъ Милль». Сократъ «человѣческою мудростью» называлъ кажущееся знаніе, ходячую мудрость, явившуюся результатомъ общихъ вѣрованій и правилъ жизни; выясненіе контраста между степенью познанія человѣческаго въ отношеніи самыхъ важныхъ вопросовъ жизни и степенью спеціальнаго знанія служило Сократу предметомъ многихъ бесѣдъ. Какъ человѣкъ съ глубоко-религіознымъ настроеніемъ души, говоритъ авторъ, онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ вывести своихъ согражданъ изъ состоянія умственнаго самообольщенія и къ этой цѣли направлялъ способъ своего перекреснаго допрашиванія противъ великаго заблужденія всѣхъ современниковъ своихъ въ отношеніи къ человѣческой мудрости, очищая умъ слушателей отъ предвзятыхъ и случайно воспринятыхъ мнѣній, нерѣдко другъ другу противорѣчащихъ правилъ, поражая самоувѣренность въ «знаніи безъ знанія дѣйствительнаго», въ отношеніи къ человѣческой жизни съ ея общими принципами и главною цѣлью; какъ человѣкъ обширной практической опытности, высокаго разума — выработаннаго характера, съ природнымъ стремленіемъ ума къ научному обобщенію и объясненію жизненныхъ явленій, владѣя способностью къ духовному возбужденію другихъ, онъ первый изъ философовъ созналъ необходимость изученія существа человѣческаго для пріобрѣтенія опытности въ искуствѣ вести себя. Постоянно обращаясь къ священному изрѣченію оракула о самопознаніи, Сократъ ставилъ какъ основной принципъ изслѣдованіе человѣческой природы, самосознаніе,

необходимость психологическихъ данныхъ для этологическихъ выводовъ о законахъ образованія характера и параллельныхъ тому правилъ практическаго воспитанія. Сократъ не строилъ гипотезъ о началѣ міра, а сталъ на путь психологическаго изслѣдованія, на путь самопознанія, поднялъ величайшій вопросъ въ наукѣ о природѣ и законахъ человѣческаго духа и сознанія, какъ условіяхъ знанія и добродѣтели, науки и жизни. Онъ вовсе не отрицаетъ систематическаго, теоретическаго знанія, науки, но положительно ставитъ ее необходимою основой жизни; его убѣжденіе, что человѣкъ не можетъ дѣлать хорошо то, чего онъ не знаетъ, не можетъ быть справедливымъ, умѣреннымъ, добродѣтельнымъ, если не знаетъ, что такое справедливость, умѣренность, добродѣтель. Знаніе или наука о существѣ человѣка, о разумно нравственныхъ законахъ и конечныхъ цѣляхъ, есть основа искуства вести себя, искуства воспитанія и образованія нравственнаго характера. Для опредѣленія отношенія, въ которомъ правила всякаго искуства стоятъ къ ученіямъ соотвѣтствующей науки, авторъ приводитъ выписку изъ «Логики» Д. С. Милля, который говоритъ, что основанія всякаго правила искуства должны быть отыскиваемы въ теоремахъ науки. Указывая постоянно логическую связь морали, какъ искуства жизни, съ наукой, Сократъ, говоритъ авторъ, съ особенною силой указывалъ и опирался на телеологическій принципъ или конечныя цѣли человѣческой жизни. Онъ формулировалъ эту цѣль разъ навсегда въ неизмѣнныхъ выраженіяхъ и приводилъ предъ слушателями одинаково постоянно, какъ догматъ, положеніе, что «счастіе или благо каждаго связано съ счастіемъ человѣчества».

Эти краткія извлеченія, полагаемъ, достаточно знакомятъ читателя со взглядомъ автора на Сократа, какъ пѳолога, а потому мы не будемъ далѣе слѣдовать за авторомъ и перейдемъ прямо къ обзору третьей главы его труда.

III. Въ началѣ ея авторъ оговаривается, что, смотря на Сократа, какъ на родоначальника науки объ образованіи человѣческаго характера, онъ далекъ отъ мысли утверждать, что Сократъ создалъ положительную систему этой науки. «Осуществить идею этой науки въ полной системѣ было для его времени такимъ дѣломъ, которое превышало средства психологическихъ данныхъ, необходимыхъ, какъ основныя посылки для научныхъ выводовъ и теоремъ. Иѳологія, какъ наука о законахъ образованія характера, соотвѣтствующая искуству воспитанія, предполагаетъ въ основѣ своей науку о душѣ, какъ ученіе объ основныхъ и общихъ законахъ духовной жизни человѣка. «Прежде чѣмъ характеръ и распредѣленіе методовъ воспитанія могутъ быть доведены до гармоніи съ порядкомъ и формою развитія способностей», говоритъ Спенсеръ въ своемъ замѣчательномъ трактатѣ о воспитаніи,—«нужно хотя въ нѣкоторой степени выяснить себѣ, какъ развиваются эти способности. До сихъ поръ мы пріобрѣли въ этомъ отношеніи только нѣсколько общихъ понятій. Эти общія понятія должны быть разработаны въ подробностяхъ, должны быть превращены въ безчисленное количество специфическихъ положеній, прежде чѣмъ можно будетъ сказать, что мы обладаемъ наукою, на которой должно быть основано искуство воспитанія». Говоря о педагогическомъ значеніи бесѣдъ Сократа, авторъ замѣчаетъ, что оно состоитъ не въ догматическомъ сообщеніи какого либо положительнаго мнѣнія или практическаго правила, но въ самомъ способѣ образованія мнѣнія, въ логическихъ пріемахъ вывода правилъ, въ научномъ процессѣ изслѣдованія предмета. Далѣе авторъ приводитъ мысль Шлейермахера, что значе-

ніе Сократа въ философіи заключается не столько въ истинахъ, до которыхъ онъ дошелъ, сколько въ предложенномъ имъ методѣ искать истины.

Выписка изъ Милля, приводимая авторомъ, служитъ къ разъясненію этого положенія. Заключеніе свое онъ формулируетъ такъ: «въ области научнаго изслѣдованія, въ области теоретическаго исканія истины Сократъ выработалъ опредѣленное воззрѣніе, сущность котораго требовала сознательнаго и самостоятельнаго изслѣдованія, которое могло бы служить для выработки независимыхъ убѣжденій на испытанныхъ и логическихъ основаніяхъ и которое дѣлало бы человѣка способнымъ въ жизни слѣдовать своимъ убѣжденіямъ твердо, свободно и послѣдовательно—качества, составляющія основныя черты человѣческаго характера, въ истинномъ смыслѣ этого слова». Задача Сократа состояла въ образованіи метода обученія, въ открытіи способовъ изслѣдованія и познанія. «Сократъ ясно сознавалъ, что въ дѣлѣ науки и обученія самое главное — орудія и условія ихъ примѣненія, и потому, открывъ оригинальный и истинный методъ научнаго изслѣдованія, осуществилъ этотъ методъ въ своей практической дѣятельности обученія столь совершенно, что этотъ методъ сдѣлался типическимъ, какъ *методъ Сократовъ*».

Слова Спенсера, что истиннымъ воспитателемъ можетъ быть только истинный философъ, съ которыми авторъ соглашается, заставляютъ жалѣть, что большинству учителей и воспитателей неизвѣстна высшая философская наука о законахъ человѣческой душевной природы. Отсутствіе ясно сознанныхъ философскихъ принциповъ воспитанія дѣйствительно мѣшаетъ ясному пониманію его системы и метода и смѣшеніе Сократова метода съ внѣшними историческими формами порождаетъ неумѣнье приложить его къ дѣлу, чрезъ что и самый духъ, воплощенный въ методѣ, теряетъ свой истинно-педагогическій смыслъ и значеніе. Но не въ этомъ только заключается слабая сторона нашихъ практиковъ-педагоговъ; имъ недостаетъ также основательнаго знанія физической природы человѣка, въ зависимости отъ которой находятся и психическія явленія. Для успѣшнаго воздѣйствія на ребенка необходимо всесторонне изучить человѣка; только при этомъ условіи дѣло воспитанія можетъ быть поставлено на серіозную почву и принести желанные плоды. Авторъ приводитъ выписку изъ мемуаровъ Ксенофонта, который во многихъ мѣстахъ говоритъ, что Сократъ въ своихъ бесѣдахъ всегда переходилъ отъ положеній наиболѣе извѣстныхъ къ менѣе извѣстнымъ. «Сократу первому принадлежитъ употребленіе индуктивнаго метода мышленія», говоритъ авторъ, почему онъ и былъ предшественникомъ Бэкона, относительно изобрѣтенія метода новой положительной науки. Это заключеніе основывается на словахъ Аристотеля: «Слѣдующія нововведенія по справедливости должно приписать Сократу: индуктивный методъ мышленія и отвлеченныя опредѣленія» (обобщенія). По этому поводу авторъ далѣе возражаетъ Льюису, который, приписывая открытіе индуктивнаго метода науки одному Бэкону, считаетъ Сократа не болѣе какъ изобрѣтателемъ inductionis per enumerationem Simplicem. Діалектика, логическая классификація и индукція у Сократа были тѣсно связаны. «Начало всякаго разговора, возбужденнаго Сократомъ, всегда касалось значенія какого-либо слова, обозначающаго какое-нибудь родовое понятіе. Вопросы, которыми онъ изслѣдовалъ это значеніе, ставили данный ему первый отвѣтъ въ противорѣчіе съ множествомъ частныхъ случаевъ, которые или не должны были входить въ него, или должны были заключаться въ немъ, и однако же въ немъ не заключались. Несообразности,

въ которыя впадалъ отвѣчающій въ своихъ отвѣтахъ, показывали ему, что онъ далеко не пріобрѣлъ яснаго и полнаго понятія объ общемъ признакѣ, который связываетъ во едино (въ классъ, родъ) различныя педѣлимыя и подводитъ ихъ подъ общій терминъ, постоянно вертящійся у отвѣчающаго на языкѣ, или ставили его въ возможность открыть другой не менѣе важный фактъ, что такого общаго признака и нѣтъ, и что обобщеніе ложно и существуетъ только въ названіи. Темная группа ассоціацій, какъ-бы наросшая около обычнаго общаго выраженія, проникается, такъ-сказать, нѣкоторымъ разлагающимъ элементомъ, который дѣлитъ всю группу на отдѣльныя одна отъ другой части, и давая взятому выраженію вполнѣ соотвѣтствующее ему значеніе, дѣлаетъ его предметомъ яснаго сознанія. Такимъ образомъ отвѣчающій выводится, наконецъ, на тотъ путь мышленія, который ведетъ къ исправленію обобщенія и снабжается свѣточемъ для того, что Платонъ называетъ созерцаніемъ одного во многомъ и многаго въ единомъ. Изъ этого разъясненія діалектическаго обученія Сократа очевидно, что методъ бесѣдъ Сократа въ точномъ и строгомъ смыслѣ есть методъ индуктивный. Первый пріемъ этаго метода, составляющій главное и существенное условіе всякаго познанія, состоитъ въ наблюденіи факта и есть въ тѣсномъ смыслѣ анализъ, разложеніе сложнаго явленія на простые составные элементы и открытіе той связи, тѣхъ причинныхъ отношеній послѣдовательности или совмѣстнаго существованія фактовъ, которые образуютъ изъ этихъ частностей общее и гармоническое цѣлое — общее понятіе, обозначаемое общимъ названіемъ». Сократъ «старался цѣлымъ рядомъ вопросовъ поставить умъ слушателей на путь, по которому они сами могли бы самостоятельнымъ трудомъ прійдти къ обобщенію и къ дедуктивнымъ выводамъ изъ него. Снабженный свѣточемъ индукціи, умъ дѣйствительно можетъ сдѣлаться способнымъ «созерцать единое во многомъ и многое въ единомъ», дедуктивно истолковывать общую формулу большей посылки, или посредствомъ индуктивнаго обобщенія частностей, содержащихся въ меньшей посылкѣ, дѣлать конечный выводъ или заключеніе и такимъ образомъ доходить до познанія того, что есть каждая отдѣльная вещь сама по себѣ, и къ какому роду она принадлежитъ».

Для полнаго уясненія сущности Сократова метода мы приведемъ еще одну выписку изъ этой главы, выписку, характеризующую способъ его собесѣдованія.

«Сократъ велъ слушателей своихъ по истинѣ наводящимъ методомъ, направленнымъ къ пробужденію философскихъ стремленій въ другихъ, и посредствомъ діалектическаго вопрошенія, къ самостоятельному раскрытію того, что лично каждымъ воспринято и прочувствовано. Сократъ полагалъ, что каждый человѣкъ долженъ выработать для себя истину посредствомъ упорной работы мысли и борьбы съ самимъ собою. Вотъ глубочайшее основаніе той діалектически отрицательной формы допрашиванія, въ которой проявился виднѣе всего педагогическій геній Сократа, и причина, почему Сократъ самъ не высказывалъ положительнаго, абсолютнаго мнѣнія о предметахъ своихъ бесѣдъ. Проповѣдывать, увѣщевать, сообщать готовыя истины Сократъ считалъ дѣломъ безполезнымъ, пока умъ слушателя будетъ находиться въ состояніи безсознательнаго процесса развитія, какъ intellectus sibi permissus, умъ предоставленный самому себѣ. Сообразно съ этимъ, такъ какъ слушатель былъ слишкомъ скоръ на положительные отвѣты касательно об-

щихъ выраженій, въ которыя онъ питалъ безусловную вѣру, Сократъ подрываетъ предвзятыя мнѣнія, показывая, что въ въ нихъ недостаетъ гармоніи, и предваряя, что онъ самъ не держится никакого положительнаго мнѣнія объ извѣстномъ предметѣ, и никогда не высказываетъ своего мнѣнія прежде, чѣмъ умъ слушателя не пройдетъ путь очистительнаго испытанія подъ безпощаднымъ огнемъ его допрашиванія. Эта отрицательная, не прямая форма Сократова метода увѣковѣчена Платономъ, и должно признать съ Гротомъ, что никто, кромѣ Сократа, не прилагалъ съ такимъ успѣхомъ этаго возбуждающаго метода, этаго электрическаго толчка, по выраженію Платона, пробуждающаго дремлющую силу ума, никто не имѣлъ такого умѣнья вызвать изъ чужаго ума тотъ огонь, который освѣщаетъ первоначальную мысль, никто не производилъ въ своихъ ученикахъ болѣзней умственнаго рожденія и не воспринималъ этого самороднаго плода рождающаго духа съ такимъ искуствомъ, какъ Сократъ. Между тѣмъ эта отрицательная форма Сократовыхъ бесѣдъ, эта извѣстная *Сократова иронія*, у большинства современниковъ и у историковъ Сократа, не задававшихъ себѣ труда видѣть въ Сократѣ что либо серіозное и глубокое, называлась скептическимъ остроуміемъ и страстью къ спорамъ и парадоксамъ».

Значеніе Сократова метода столь велико, что мы съ особымъ вниманіемъ остановились на этой главѣ и, при помощи подлинныхъ словъ автора, старались уяснить читателю его сущность; полагая, что мы достигли этой цѣли, переходами къ изложенія содержанію четвертой и послѣдней главы статьи Н. Маркова.

Великій педагогъ новѣйшаго времени—Песталоцци—сказалъ: «Сократъ бесѣдовалъ съ юношами, которые владѣли языкомъ вполнѣ. Позаботься, чтобъ и твои ученики имѣли подобный залогъ; тогда сами собою будутъ возникать у нихъ вопросы о томъ, что они видѣли и наблюдали въ жизни». Возводя это практическое правило въ общій теоретическій принципъ, авторъ называетъ методъ Сократа естественнымъ, сообразнымъ съ законами духовной природы человѣка и опредѣляетъ его, какъ процессъ обученія, основанный на собственномъ воспріятіи и пониманіи учениками того, что они видѣли и слышали, прочувствовали и испытали. «Въ Сократѣ, говоритъ авторъ, мы признаемъ первоначальника той великой доктрины, которую, двѣ тысячи лѣтъ спустя высказалъ съ такою систематическою опредѣленностью Амосъ Коменскій въ своей дѣйствительно «Великой Дидактикѣ», и которую Песталоцци старался развить и осуществить въ теоріи предметныхъ уроковъ, созданной имъ скорѣе по глубокой геніальной проницательности, чѣмъ по философски обдуманному плану, такъ какъ для систематической разработки ихъ ему не доставало ни средствъ, ни умѣнья, по свидѣтельству даже его поклонниковъ. Главный принципъ этой доктрины признается нынѣ основнымъ началомъ современной науки о воспитаніи, хотя и нынѣ далеко не осуществляется такъ блистательно и плодотворно въ педагогической практикѣ, какъ это было у Сократа. Сущность этой доктрины заключается въ положеніи, что «воспитаніе въ своихъ методахъ должно сообразоваться съ естественнымъ процессомъ духовнаго и человѣческаго развитія; что методъ послѣдовательнаго и систематическаго обученія соотвѣтствуетъ и долженъ соотвѣтствовать закону той психической послѣдовательности, съ которою умственныя способности выработываются существенно и самобытно». «Методъ природы», говоритъ Марсель, «есть архитипъ всѣхъ педагогическихъ ме-

тодовъ». «Сдѣлать ученика способнымъ къ самообразованію—вотъ жизненный принципъ въ этомъ дѣлѣ», пишетъ Вайцъ. Послѣднія слова знаменитыхъ педагоговъ взяты авторомъ у Спенсера, который полагаетъ, что успѣхъ въ воспитаніи возможенъ только тогда когда наши пріемы согласуются съ естественнымъ, самопроизвольнымъ движеніемъ умственныхъ силъ къ зрѣлости. «Методъ Сократа указываетъ на руководящіе принципы, которые можно считать по крайней мѣрѣ эмпирическими обобщеніями, эмпирическими законами, существенно необходимыми для практическаго искуства воспитанія и обученія». Съ этою цѣлью авторъ излагаетъ и разсматриваетъ основныя начала Сократова обученія «Сократъ пользовался въ своихъ бесѣдахъ аналогіями, и какъ прекрасно выражается Платонъ, образами, по глубоко обдуманному педагогическому плану возводя умъ слушателей отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, сообразно этому общему эмпирическому закону духовнаго развитія. Этотъ первоначальный пріемъ индуктивнаго мышленія по аналогіи имѣетъ, какъ извѣстно, великое значеніе и обширное примѣненіе въ современномъ раціональномъ обученіи. Это, пожалуй, будетъ нововведеніе «чрезъ простое перечисленіе случаевъ», собираніе сходныхъ фактовъ, но оно же должно и можетъ служить реальнымъ основаніемъ для точныхъ обобщеній, для опредѣленныхъ понятій». Положеніе, что *при преподованіи слѣдуетъ переходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному*, заимствовано у Сократа и имѣетъ психологическія основанія изложенныя авторомъ по Бенеке. Второй психологическій законъ, съ которымъ вполнѣ сообразовались бесѣды Сократа, авторъ обозначаетъ переходомъ *отъ частнаго или простаго къ общему и сложному*. Въ видахъ выясненія этихъ двухъ положеній, онъ указываетъ, какъ на особый эмпирическій законъ умственнаго развитія, на переходъ *отъ эмпирическихъ фактовъ къ отвлеченнымъ идеямъ, отъ конкретнаго къ абстрактному*.

Исходя изъ положенія, что идея знанія есть органическое явленіе, что всякое цѣнное знаніе есть строго послѣдовательный выводъ изъ основа-ній, авторъ заключаетъ, что усвоеніе умомъ фактовъ само собою становится основаніемъ для наведеній, а послѣднія—дальнѣйшими посылками для выводовъ или дедуктивныхъ заключеній. «Только такимъ образомъ пріобрѣтенное знаніе, говоритъ онъ, развиваетъ умственныя способности и побуждаетъ человѣка къ дальнѣйшимъ научнымъ изысканіямъ, точно также какъ живой капиталъ, съ каждымъ обращеніемъ постоянно наростающій, постепенно возвышаетъ основной фондъ до бо̀льшихъ и бо̀льшихъ размѣровъ». Замѣчаніе о свойствѣ знанія, какъ условіи его цѣнности, приводитъ къ одному изъ важнѣйшихъ руководящихъ примѣровъ Сократова обученія, который соотвѣтствуетъ самому общему закону духовной организаціи, *закону самобытнаго развитія личности*. Основываясь на томъ, что весь процессъ діалектическаго раскрытія идеи всегда совершался у Сократа путемъ указаннымъ въ предыдущихъ положеніяхъ, авторъ говоритъ: «конечный продуктъ изслѣдованія—знаніе, понятіе о предметѣ, или убѣжденіе, дѣйствительно пріобрѣталось путемъ *самостоятельнаго* труда, свободнаго изслѣдованія, самооткрытія истины, посредствомъ наведенія на это открытіе. Выгоды умственнаго саморазвитія такъ важны и очевидны, что отрицать ихъ никто не думаетъ; педагогами же этотъ процессъ вполнѣ справедливо признается основнымъ принципомъ раціональнаго воспитанія». Этотъ принципъ саморазвитія ведетъ къ выработкѣ въ ученикѣ самостоятельнаго образа мыслей и убѣжденій и тѣмъ оказываетъ большое вліяніе «на образованіе *самостоятельнаго харак-*

тера и на просвѣтленіе высшихъ человѣческихъ *убѣжденій*. Твердо встрѣчать трудности и препятствія въ жизни, сохранять равновѣсіе и присутствіе духа при неудачахъ, подчинять свою волю высшимъ и неизмѣннымъ законамъ и цѣлямъ міроправленія, всегда стоять на высотѣ сознанія человѣческаго достоинства и нравственнаго долга—вотъ высокія черты нравственно-религіознаго характера, которыя выработываются Сократовой системой умственнаго самообразованія». Дѣлая это замѣчаніе, авторъ указываетъ, какъ на особый руководящій принципъ воспитанія, на положеніе, что «*сила стойкаго нравственнаго образа дѣйствій зависитъ отъ понятій, нормальнымъ и самобытнымъ порядкомъ выработанныхъ и усвоенныхъ разумомъ*, понятій о конечныхъ цѣляхъ бытія; что *знаніе* есть основа искуства вести себя, основа воспитанія нравственнаго человѣческаго характера, или говоря языкомъ Сократа, «знаніе есть добродѣтель, а невѣжество — порокъ». Въ заключеніе своей статьи Н. Марковъ указываетъ, какъ на руководящій критерій раціональности методовъ воспитанія, на телеологическій принципъ Сократовой иѳологіи, на задачу ея содѣйствовать благу и счастью человѣчества. Эта конечная цѣль требуетъ для достиженія соотвѣтствующихъ средствъ и методовъ человѣческаго воспитанія и образованія. Умственное воспитаніе ребенка необходимо должно сообразоваться съ закономъ, что упражненіе и дѣятельность ума, доставляющая удовольствіе, выполняется охотно, и что она плодотворна, ибо нормальный стимулъ для всякой дѣятельности, по Сократу, есть то наслажденіе, которое слѣдуетъ за дѣятельностью. Авторъ, для выясненія этой мысли, приводитъ слова Спенсра, что для окончательнаго испытанія всякаго учебнаго метода слѣдовало бы ставить вопросъ: доставитъ ли примѣненіе его удовольствіе ученику? Опытъ постоянно показываетъ, что всегда можно найдти методъ, вызывающій наслажденіе, и всегда окажется, что это именно есть тотъ методъ, который наиболѣе раціоналенъ. Аскетизмъ исчезаетъ изъ воспитанія, какъ и изъ жизни, и общая черта законодательства политическаго — стремленіе способствовать благоденствію— въ сильной степени начинаетъ быть и отличительною чертой школьнаго законодательства.

Мы постарались въ связи представить здѣсь выводы, сдѣланные авторомъ, дабы обратить вниманіе интересующихся дѣломъ воспитанія на эту солидную статью, внушенную очевидно желаніемъ указать принципъ воспитанія и методъ обученія, важность которыхъ для современнаго педагога, надѣемся, признается всѣми. Статья эта столь обширна и затрогиваетъ столько весьма сложныхъ вопросовъ, что разбору ея пришлось бы посвятить цѣлую статью. Это и не наша задача; мы, не соглашаясь съ нѣкоторыми мнѣніями авторами, тѣмъ не менѣе указываемъ на нее какъ на трудъ, заслуживающій полнаго вниманія.

Переходимъ затѣмъ къ разсмотрѣнію другаго офиціальнаго изданія «*Педагогическаго Сборника*», издаваемаго при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній. Крупнѣйшими статьями этаго журнала мы считаемъ слѣдующія: «Училищная гигіена» доктора Эрисмана, «Тайный порокъ» доктора Дитмана, «О приготовленіи воспитателей на педагогическихъ курсахъ» В. Авилова и «Педагогическіе курсы при второй военной гимназіи» Сентъ-Илера. Авторъ первой изъ нихъ занимался изслѣдованіемъ петербургскихъ школъ и успѣлъ составить себѣ своими трудами весьма почетную репутацію. Приводя общій принципъ, выработка котораго стоила людямъ много жертвъ, что

дѣятельно противодѣйствовать болѣзни можно лишь по изученіи ея причинъ, и что безъ соблюденія гигіены всѣ правительственныя мѣры и медицина окажутся безплодными, почтенный авторъ высказываетъ, что добросовѣстное изслѣдованіе причинъ болѣзней имѣетъ въ виду не только физическія условія, вызывающія болѣзни, но идетъ гораздо дальше и объясняетъ происхожденіе большинства тѣлесныхъ и духовныхъ страданій;—причины эти: невѣжество и нищета. Гигіена, не смотря на ея высокое значеніе, не обращала на себя вниманіе общества; при воспитаніи съ ея требованіями соображаются весьма мало; «можно безъ преувеличенія сказать, говоритъ Эрисманъ, что даже всегда поступаютъ противно ея предписаніямъ. Вмѣсто того, чтобъ думать объ укрѣпленіи тѣла, о воспитаніи здоровыхъ поколѣній съ сильнымъ характеромъ, обыкновенно приготовляютъ слабыхъ куколъ, которыя со своими ни къ чему непримѣнимыми знаніями совершенно безполезны для государства и человѣчества. И въ этомъ отношеніи нужно болѣе винить педагоговъ, чѣмъ врачей. Исполненные желаніемъ доставить какъ можно болѣе знаній своимъ воспитанникамъ, педагоги забываютъ, что надлежащее воспитаніе и развитіе юношества достигаются только посредствомъ правильнаго распредѣленія и гармоническаго соединенія духовныхъ и тѣлесныхъ силъ». По его мнѣнію, недостатокъ общественнаго воспитанія, кромѣ чрезмѣрнаго обремененія занятіями заключается, главнымъ образомъ, въ нецѣлесообразномъ устройствѣ школьныхъ зданій, именно: въ дурной вентиляціи спалень, классовъ, и корридоровъ, недостаточномъ освѣщеніи, неудобномъ устройствѣ школьныхъ столовъ, далѣе, въ дурномъ дневномъ освѣщеніи, точно также, какъ и въ неудовлетворительномъ искуственномъ освѣщеніи, во время вечернихъ занятій, затѣмъ въ переполненіи классовъ учащимися, въ недостаточномъ движеніи на воздухѣ и, главнымъ образомъ, въ отсутствіи средствъ къ развитію физическихъ силъ. Имѣя въ виду въ своей статьѣ обратить особенное вниманіе на происхожденіе различныхъ болѣзненныхъ состояній изъ условій жизни въ школѣ, чтобъ затѣмъ указать, какимъ образомъ можно удалить причины болѣзней и воспитать молодое поколѣніе съ здоровымъ и крѣпкимъ тѣломъ, а слѣдовательно и съ бодрымъ духомъ, авторъ коротко опредѣляетъ свою задачу, говоря, что она «состоитъ въ томъ, чтобъ указать на ненормальныя, физическія явленія, встрѣчаемыя между воспитанниками школъ». «Разсмотрѣвъ вкратцѣ болѣзни, происходящія, болѣе или менѣе, отъ нездоровой школьной жизни, говоритъ онъ, мы разсмотримъ устройство школьныхъ зданій и, преимущественно, классовъ и мебели. Слѣдовательно мы будемъ говорить о классныхъ столахъ, о дневномъ и искуственномъ освѣщеніи, вентиляціи и отопленіи, о величинѣ комнатъ, о количествѣ уроковъ и о гимнастикѣ въ комнатѣ и на воздухѣ». Такова его программа, которую онъ полагаетъ выполнить въ теченіе года въ рядѣ отдѣльныхъ статей. Въ первой изъ нихъ «Школьныя болѣзни» онъ сперва перечисляетъ главнѣйшія болѣзни, встрѣчаемыя между дѣтьми въ школахъ и затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію одной изъ самой важной—близорукости (Пед. Сборн. №№ 2 и 3), причемъ вкратцѣ приводитъ главные результаты своихъ изслѣдованій петербургскихъ школъ, изложенныхъ въ брошюрѣ «О вліяніи школъ на появленіе близорукости» *); затѣмъ переходитъ къ довольно подробному описанію другой

*) Мы ознакомимъ читателей съ содержаніемъ этого почтеннаго труда во II № нашего Журнала. *Ред.*

школьной болѣзни—боковому искривленію позвоночнаго столба (№ 4). Объемъ нашего обозрѣнія недопускаетъ насъ входить въ подробности и приводить многочисленныя интересныя заключенія автора, мы ограничимся только перечисленіемъ тѣхъ, изъ встрѣчаемыхъ между учащимися въ школахъ, болѣзней, о которыхъ говоритъ авторъ. Кромѣ указанныхъ выше онъ упоминаетъ, какъ о самыхъ главныхъ, о школьномъ зобѣ (такъ названнымъ Гильомомъ), поврежденіи пищеварительныхъ органовъ и преимущественно питанія, головной болѣ и кровотеченіи изъ носу. Заразительныя болѣзни, которымъ дѣти нерѣдко подвергаются въ школѣ, онъ не относитъ собственно къ школьнымъ, такъ какъ они зарождаются внѣ школы и въ нее лишь случайно заносятся. Въ слѣдующемъ обозрѣніи мы поговоримъ о другихъ статьяхъ Эрисмана, напечатанныхъ въ позднѣйшихъ книжкахъ Педагогическаго Сборника, а теперь перейдемъ къ статьѣ д-ра Дитмана «Тайный порокъ».

Педагогическій комитетъ Полоцкой военной гимназіи поручилъ ему разработать этотъ вопросъ и изложить причины, послѣдствія и признаки этого порока, а также указать мѣры, которыя въ гигіеническомъ отношеніи могутъ быть примѣнимы для его предотвращенія и ограниченія между воспитанниками и для исцѣленія гибельныхъ его послѣдствій. «Изъ всѣхъ опасностей, говоритъ авторъ въ началѣ своей статьи, угрожающихъ нравственному, умственному и физическому благосостоянію молодаго поколѣнія и въ высшей степени затрудняющихъ успѣшное веденіе дѣла воспитанія, одна изъ самыхъ страшныхъ, заключается въ распространеніи между дѣтьми и юношами тайнаго порока — онанизма». Приступая къ изложенію, онъ представляетъ слѣдующую программу: 1) причины появленія порока онанизма у дѣтей; 2) послѣдствія и дѣйствіе его на организмъ; 3) признаки, по которымъ узнается этотъ порокъ у подверженныхъ ему дѣтей; 4) мѣры, которая могутъ способствовать предотвращенію онанизма; 5) мѣры, необходимыя для исцѣленія подверженныхъ онанизму дѣтей.

Причины перваго появленія этого порока, авторъ полагаетъ, могутъ быть двухъ родовъ: или случайныя, вслѣдствіе незначительныхъ возбужденій организма, или же не случайныя, заключающіяся въ примѣрѣ другихъ. «Часто дѣти, не имѣя еще никакого понятія о безнравственности и порочности этого дѣла, играя, дѣлаютъ опасное открытіе сладострасныхъ ощущеній и безъ оглядки предаются пороку рукоблудія»; иногда же сами кормилицы и няньки развиваютъ въ ребенкѣ этотъ порокъ, въ подтвержденіе чего авторъ приводитъ разсказъ Lallemand'a и ссылается на Deslandes и Hallé. Жизнь въ интернатахъ, благодаря примѣру товарищей, чрезвычайно способствуетъ развитію этого порока, почему авторъ и совѣтуетъ педагогамъ вникнуть въ положеніе дѣла; возможность распространенія этого порока, говоритъ онъ, такъ велика, что ее надо скорѣе уже считать вѣроятностью, чтобы не сказать еще болѣе. Кромѣ упомянутыхъ прямыхъ причинъ, авторъ указываетъ на косвенныя, къ числу которыхъ онъ относитъ всѣ безъ исключенія ошибочныя направленія въ физическомъ и нравственномъ воспитаніи; наиболѣе же изъ нихъ важными считаетъ ослабленіе организма чрезъ изнѣживаніе и баловство и слишкомъ раннее или несоотвѣтствующее силамъ напряженіе психическихъ отправленій при одновременномъ упущеніи изъ виду равномѣрнаго и нормальнаго физическаго развитія. Затѣмъ авторъ, относясь къ военнымъ гимназіямъ, ставитъ вопросъ: нѣтъ ли во всемъ строѣ жизни нашихъ воспитанниковъ такихъ условій, которыя могутъ способствовать развитію она-

низма, и сознается, что отвѣтъ на этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, «вовсе не отрицательный». По его мнѣнію, единственное средство успѣшно противодѣйствовать этой наклонности заключается въ раціональномъ веденіи физическаго воспитанія. Изъ недостатковъ этой стороны дѣла имъ замѣченныхъ, онъ указываетъ на «восьмичасовое сидѣнье» воспитанниковъ младшаго возраста надъ умственною работою; «такое продолжительное сидѣнье, говоритъ онъ, неминуемо ведетъ къ застоямъ крови въ брюшныхъ и половыхъ органахъ»; его печалитъ также вялое и нецѣлесообразное веденіе дѣла гимнастики и тѣлесныхъ упражненій и отсутствіе путныхъ игръ, которыми онъ считаетъ полезнымъ занять рекреаціонные часы, которые «употребляются болѣе для шалостей и не имѣющихъ никакого смысла игръ». Въ заключеніе обзора причинъ онъ доказываетъ на вредъ бань, содѣйствующихъ «изнѣживанію и разслабленію организма».

Мы находимъ, что, указывая косвенныя причины, авторъ выражается слишкомъ широко; онъ къ ихъ числу относитъ «всѣ безъ исключенія ошибочныя направленія въ физическомъ и нравственномъ воспитаніи». Такое положеніе можно допустить на столько, на сколько существенна связь между всѣми проявленіями человѣка. Нельзя согласиться съ нимъ также въ его желаніи замѣнить обыкновенныя дѣтскія игры «нужными»; дѣтямъ, мы полагаемъ, должна быть предоставлена свобода хотя въ тѣ немногіе часы, которые даются имъ для отдыха.

Регламентація въ игрѣ способна только отравить удовольствіе ею доставляемое и помѣшать развитію въ дѣтяхъ предпріимчивости, находчивости и самостоятельности; слѣдуетъ лишь наблюдать, чтобы игры не имѣли безнравственнаго характера, а «проявленія рѣзвости» такъ естественны въ ребенкѣ, что, напротивъ, противное намъ казалось бы весьма страннымъ; «проявленія» эти имѣютъ всегда свой смыслъ: повозиться, порѣзвиться—это потребность дѣтскаго организма, отказать въ удовлетвореніи которой, было бы въ высшей степени непедагогичнымъ. Впрочемъ, мы склонны думать, что авторъ разсматриваемой нами статьи не совсѣмъ ясно выразился, потому что, какъ это явствуетъ изъ дальнѣйшихъ строкъ, онъ признаетъ важность игръ, хотя, однако, ничего не говоритъ въ успокоеніе тѣхъ опасеній, о которыхъ мы сейчасъ говорили.

Переходя къ разсмотрѣнію послѣдствій, обнаруживающихся въ организмѣ подверженныхъ онанизму дѣтей, онъ говоритъ, что испорченность организма внѣшнимъ образомъ проявляется въ самыхъ различныхъ формахъ, что зависитъ отъ крѣпости тѣлосложенія и организма вообще. Нѣтъ ни одного признака, по которому можно бы абсолютно заключить объ испорченности того или другаго въ этомъ отношеніи. Послѣдствія о которыхъ идетъ рѣчь проявляются: 1) въ сферѣ физической и растительной жизни; 2) въ сферѣ психическихъ отправленій; «они обнаруживаются постепенно въ организмѣ изъ дѣйствія этого порока на центральную нервную систему». «Со стороны спиннаго мозга, на который онанизмъ также, какъ и на головной, имѣетъ весьма сильное вредное вліяніе,—первый признакъ замѣчается въ какомъ то ослабленіи нижнихъ конечностей». Болѣзненныя явленія физической жизни сопровождаются такого же характера отступленіями отъ нормы отправленій психическихъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, со временемъ, могутъ быть доведены до полнаго разстройства и «въ концѣ концовъ слѣдуетъ смерть со всѣми признаками физическаго и психическаго истощенія».

Всѣ признаки, которые могутъ служить воспитателю для распознаванія онанизма у воспитанниковъ, имѣютъ только относительное значеніе; только совокупность ихъ составляетъ большую или меньшую вѣроятность справедливости подозрѣнія. Авторъ исчисляетъ слѣдующіе признаки: 1) утрата здороваго вида лица; 2) впаденіе глазъ вглубь и измѣненіе цвѣта кожи подъ глазами въ синеватый и желтозеленоватый, причемъ взглядъ принимаетъ боязливое, стыдливо-нерѣшительное выраженіе; 3) измѣненіе выраженія лица; 4) ослабленіе мышцъ тѣла и утрата ими нормальной крѣпости и упругости; 5) появленіе привычки ночью мочиться въ постелѣ, что обусловливается значительною потерею чувствительности мочеваго пузыря; 6) развивающаяся любовь къ уединенію; 7) привычка послѣ сна валяться въ постелѣ и вообще изнѣженность; 8) развитіе лѣни и тупости, какъ слѣдствіе разслабленія памяти и постепеннаго возрастанія слабости характера; 9) всякая, не объясняющаяся изъ другихъ обстоятельствъ, перемѣна характера и многіе другіе признаки, которые мы здѣсь не приводимъ. На вопросъ: что же долженъ дѣлать воспитатель, когда онъ пришелъ къ убѣжденію, что ввѣренный ему воспитанникъ начинаетъ предаваться этому пороку? авторъ отвѣчаетъ совѣтомъ, прежде всего усилить надзоръ съ цѣлію уличенія; въ случаѣ, если это невозможно, — поговорить съ такимъ мальчикомъ наединѣ съ цѣлію вызвать признаніе, которое уже «составляетъ первую преграду противъ рецидива»; для успѣшности такого воздѣйствія на волю питомца необходимо, чтобы воспитатель былъ «вполнѣ развитая нравственная личность въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова». Для предотвращенія распространенія онанизма между воспитанниками должно озаботиться устраненіемъ обстоятельствъ, вредно вліяющихъ на здоровье дѣтей, которыя содѣйствуютъ развитію этого порока; слѣдуетъ устранить продолжительное сидѣнье, для чего необходимо, чтобы обязательныя умственныя занятія воспитанниковъ младшихъ классовъ продолжались не болѣе шести часовъ въ сутки, среднихъ классовъ — не болѣе семи, а старшихъ—восьми. Такой порядокъ авторъ считаетъ далеко неудовлетворительнымъ и останавливается на немъ, повидимому, боясь встрѣтить сильный протестъ со стороны педагоговъ, полагающихъ, что чуть ли не единственная задача общеобразовательнаго заведенія напичкать своихъ питомцевъ по возможности большей массой свѣдѣній *). «Такая продолжительность сидѣнія, говоритъ онъ, будетъ все таки еще вредно вліять на состояніе здоровья воспитанниковъ, если не будутъ приняты всѣ мѣры для того, чтобы противодѣйствовать этому вліянію и, если невозможно совсѣмъ его устранить, то по крайней мѣрѣ необходимо уменьшить его. Единственное раціональное средство въ этомъ отношеніи есть строго систематическое и раціональное веденіе дѣла гимнастики и тѣлесныхъ упражненій». Методическимъ мышечнымъ упражненіямъ, авторъ придаетъ величайшее значеніе, какъ сред-

*) Такое отношеніе къ дѣлу въ ученой разработкѣ вопроса въ высшей степени важнаго, въ педагогическомъ дѣлѣ, нельзя одобрить. Гдѣ же и у кого же могутъ поучаться наши педагоги какъ не у спеціалистовъ—но чему же они у послѣднихъ научатся, если и офиціально приставленные къ дѣлу лица не высказываются съ тою твердостію, спокойствіемъ, безстрастіемъ, которые характеризуютъ каждое ученое изслѣдованіе. Лучше вовсе не приниматься за ученое изслѣдованіе педагогическаго вопроса, если обстоятельства заставляютъ обходить различные мели и подводные камни, чѣмъ скрывать истину. *Ред.*

ству успокоивающему головной мозгъ и противодѣйствующему вредному вліянію продолжительнаго сидѣнія, благодаря которому предотвращаются болѣе значительныя неправильности кровообращенія. Въ видахъ этого онъ обращаетъ вниманіе на раціональное преподаваніе гимнастики, которое къ сожалѣнію ведется правильно еще въ очень немногихъ заведеніяхъ. На дѣтей, пристрастившихся къ онанизму, здоровье которыхъ уже значительно пострадало, почтенный докторъ совѣтуетъ смотрѣть какъ на больныхъ, «и тогда воспитатель и врачь соединенными усиліями должны будутъ сдѣлать все, чтобы содѣйствовать физическому и нравственному выздоровленію ихъ». Это онъ говоритъ относительно тѣхъ воспитанниковъ, которые подаютъ надежду къ исправленію; остальные же—«должны быть удалены изъ заведенія со всевозможною тишиною и скоростью».

Обѣ разсмотрѣнныя нами статьи указываютъ тѣ гибельныя условія для воспитанія, которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ давно уже вліяютъ и которыя, между тѣмъ, все таки существуютъ. Этотъ фактъ доказываетъ, что у педагоговъ недостаетъ или знаній, или доброй воли устранить вредныя условія, производящія столь сильное вліяніе на впечатлительный, неразвившійся дѣтскій организмъ. Мы склонны думать, что именно недостатокъ знанія природы вообще и дѣтскаго организма въ частности обусловливаетъ такое явленіе. Пора обратить серьезное вниманіе на физическое воспитаніе, потому что и умственное и нравственное развитіе можетъ быть нормальнымъ только при здоровьи тѣла; это истина старая, но что же дѣлать, если она и до сихъ поръ на дѣлѣ остается все еще новой, если до сихъ поръ большинство нашихъ педагоговъ имѣютъ постоянно въ виду одно лишь ученье, вовсе не заботясь о развитіи тѣла. Мы нарочно дольше остановились на этихъ статьяхъ, дабы обратить вниманіе воспитателей и родителей на важность этого дѣла.

Вначалѣ говоря о статьяхъ Педагогическаго Сборника, мы указали, какъ на заслуживающія вниманія, на статьи Сентъ-Илера и Авилова; знакомить съ ихъ содержаніемъ и входить въ ихъ разборъ мы не станемъ, такъ какъ объемъ нашего обозрѣнія вышелъ и то весьма значительнымъ; мы перейдемъ теперь къ журналу «Народная школа», издаваемому, какъ это видно изъ самаго заглавія, главнѣйшимъ образомъ, для народныхъ учителей. Цѣль этого журнала, какъ высказалась сама редакція (№ 1, 1869 г.) заключается въ доставленіи народнымъ учителямъ педагогическаго и общеобразовательнаго матерьяла и въ ознакомленіи образованнаго класса общества съ современнымъ ходомъ нашего народнаго образованія. Въ истекшіе уже почти три года, содержаніе его статей было таково, что должно было дѣйствительно содѣйствовать въ извѣстной степени правильной организаціи начальныыъ школъ и развитію самихъ учителей. Мы считали нужнымъ сказать эти нѣсколько строкъ о «Народной школѣ», такъ какъ изданіе это распространяется болѣе между элементарными учителями и весьма мало знакомо людямъ средняго и высшаго образованія. Какъ на лучшія статьи, помѣщенныя въ немъ за разсматриваемый нами періодъ, мы можетъ указать на слѣдующія: «Крестьянская школа и крестьянскія дѣти»—И. Бѣлова, «Уроки естествовѣдѣнія»—Т. Кондратенко, «Исторія, какъ предметъ народной школы»—М. Овчинникова и на статью Ѳ. Р. «Народная школа въ западно-европейскихъ государствахъ». Изъ обильнаго числа приложеній наиболѣе интересны. «Сборникъ по естествовѣдѣнію и техникѣ» (статьи: «Разсказы изъ физики и химіи»—В. Водовозова и «Чесотка» — А. Вирениуса), «Сборникъ задачъ на обыкновенныя

дроби, съ приложеніемъ элементарнаго курса дробей» — В. Евтушевскаго и «Краткій обзоръ дѣятельности С.-Петербургскаго Комитета Грамотности за 10 лѣтъ его существованія», съ которымъ уже знакомы наши читатели.

Изъ сдѣланнаго нами обзора видно, что педагогическіе вопросы разрабатываются далеко не въ однихъ спеціальныхъ органахъ, но, въ силу ихъ значенія и интереса, имъ посвящаются статьи и въ общихъ органахъ печати. Педагогическая журналистика постоянно стремится къ указанію лучшихъ способовъ обученія, благодаря чему отжившіе рутинные методы по немногу исчезаютъ изъ нашихъ школъ и уступаютъ свое мѣсто другимъ, ведущимъ къ развитію учащихся; съ другой стороны воспитательская практика тоже улучшается, отчасти благодаря также указаніямъ журналистики, которая постоянно обращаетъ вниманіе педагоговъ на изслѣдованіе человѣческаго организма и тѣхъ условій, въ которыхъ онъ развивается. Изученіе этихъ условій ведетъ къ критическому отношенію къ существующимъ школьнымъ порядкамъ и къ выработкѣ теоретическихъ положеній, благодаря которымъ въ значительной степени улучшается и педагогическая практика. Мы въ сдѣланномъ обозрѣніи за первую треть текущаго года старались указать все сколько нибудь замѣчательное въ томъ или другомъ отношеніи, передать, по возможности въ короткихъ словахъ, содержаніе наиболѣе интересныхъ статей и тѣмъ способствовать ознакомленію читателей съ современной педагогической журналистикой, что въ свою очередь ведетъ въ выработкѣ раціональнаго взгляда на дѣло воспитанія; въ слѣдующей книжкѣ мы намѣрены обозрѣть педагогическія статьи, появившіяся во вторую треть года.

Н. П—цъ.

ЗАМѢТКИ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о начальномъ и ремесленномъ образованіи.—Заботы о среднемъ образованіи. — Общество вспомоществованія нуждающимся ученикамъ Тверской гимназіи.— Мѣра совѣта университета св. Владиміра относительно орфографіи студентовъ. — Правила для студентовъ Филологическаго Института.—Пятидесятилѣтній юбилей М. А. Максимовича. — Русская библіотека въ Дерптѣ.—Александро-Невское духовное училище.—Московская Духовная Академія. — Слухъ объ избраніи г. Пыпина въ адъюнкты Академіи Наукъ. Первая колонія для малолѣтнихъ преступниковъ.—Открытіе пріютовъ.—С.-Петербургскій Комитетъ Грамотности. — Статистическія свѣдѣнія о русскихъ книгахъ. — Замѣчательное пріобрѣтеніе Императорской Публичной Библіотеки. — Общественная библіотека въ Херсонѣ. — Новая газета въ Курскѣ.—Публичныя лекціи. — Вліяніе развитія общественной жизни въ Ригѣ на народное образованіе. — Слухъ о заключеніи Коммиссіи о личной воинской повинности относительно учителей.

Педагогическій журналъ, какъ всякій литературный органъ, не можетъ игнорировать тѣ явленія общественной жизни, которыя непосредственно входятъ въ область его спеціальности; вслѣдствіе чего мы и намѣрены въ нашихъ „замѣткахъ“ указывать наиболѣе выдающіеся факты школьной жизни и вообще народнаго образованія, понимая это выраженіе далеко не въ частномъ значеніи, которое нерѣдко ему дается.

Земскія учрежденія, не смотря на недавнее свое существованіе, принесли значительную пользу развитію народнаго образованія, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ успѣло уже пустить корни и въ будущемъ сулитъ вывести народъ нашъ изъ первобытнаго невѣжества, въ которомъ онъ до сихъ поръ коснѣлъ. Развитіе образованія въ массахъ составляетъ, какъ извѣстно, силу государства и способствуетъ его экономическому развитію; эта истина недавно только сдѣлалась общеизвѣстной, но, тѣмъ не менѣе, земскіе дѣятели, честно и разумно относящіеся къ своимъ обязанностямъ, въ виду интересовъ самаго населенія, постоянно употребляли всѣ усилія къ поднятію умственнаго уровня нашего народа. Какъ уничтоженіе эпидемій, развивающихся наиболѣе въ массахъ бѣднѣйшаго населенія, озабочиваетъ болѣе достаточные классы общества, такъ и на борьбу съ невѣжествомъ, замедляющимъ прогрессивный ходъ общества, должны выйти люди, обладающіе необходимымъ образованіемъ. Съ дѣятельности земства мы и начинаемъ наше обозрѣніе. *Гласные борзенскаго собранія*, повидимому, принимаютъ весьма близко къ сердцу интересы образованія, такъ, по словамъ корреспондента С.-Петерб. Вѣдом., Борзенское земство принимаетъ, по просьбамъ мѣстныхъ обществъ, на свой счетъ содержаніе устроенныхъ ими начальныхъ училищъ, если планъ постройки училища и классная мебель въ училищѣ будутъ признаны земскою управой удобными, и если общества согласятся принять на свой счетъ нѣкоторые текущіе расходы. Изложеніе свое корреспондентъ основываетъ, главнымъ образомъ на инструкціи, данной чрезвычайнымъ борзенскимъ собраніемъ 1871 года всѣмъ лицамъ, которыя завѣдываютъ народнымъ образованіемъ и обучаютъ въ земскихъ школахъ. Во время составленія этой инструкціи, въ Борзенскомъ уѣздѣ было 15 земскихъ училищъ, на содержаніе которыхъ и на другіе расходы по народному образованію въ 1871 г. земское собраніе 1870 г. ассигновало 7000 р.

Сверхъ того, въ виду увеличивающихся требованій обществъ объ открытіи въ ихъ селахъ земскихъ училищъ, то же собраніе нашло нужнымъ имѣть особый *училищный фондъ, образовавъ его изъ четырехкопѣечнаго сбора съ каждой десятины удобной земли*, съ тѣмъ, чтобъ на проценты съ него содержать вновь открываемыя училища; сборъ этотъ положено продолжать до образованія капитала, на проценты съ котораго можно бы было содержать 60 училищъ, полагая на каждое ежегодно по 400 р.; къ этому же фонду положено причислять и штрафныя деньги за несвоевременную уплату земскихъ налоговъ.

Изъ 7000 руб., ассигнованныхъ на народное образованіе на 1871 годъ, собраніе назначило: 1) 100 р.—на увеличеніе средствъ земской библіотеки; 2) 250 р.—борзенскому земскому женскому училищу; 3) 480 р.—на содержаніе 6-ти стипендіатовъ борзенскаго земства въ черниговской учительской семинаріи, и 4) 6170 р.—на содержаніе земскихъ начальныхъ училищъ. Расходованіе этихъ денегъ поручено земской управѣ, а завѣдываніе земскими училищами ввѣрено управѣ и членамъ отъ земства въ училищномъ совѣтѣ. Для ближайшаго наблюденія за земскими школами въ воспитательномъ отношеніи, Борзенскій уѣздъ раздѣляется на нѣсколько училищныхъ участковъ, число и составъ которыхъ опредѣляются ежегодно училищнымъ совѣтомъ. Каждый участокъ поручается одному изъ членовъ отъ земства въ училищномъ совѣтѣ, принимающему на себя отвѣтственность за успѣхи воспитанія и обученія въ порученномъ его наблюденію участкѣ. На обязанность участковаго члена возлагается педагогическая ревизія школъ и руководство учителей, для

чего школы посѣщаются имъ ежегодно два раза, въ началѣ и въ концѣ учебнаго года, и, на основаніи этихъ посѣщеній, составляются двѣ вѣдомости—о школахъ и объ успѣхахъ учащихся,—представляемыя училищному совѣту. Всѣ же земскіе члены училищнаго совѣта, вмѣстѣ съ земскою управой, представляютъ ежегодно земскому собранію отчетъ о положеніи начальныхъ земскихъ училищъ. Кромѣ того, для ближайшаго наблюденія за каждой школой, земское собраніе избираетъ попечителей и попечительницъ, особо для каждой школы, служащихъ посредниками и посредницами, съ одной стороны, между школой и мѣстнымъ обществомъ, съ другой — между школой же и земской управой. Земскіе учителя получаютъ по 200 р., съ прибавкой 50 руб. по истеченіи каждыхъ 5-ти лѣтъ усердной службы; вечернія занятія со взрослыми оплачиваются особо; за особенныя заслуги учителямъ выдаются денежныя награды, отъ 25 до 100 руб. Законоучитель получаетъ 30 р. вознагражденія. Всѣ учащіе и учащіеся въ земскихъ школахъ пользуются правомъ безплатнаго полученія книгъ изъ борзенской земской библіотеки, при которой находится небольшой педагогическій музей.

Кромѣ того каждая земская школа снабжается отъ управы книгами для чтенія учителя и журналомъ „Народная Школа“. Для ознакомленія учителей съ лучшими способами преподаванія и для педагогическихъ совѣщаній устраиваются въ Борзнѣ, въ каникулярное время, учительскіе съѣзды.

Таковы основныя черты способа, принятаго борзенскимъ земствомъ для расходованія и контроля надъ суммами, ассигнованными земствомъ на народное образованіе. Безспорно, что способъ этотъ имѣетъ и свои слабыя стороны; но эти послѣднія не мѣшаютъ ему быть однимъ изъ лучшихъ способовъ участія уѣзднаго земства въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія, потому что имъ признается принципъ отвѣтственности земства за состояніе народнаго образованія въ уѣздѣ. Земство признаетъ за собой обязанность содержать всѣ народныя школы уѣзда, удовлетворяющія извѣстнымъ требованіямъ, а не вспомоществовать избраннымъ школамъ, какъ это дѣлается въ прочихъ уѣздахъ.

При этомъ способѣ, говоритъ корреспондентъ, достигается и нѣкоторая гарантія въ производительномъ употребленіи земскихъ денегъ.

„Нѣкоторая“, говоритъ онъ, „потому что степень гарантіи зависитъ отъ педагогическаго состоянія школъ, а это послѣднее — отъ педагогическихъ познаній контролирующихъ лицъ, такъ что гарантія была бы полная только тогда, еслибъ контроль порученъ былъ добросовѣстному педагогу, опытному спеціалисту въ дѣлѣ начальнаго образованія, или еслибъ этими качествами обладали участковые члены-контролеры, что случается, какъ извѣстно, очень рѣдко. Благотворные результаты примѣненія этого способа практически подтверждаютъ мнѣніе объ его превосходствѣ. Кому случится проѣзжать Борзенскій уѣздъ, тотъ невольно обратитъ вниманіе на красивые домики, съ надписями: „Земская народная школа“; одну изъ нихъ я посѣщалъ не разъ и находилъ въ ней толковое обученіе и желаніе учиться, вызванное учителемъ даже во взрослыхъ, собирающихся въ школу въ зимніе вечера и проводящихъ тамъ время въ хоровомъ пѣніи и въ ученіи. Отъ одного изъ такихъ „ночниковъ“ (ночью учащихся), по мѣстному выраженію, мнѣ пришлось услышать нелицепріятную, задушевную благодарность учителю и земскимъ дѣятелямъ за ихъ труды по народному образованію. Полагаю, что еслибъ

каждый уѣздъ имѣлъ у себя 15 толковыхъ школъ, то уровень народнаго образованія въ Россіи былъ бы далеко выше настоящаго.

Обставивъ такимъ образомъ дѣло начальнаго народнаго образованія, борзенское земство требуетъ отъ всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ земскимъ школамъ, образовательнаго вліянія на учащихся. Этимъ требованіемъ и начинается, и кончается „инструкція“: „Земскія школы имѣютъ цѣлью воспитывать людей, а потому сообщаютъ общее образованіе, необходимое всякому человѣку“ (§ 2). „Въ земскихъ школахъ установленъ методъ, имѣющій въ своемъ основаніи воспитывающее начало, такъ какъ, по мнѣнію борзенскаго земства, одна грамотность, безъ развитія, скорѣе вредна, чѣмъ полезна“ (§ 40).

И такъ, не только обученіе, но и образованіе учащихся въ земскихъ школахъ,—вотъ желаніе борзенскаго земства, вотъ цѣль, для которой оно дѣлаетъ значительныя затраты. Нельзя не пожелать, чтобъ борзенское земство, не смотря ни на какія перемѣны въ личномъ составѣ земскихъ собраній и управъ, всегда имѣло въ виду эту благотворную цѣль, для достиженія которой имъ затрачено уже столько капитала и труда.

Новгородское уѣздное земское собраніе также весьма серьезно отнеслось къ народному образованію. Разсматривая отчеты о результатахъ мѣръ, принятыхъ въ сессію прошлаго года и заключавшихся въ принятіи въ свое вѣдѣніе 41 школы изъ 138, считавшихся въ уѣздѣ, и въ отпускѣ на этотъ предметъ 4,370 руб., причемъ были приняты мѣры къ наблюденію за преподаваніемъ въ нихъ, собраніе, убѣдясь въ необходимости еще болѣе усилить средства для развитія образованія въ народѣ, признало полезнымъ увеличить число земскихъ школъ до 60, и на содержаніе ихъ ассигновать еще 6,270 р. Не ограничиваясь этимъ, и имѣя въ виду, что открытая недавно въ селѣ Помераньѣ образцовая двухклассная школа все болѣе и болѣе пользуется довѣріемъ мѣстнаго населенія, собраніе положило—кромѣ учрежденныхъ въ этой школѣ трехъ стипендій для крестьянскихъ дѣтей, учредить еще шесть, на которыя и внести въ смѣту 204 р. Кромѣ того, признавая полезнымъ учрежденіе при земскихъ школахъ библіотекъ, собраніе ассигновало по 5 р. на школу, чтобъ этимъ положить начало доброму дѣлу. Наконецъ, оно назначило пособіе Петровской школѣ, открытой Н. Н. Рождественскимъ—75 р., такъ что всего на народное образованіе ассигновано 6,849 руб. Разумѣется, такія затраты, при правильномъ веденіи дѣла, принесутъ богатые плоды и нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ такой, безъ сомнѣнія, благой и экономической мѣрѣ, свидѣтельствующей о честномъ и разумномъ попиманіи гласными своихъ обязанностей по отношенію къ населенію.

Наши читатели найдутъ далѣе свѣдѣнія о ходѣ ремесленнаго образованія въ Крестецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи, теперь же, говоря объ элементарномъ обученіи, мы, пользуясь имѣющимися подъ руками свѣдѣніями, можемъ кое-что сообщить о народномъ образованіи *Бѣлозерскаго уѣзда*. Къ концу $18^{70}/_{71}$ учебнаго года въ уѣздѣ существовало 30 школъ съ 866 учащимися обоего пола. По заявленію управы, въ докладѣ собранію, крестьяне, сознавая пользу школъ стали въ послѣднее время болѣе сочувственно къ нимъ относиться и отъ себя назначаютъ довольно значительныя средства. Такъ крестьяне девяти волостей постановили приговоры, по которымъ предоставляется въ распоряженіе управы на поддержку школъ сумма въ 718 руб. Для подготовки

учителей къ разумному веденію школьнаго дѣла, управа созывала ихъ въ январѣ на три дня въ Бѣлозерскъ, гдѣ они занимались обсужденіемъ педагогическихъ пріемовъ подъ руководствомъ штатнаго смотрителя училищъ. Кромѣ того, какъ выражается сообщающій объ этомъ въ Петербургскія Вѣдомости, смотритель „познакомилъ“ нѣкоторыхъ болѣе слабыхъ учителей съ основными правилами ариѳметики, одинъ изъ мировыхъ судей изложилъ имъ основанія гласнаго судопроизводства, а предсѣдатель управы познакомилъ съ положеніемъ о крестьянахъ. Съ 15 мая управа вновь созвала учителей въ Бѣлозерскъ, гдѣ они занимались шесть недѣль „въ правильно-организованной школѣ“, преподавателями которой были священникъ, штатный смотритель училищъ, инспекторъ духовнаго училища и учитель пѣнія. Послѣ того, къ 19 іюля, 24 учителя были отправлены въ Череповецъ на педагогическіе курсы, открытые губернскимъ земствомъ подъ руководствомъ г. Столпянскаго, гдѣ они и оставались во все продолженіе курсовъ. На 1872 г. земское собраніе ассигновало на народное образованіе изъ земскихъ суммъ 3,200 р., въ дополненіе къ которымъ ожидается еще 1,393 р. отъ крестьянъ и губернскаго земства. Собраніе одобрило распоряженіе о раздѣленіи учителей на четыре разряда съ содержаніемъ: перваго разряда 120 р., втораго—100, третьяго—80 р., четвертаго—60 р., и поручило озаботиться введеніемъ въ нѣкоторыя школы обученіе ремесламъ, на что ассигновало 150 р. Интересно знать какими данными руководствовалась управа, причисляя извѣстное училище къ тому или другому разряду; къ сожалѣнію подробныхъ свѣдѣній объ этомъ у насъ нѣтъ.

Новоузенское уѣздное земское собраніе (Самарской губерніи), ассигновавшее на текущій годъ на народное образованіе 38,980 р., внесло въ смѣту 1872 года 39,715 руб., изъ которыхъ 30,340 р. предназначены на содержаніе 54 русскихъ народныхъ школъ и двухъ трехклассныхъ земскихъ, а остальныя 9,375 р.—на содержаніе 15 русскихъ школъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Цифры эти на столько значительны, что можно ожидать въ близкомъ будущемъ въ высшей степени благихъ послѣдствій, если только педагогическая сторона дѣла будетъ надлежащимъ образомъ поставлена. Къ сожалѣнію, не всѣ земства понимаютъ значеніе народнаго образованія; встрѣчаются и весьма грустные факты, такъ что положительно не знаешь, чѣмъ ихъ объяснить. О подобномъ фактѣ сообщаетъ въ С.-Петерб. Вѣдом. С. Ивановъ слѣдующее:

„Мѣсяца два тому назадъ, вновь учреждаемая учительская семинарія въ *Мологѣ*, Ярославской губерніи, прислала александровскому уѣздному земству (Владимірской губерніи) предложеніе, не пожелаетъ ли оно отправить въ Мологу трехъ крестьянскихъ мальчиковъ, знающихъ читать, писать и первыя четыре правила ариѳметики, для подготовки ихъ въ должность народныхъ учителей. Во все время пребыванія ихъ въ семинаріи, послѣдняя всѣ расходы по содержанію принимаетъ на свой счетъ. Къ этому предложенію присоединился одинъ изъ наиболѣе сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія, александровскій фабрикантъ А. И. Б., пожелавъ съ своей стороны, кромѣ трехъ вышеозначенныхъ мальчиковъ, выбрать еще 7—10, для помѣщенія ихъ въ ту же семинарію, и принять всѣ расходы на себя. Земской управѣ оставалось только похлопотать по волостямъ и отыскать въ уѣздѣ годныхъ и наиболѣе смышленыхъ крестьянскихъ дѣтей, заручившись согласіемъ ихъ отцовъ и разъяснивъ имъ почетное положеніе въ будущемъ ихъ сыновей. Между тѣмъ, прошло уже два мѣсяца, а предложеніе семинаріи и

г. Б. лежитъ безъ всякихъ послѣдствій. Диви бы еще это было сопряжено съ какими-либо расходами, на которые у земства нѣтъ суммъ, а то все это приходится объяснить себѣ развѣ только нашей врожденной россійской лѣнью".

Такое равнодушіе представительнаго учрежденія къ интересамъ населенія, которое оно представляетъ, дѣйствительно можетъ назваться дикимъ и никакими врожденными качествами извинено быть не можетъ. Потребность въ просвѣщеніи сознается даже менѣе образованными людьми, чѣмъ земскіе гласные въ большинствѣ случаевъ; очень часто мы слышали какъ о состоявшихся приговорахъ крестьянскихъ обществъ объ установленіи налога въ пользу школы, такъ и о пожертвованіяхъ отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ части населенія, не получившей надлежащаго образованія. Одинъ изъ подобныхъ фактовъ случился весьма недавно: членъ приходскаго попечительства Любимскаго уѣзда, Ярославской губерніи, бывшій крестьянинъ мѣстной деревни Ярыгина, нынѣ петербургскій мѣщанинъ П. И. Егоровъ пожертвовалъ для сельской школы своего прихода библіотеку, состоящую изъ книгъ духовнаго и свѣтскаго содержанія, журналовъ, брошюръ, дѣтскаго чтенія и проч. Намъ могутъ возразить, что владѣлецъ ея, вѣроятно, самъ въ извѣстной степени человѣкъ образованный, иначе онъ и не имѣлъ бы библіотеки. Вполнѣ допуская это обстоятельство, мы, тѣмъ не менѣе, не видимъ тутъ возраженія потому что во всякомъ случаѣ бо́льшинство гласныхъ александровскаго земства получили не худшее образованіе,—впрочемъ сознаемся, что фактъ, переданный С. Ивановымъ таковъ, что является возможность допустить самое невозможное предположеніе.

Заботы земства простираются довольно часто и на образованіе достаточныхъ классовъ, такъ *Херсонское губернское земское собраніе* очередной сессіи прошлаго года постановило отпустить елизаветградскому земству заимообразно 35,000 руб. на постройку дома для реальнаго училища, съ тѣмъ чтобъ сумма эта была выдаваема по частямъ и за такіе проценты, какіе капиталъ этотъ приноситъ, находясь въ кредитномъ установленіи. Мѣра эта въ высшей степени полезна, если только начальная школа твердо поставлена на ноги, иначе земство должно бы было сперва позаботиться прежде о ней, а то придется вспомнить евангельскій текстъ говорящій, что у малаго послѣднее отымется и отдастся богатому. „Русскій міръ" сообщилъ, что полтавское губернское земское собраніе въ теченіе послѣдней сессіи постановило: въ отмѣну состоявшагося въ прошломъ году опредѣленія объ учрежденіи въ г. Лубнахъ реальной гимназіи, ходатайствовать у министра народнаго просвѣщенія объ открытіи вмѣсто нея классической, на что и внесено въ смѣту на слѣдующій годъ 20,000 руб. „Петербургскія Вѣдомости" замѣтили по этому поводу, что подобная, никакимъ разумнымъ поводомъ не мотивированная, замѣна прежняго постановленія новымъ представляется крайне сомнительной. Фактъ этотъ представлялся намъ вполнѣ возможнымъ. „Правительственный Вѣстникъ" на дняхъ подтвердилъ этотъ фактъ, сообщивъ, что на содержаніе этой гимназіи собраніе постановило внести въ смѣту губернскихъ земскихъ потребностей будущаго года 20,000 р. *Въ Олонецкой губерніи*, по словамъ мѣстныхъ вѣдомостей, въ 1870 г. было всего 248 училищъ, съ учащимися 4,693 муж. и 1,096 жен. пола, причемъ изъ числа учащихся приходится въ губернскомъ городѣ одинъ мальчикъ на 8 жителей и одна дѣвочка на 17 душъ женскаго пола; въ уѣздныхъ городахъ—одинъ мальчикъ на 10 мужчинъ и одна дѣвочка на 21 женщину общаго населенія этихъ

городовъ; въ уѣздахъ же одинъ мальчикъ на 39 мужчинъ и одна дѣвочка на 250 женщинъ общаго населенія уѣздовъ. Общее отношеніе числа учащихся въ губерніи къ ея населенія выражается: для мужчинъ—1 : 30, для женщинъ—1 : 143. Процентное же отношеніе числа учащихся по сословіямъ къ сословному населенію—таково: дворянъ и чиновниковъ 17,67%, духовнаго званія 9,78%, городскихъ сословій 7%, сельскихъ 6%. Послѣдняя цифра въ особенности многознаменательна.—9 сентября, по словамъ „Правительственнаго Вѣстника", происходило освященіе дома, выстроеннаго въ Куростровскомъ селеніи, на мѣстѣ, гдѣ стояла хижина отца М. В. Ломоносова; училище названо ломоносовскимъ и построено на 784 р. 50 к., изъ которыхъ 400 р. пожертвованы Вел. Кн. Алексѣемъ Александровичемъ. Учатся въ училищѣ 52 дѣтей обоего пола.

Протестантское духовенство, заправлявшее дѣлами народной школы *въ Финляндіи*, утратило въ этомъ отношеніи свое значеніе еще въ 1858 г., когда послѣдовалъ указъ финляндскому сенату объ учрежденіи въ главномъ городѣ великаго княжества центральнаго управленія училищъ, которому должны быть подчинены всѣ народныя школы, и объ образованіи учительскихъ семинарій, въ которыхъ въ особенности нуждалась страна, такъ какъ, за неимѣніемъ подобнаго спеціальнаго училища, а также за отсутствіемъ педагогическихъ сочиненій на финляндскомъ языкѣ, учителя не получали надлежащей подготовки. Послѣдствіемъ этого указа было учрежденіе въ городкѣ Ювяскюлѣ первой учительской семинаріи, на которую ежегодно ассигнуется 27,787 руб. Нынѣ, 12 октября, происходило открытіе второй подобной семинаріи для приготовленія учительницъ народныхъ школъ; новая семинарія находится въ Экнесѣ. Мѣстные жители весьма сочувственно отнеслись къ новому учрежденію, какъ это видно изъ самаго описанія торжества открытія.

Земскія учрежденія, какъ напр. Бѣлозерское собраніе, заботятся не только объ распространеніи элементарнаго образованія, но нѣкоторыя изъ нихъ заботятся и о введеніи обученія ремесламъ, а также ассигнуютъ средства на поддержаніе средне-учебныхъ заведеній. Земское собраніе *Крестецкаго уѣзда*, въ которомъ на народное образованіе израсходовано въ 1870 г. 3,815 р., а въ настоящемъ—3,139 р., по смѣтѣ на будущій годъ назначило отъ себя на этотъ предметъ 2,051 р., 8 к., въ числѣ которыхъ 100 р. въ пособіе городской женской школѣ; кромѣ того оно возложило на управу заботу о введеніи въ школахъ обученія ремесламъ, на что и уполномочило производить расходы изъ запаснаго капитала. Опытъ обученія въ школахъ ремесламъ былъ сдѣланъ еще въ прошломъ году: въ каевскомъ образцовомъ училищѣ открытъ былъ ремесленный классъ 7 октября, 1870 г., въ которомъ 15 учениковъ обучались сапожно-башмачному ремеслу и въ теченіе семи мѣсяцевъ успѣли на столько, что могли уже дѣлать починки и заготовлять разныя работы для сапоговъ и полусапожекъ. *Ржевское земство*, поставившее на ноги первоначальное обученіе, озаботилось также объ учрежденіи въ губерніи технической школы, главные образовательные предметы которой составляютъ математика и естественныя науки. При школѣ находятся столярная и слесарная мастерскія, что при усиленныхъ занятіяхъ въ химической лабораторіи и механикой, придастъ ей характеръ промышленно-хозяйственный; изъ иностранныхъ языковъ преподаются французскій и нѣмецкій, такъ что школа эта по своей программѣ примѣтно выдается среди другихъ подобныхъ учрежденій. Ученіе въ школѣ для жителей Тверской губерніи безплатное, при этомъ каждое уѣзд-

ное земство имѣетъ право содержать въ ней по пяти стипендіатовъ, съ платой по 75 руб. съ каждаго. Сумма эта пойдетъ на пищу, одежду, обувь, квартиру и проч. Учителями въ школу избраны лица, окончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и на одного изъ нихъ, инженеръ-технолога, возложена отвѣтственность по школѣ и завѣдываніе хозяйствомъ; онъ же и смотритель школы. Дѣлами управляетъ совѣтъ, состоящій изъ трехъ представителей губернскаго земства, трехъ—уѣзднаго земства и всѣхъ преподавателей школы. Учителя получаютъ 60 руб. за годовой урокъ, такъ что содержаніе нѣкоторыхъ, съ открытіемъ всѣхъ классовъ (теперь открыто только два) будетъ простираться до 1800. Нельзя не порадоваться столь благимъ начинаніямъ общественныхъ учрежденій и не пожелать полнаго успѣха новому училищу, задача котораго способствовать подготовленію дѣятелей для фабричныхъ, промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ. Конечно желательнѣе, чтобы спеціальное техническое образованіе получали молодые люди, окончившіе курсъ въ общеобразовательной реальной школѣ, но отсутствіе достаточныхъ средствъ во многихъ случаяхъ мѣшаетъ такой постановкѣ дѣла и приходится, что называется, „по одёжкѣ протягивать ножки“. Кстати спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ о состоявшемся на дняхъ открытіи ремесленной школы *Русскаго Общества Пароходства и Торговли и Одесской желѣзной дороги;* школа помѣщается за заводѣ Общества, отданномъ нынѣ въ аренду гг. Пру и комп. Здѣшнее городское общество также предполагаетъ учредить въ *Петербургѣ ремесленное училище;* докладъ по этому предмету, по газетнымъ сообщеніямъ, обсуждался въ особой Коммиссіи, полагавшей 25,000 р., сумму предназначенную на это дѣло, назначить въ видѣ ежегоднаго пособія какому-либо воспитательному учрежденію, которое представило бы надежныя гарантіи и приняло бы на себя образовать для города ремесленное училище съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ научныхъ и воспитательныхъ цѣлей; нѣкоторые же изъ членовъ коммиссіи полагали, не учреждая самостоятельнаго городскаго ремесленнаго училища, расходовать вышеупомянутую сумму на помѣщеніе дѣтей бѣдныхъ обывателей столицы для обученія мастерствамъ въ различныя существующія уже ремесленныя школы и къ частнымъ мастерамъ.

Затѣмъ, собранію Думы предъявлено было сообщенное, по порученію Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, предсѣдателемъ совѣта дома призрѣнія бѣдныхъ дѣтей, предложеніе, не пожелаетъ ли городское общество задуманное имъ къ осуществленію благое дѣло соединить въ одно цѣлое съ дѣломъ дома призрѣнія бѣдныхъ дѣтей, съ тѣмъ чтобъ Его Императорское Высочество и совѣтъ этого учрежденія приняли на себя самую постройку предполагаемаго ремесленнаго училища, а городское общество, въ свою очередь, приняло на себя содержаніе его въ той части, которая будетъ соотвѣтствовать количеству пансіонеровъ—ассигновывать ежегодно тѣ 25,000 руб., которые городская коммиссія предполагала раздавать въ разныя руки. Дума сочувственно отозвалась на это предложеніе и постановила: съ будущаго года начать отпускъ 25,000 руб. на проектируемое ремесленное училище, которое будетъ носить названіе „Училища Цесаревича Николая“ и окончательно устроится, въ теченіе 2-хъ лѣтъ, въ широкихъ размѣрахъ, на 250—350 пансіонеровъ. Училище это будетъ имѣть 4 главные отдѣла: 1) приготовительный классъ на 30—50 пансіонеровъ;

2) отъ 250—300 мальчиковъ для полнаго курса; 3) приходящіе ученики для слушанія уроковъ и практическихъ работъ, съ платой и безъ платы; 4) воскресный пріютъ для мастеровыхъ, работающихъ всю недѣлю у своихъ хозяевъ, но по воскресеньямъ приходящихъ для слушанія закона Божія, для рисовальнаго класса, гимнастики, игръ и чтенія. Директоръ и главные учители уже приглашены изъ профессоровъ высшаго реальнаго училища въ Прагѣ. Управленіе же этого ремесленнаго училища, подъ главнымъ и непосредственнымъ завѣдываніемъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, поручено будетъ совѣту, въ которомъ будутъ присутствовать городской голова, въ качествѣ старшаго члена, и извѣстное число депутатовъ отъ городскаго общества.

Къ фактамъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что земства заботятся о поддержкѣ средняго образованія слѣдуетъ отнести и слѣдующій: *Херсонское губернское земское собраніе* въ засѣданіи 3 мая опредѣлило выдать пособіе въ 2,000 руб. на окончаніе зданія женской Херсонской гимназіи. Помощь земства возникновенію учебныхъ заведеній тѣмъ болѣе необходима, что и въ существующихъ обученіе часто не можетъ идти успѣшно по бѣдности самихъ учениковъ, которымъ приходится часто пользоваться пособіемъ частныхъ лицъ. Тверскіе жители, имѣя предъ глазами массу подобныхъ фактовъ, образовали *Общество вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ Тверской гимназіи*, отчетъ котораго за $18^{70}/_{71}$ г. недавно опубликованъ. Цѣль Общества заключается въ доставленіи матеріальныхъ средствъ бѣднѣйшимъ ученикамъ мѣстной гимназіи. „Многіе изъ нихъ, сказано въ отчетѣ, въ особенности тѣ, родители или родственники которыхъ проживаютъ внѣ Твери, по причинѣ годъ-отъ-году усиливающейся дороговизны помѣщеній и продовольствія, встрѣчаютъ крайнее затрудненіе въ покрытіи тѣхъ расходовъ, съ которыми неизбѣжно сопряжено пребываніе въ гимназіи; а иные, напримѣръ, лишившіеся отца или сдѣлавшіеся круглыми сиротами, при всемъ своемъ желаніи и усердіи, за совершеннымъ недостаткомъ средствъ, безъ посторонней помощи, должны были бы отказаться отъ продолженія начатаго образованія.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ правленіемъ Общества, число однихъ лишь крайне неимущихъ, не считая менѣе бѣдныхъ, въ истекшемъ академическомъ году составляло болѣе 25% всего числа учениковъ гимназіи, простиравшагося до 452 человѣкъ.

Въ виду такого значительнаго числа недостаточныхъ учениковъ, Общество, по тщательномъ удостовѣреніи въ дѣйствительной ихъ бѣдности наводимыми правленіемъ справками, старалось распредѣлить выдаваемыя имъ пособія возможно правильнѣе, по степени нужды каждаго.

Средства Общества, состоявшія преимущественно изъ членскихъ взносовъ и различныхъ пожертвованій, дали возможность израсходовать 1,646 р. 98 к., при приходѣ 4,799 р. $21^1/_2$ к. Пособія оказываются въ бо́льшинствѣ случаевъ натурою, хотя были также и денежныя вспомоществованія. У насъ нѣтъ свѣдѣній о числѣ нуждающихся учениковъ въ различныхъ гимназіяхъ, потому мы объ этомъ ничего и не можемъ сказать, хотя, полагаемъ, и въ другихъ мѣстахъ этотъ процентъ, вѣроятно, не ниже.

Такое положеніе учащагося юношества безспорно вліяетъ и на ходъ его занятій, которыя при такихъ условіяхъ не всегда могутъ идти успѣшно. Въ виду этихъ соображеній, желательно чтобы примѣръ тверянъ нашелъ себѣ

послѣдователей и въ другихъ губернскихъ городахъ и тѣмъ было бы, хотя сколько нибудь, парализовано вліяніе бѣдности на ходъ ученія. Вѣроятно въ провинціи найдется не мало людей, принимающихъ близко къ сердцу интересы образованія и на которыхъ эти 25% нуждающихся должны произвесть весьма тяжелое впечатлѣніе. Найдутся, вѣроятно, мѣста, гдѣ процентъ и выше. Говоря объ обученіи въ гимназіяхъ, считаемъ не лишнимъ привести постановленіе совѣта Кіевскаго университета, свидѣтельствующее о довольно низкомъ уровнѣ познаній гимназистовъ въ отечественномъ языкѣ, низкомъ до незнанія орѳографіи окончившими курсъ. Вотъ текстъ постановленія, взятый нами изъ газетъ:

„Слушали: представленіе историко-филологическаго факультета слѣдующаго содержанія: "Въ предупрежденіе случаевъ, что студенты, поступившіе на историко-филологическій факультетъ, могутъ писать безъ соблюденія орѳографіи и употребляя неправильные обороты рѣчи, факультетъ въ засѣданіи 29 мая, 1871 года, разсуждалъ о мѣрахъ, которыя могли-бы быть приняты. Факультетское опредѣленіе состоитъ въ томъ, чтобъ сверхъ нынѣ дѣйствующихъ правилъ о контролѣ надъ занятіями студентовъ, представить Совѣту на утвержденіе слѣдующія двѣ новыя мѣры: 1) сверхъ нынѣ существующаго изъ извѣстныхъ предметовъ по историко-филологическому факультету полукурсоваго испытанія, включить въ составъ сего послѣдняго также написаніе каждымъ безъ исключенія студентомъ всѣхъ трехъотдѣленій,—русскаго сочиненія на заданную тему, въ присутствіи факультета; причемъ принять для означенія достоинства такихъ сочиненій только двѣ отмѣтки: „удовлетворительно" и „неудовлетворительно"; отмѣтки эти не считать за отмѣтки, имѣющія силу для окончательнаго испытанія, но объусловить полученіемъ оныхъ право (каждаго студента историко-филологическаго факультета) на переходъ изъ втораго курса на третій, такъ что получившій отмѣтку „неудовлетворительно" остается еще одинъ годъ на второмъ курсѣ. 2) Принять за правило на будущее время, чтобъ при представленіяхъ историко-филологическимъ факультетомъ къ стипендіямъ, пособіямъ или освобожденіямъ отъ платы за слушаніе лекцій студентовъ первыхъ четырехъ семестровъ, вмѣнять имъ въ обязанность предварительно, въ какое бы то ни было учебное время, написать русское сочиненіе на заданную тему, въ присутствіи факультета или назначеннаго симъ послѣднимъ профессора, и только въ случаѣ полученія удовлетворительной отмѣтки давать ходъ представленіямъ объ нихъ въ совѣтъ.

„Если совѣтъ признаетъ предлагаемыя мѣры умѣстными, то факультетъ имѣетъ честь просить утвердить ихъ, съ тѣмъ чтобъ онѣ вошли въ силу съ начала будущаго академическаго года".

„Опредѣлили: просить ходатайства г. попечителя кіевскаго учебнаго округа объ утвержденіи вышесказанныхъ мѣръ испытанія студентовъ историко-филологическаго факультета".

Мы привели текстъ самаго постановленія, отказываясь отъ всякихъ коментарій; дѣло, какъ это ясно видно, въ томъ, что между студентами столько безграмотныхъ, что это обстоятельство обратило вниманіе совѣта университета и вызвало вышеприведенное постановленіе. Мѣра принимаемая, совѣтомъ относится къ числу пальятивныхъ; слѣдовало бы, во избѣжаніе замѣченныхъ фактовъ, принять болѣе радикальную, а именно—озаботиться, чтобы гимназіи не выпускали съ аттестатами учениковъ, не умѣвшихъ въ теченіи семилѣтняго курса достаточно усвоить орѳографію родного языка. Не можемъ кстати

не привести здѣсь нѣкоторыя изъ правилъ для студентовъ историко-филологическаго института, такъ каждый день, послѣ утренней молитвы, читается въ Институтѣ Евангеліе на *греческомъ* языкѣ; студентамъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность „постоянно заботиться о чистотѣ тѣла", которая есть одинъ изъ признаковъ благовоспитаннаго человѣка; при отлучкѣ изъ института студентъ обязанъ увѣдомить дежурнаго наставника и получить отъ него марку, которая при выходѣ отдается швейцару; посѣщеніе такихъ общественныхъ заведеній, въ которыхъ студенты легко могутъ уронить свое нравственное достоинство, имъ воспрещается. Вѣроятно между студентами филологическаго института замѣчены какія либо особыя безобразія, которыя и вызвали подобныя правила; не болѣе ли будетъ дѣло гарантировано, если поднять нравственный уровень, тогда не придется назначать взысканія, такъ студенты могутъ подвергнуться: 1) замѣчаніямъ и выговорамъ со стороны наставниковъ, инспектора и директора; 2) лишенію права отлучаться изъ института; 3) выговору директора отъ лица всей конференціи и въ ея присутствіи, съ предостереженіемъ, что въ случаѣ неисправленія, студентъ подвергнется исключенію изъ института; 4) исключенію изъ института, по представленію конференціи и съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія. Отъ филологическаго института недалекъ, повидимому, переходъ и къ университету; впрочемъ на нынѣшній разъ онъ очень далекъ, потому что мы имѣемъ въ виду говорить не о петербургскомъ университетѣ, который находится рядомъ съ институтомъ, а опять о кіевскомъ. Мы считаемъ долгомъ упомянуть въ нашихъ замѣткахъ о поднесеніи М. А. Максимовичу членами университета Св. Владиміра диплома на званіе доктора славяно-русской филологіи. 6-го сентября было юбилейнымъ днемъ этого извѣстнаго литератора и ученаго. Ректоръ и деканы кіевскаго университета поднесли ему дипломъ, причемъ Н. Х. Бунге произнесъ слѣдующую рѣчь: „Совѣтъ университета поручилъ мнѣ и моимъ товарищамъ привѣтствовать васъ съ исполненіемъ пятидесятилѣтія вашей учено-литературной дѣятельности и поднести вамъ дипломъ, свидѣтельствующій о томъ, что университетъ, который всегда былъ дорогъ сердцу вашему, всегда высоко цѣнитъ ваши труды и ваши заслуги на поприщѣ науки и отечественной словесности". Затѣмъ представители общества естествоиспытателей—Н. А. Хржонщевскій, Я. Я. Вальцъ и П. И. Перемежко—поднесли юбиляру дипломъ на званіе почетнаго члена общества. Въ числѣ прибывшихъ съ поздравленіями былъ М. В. Юзефовичъ, ректоръ духовной академіи. Интересы науки у насъ дороги, къ сожалѣнію, весьма ограниченному числу лицъ, тогда какъ въ другихъ государствахъ юбилей ученаго обращается чуть ли не въ національное торжество; тѣмъ большей похвалы заслуживаетъ университетъ, отнесшійся съ полнымъ уваженіемъ къ заслугамъ ученаго и почтившій его поднесеніемъ высшей ученой степени.

Въ Дерптѣ, гдѣ многіе совсѣмъ незнакомы съ произведеніями нашихъ писателей, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей", основана, по иниціативѣ русскихъ студентовъ, русская библіотека, которой, кромѣ студентовъ, пользуются всѣ желающіе ознакомиться съ русскою литературой. Это тѣмъ полезнѣе, что нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей, не отличающіеся знакомствомъ даже съ нашими лучшими писателями, въ самомъ дѣлѣ считаютъ насъ, если не за варваровъ, то за невѣждъ большой руки. Впрочемъ мы не бѣдны дѣйствительно, фактами, свидѣтельствующими о нашемъ невѣжествѣ и какъ одинъ изъ нихъ, я позволю себѣ привести отрывокъ изъ письма изъ Москвы

въ которомъ г. Уваданъ говоритъ между прочимъ объ образованіи народа въ подмосковныхъ селеніяхъ. Вотъ этотъ отрывокъ:

„По части народнаго образованія здѣсь пока сдѣлано весьма мало, если вообще что-нибудь сдѣлано. Цѣлыя деревни и села остаются безъ школъ; въ цѣлыхъ селеніяхъ, состоящихъ изъ ста и болѣе душъ, нельзя найти двухъ-трехъ грамотныхъ, а есть и такія, гдѣ не встрѣтишь ни одного грамотнаго не только изъ взрослыхъ, но даже изъ мальчиковъ. Замѣтьте, это въ *подмосковныхъ* селеніяхъ, гдѣ на предметъ народнаго образованія земствомъ обращается больше вниманія, чѣмъ въ какихъ-нибудь селеніяхъ Костромской или Вологодской губерній. Въ с. Пушкинѣ есть школа, но эта школа имѣетъ характеръ совершенно частный, фабричный, и содержится на счетъ фабриканта г. Армана; чтобъ попасть въ эту школу, нужно взять записку изъ конторы г. Армана. Въ с. Куровѣ (верстахъ въ девяти отъ Пушкинской станціи ярославской желѣзной дороги) учитъ ребятокъ о. дьяконъ; по зимамъ въ школу собирается до 50 ч. и учитель получаетъ за каждаго ученика по два рубля въ годъ. Въ этой школѣ обучаются чтенію и письму; методъ обученія—если это слово здѣсь умѣстно употребить—самый допотопный: учатъ съ азъ, буки. Читаютъ мальчуганы такъ убійственно и невыносимо, что просто слышать нѣтъ возможности: всякіе знаки препинанія игнорируются, мальчикъ читаетъ какимъ-то заунывнымъ и однообразнымъ голосомъ постоянно спотыкаясь и повторяя одно и то же слово по нѣсколько разъ. О письмѣ—и говорить здѣсь нечего: оно ниже всякой критики. Само собою разумѣется, что, при такомъ ходѣ школьнаго образованія, не можетъ быть и помина объ умственномъ или нравственномъ развитіи мальчика, благодѣтельномъ вліяніи школы... Да, впрочемъ, чего и требовать: одинъ учитель на 50—60 человѣкъ!.. А между тѣмъ знаніе крестьянину такъ необходимо, запросъ на него со стороны жизни чувствуется съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе“.

Какъ видите, читатель, дѣло народнаго образованія не вездѣ обстоитъ благополучно и—обстоитъ неблагополучно подъ самой Москвой: не смотря на то, что въ этомъ сердцѣ существуетъ даже лицей Каткова, позднѣйшій плодъ древнѣйшей цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ фактъ многознаменательный и чрезъ какіе очки на него не смотри—дѣло выходитъ не хорошо. Перейдемъ къ здѣшнему духовному училищу. По словамъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, на второмъ засѣданіи епархіальнаго съѣзда, происходившемъ 11-го сентября, прочитана была записка о состояніи училища, составленная членами правленія отъ духовенства. Изъ этой записки оказалось, что училище хотя и значительно улучшилось сравнительно съ временемъ г. Мансветова, сдѣлавшагося памятнымъ для этого заведенія, нуждается еще во многихъ усовершенствованіяхъ. Экзамены показали, что успѣхи учениковъ особенно слабы, между прочимъ, въ русскомъ языкѣ. По объясненію преподавателей, это обстоятельство зависитъ отъ того, что весьма много часовъ въ недѣлю поглощается древними языками, а для преподаванія русскаго языка назначено самое скромное число часовъ; въ одномъ, напр., классѣ назначенъ въ недѣлю *одинъ* часъ для русскаго языка. Съѣздъ, еще въ третьемъ году, призналъ весьма уважительнымъ это обстоятельство, и тогда же положилъ ходатайствовать объ уменьшеніи числа часовъ для латинскаго и греческаго языковъ и увеличеніи числа часовъ для языка отечественнаго. Но на это ходатайство не послѣдовало, какъ говорили намъ, никакого отвѣта. Въ прошломъ году это ходатайство

снова было возобновлено съѣздомъ, но полученъ былъ отвѣтъ, что представляется неудобнымъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ объ измѣненіи программы училища, пока опытъ не дастъ болѣе положительныхъ и очевидныхъ доказательствъ, что неуспѣхи учениковъ училища по русскому языку находятся въ тѣсной зависимости отъ принятой въ училищѣ программы. Нынѣ съѣздъ постановилъ въ третій разъ ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ объ увеличеніи числа уроковъ по русскому языку на счетъ древнихъ языковъ, для которыхъ назначено слишкомъ много уроковъ, тогда какъ для русскаго положенъ въ четвертомъ классѣ всего только одинъ урокъ въ недѣлю.

Неудобство такого распредѣленія учебнаго времени, полагаемъ, ясно; это неудобство ощущается и преподавателями, которые выражали, что если ходатайство съѣзда не будетъ уважено, они готовы заниматься съ учениками русскимъ языкомъ въ свободное отъ классовъ время.

Приведенная нами замѣтка изъ „Петерб. Вѣдомостей“ вызвала потокъ негодованія со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“ и по этому поводу завязалась цѣлая полемика, отъ которой мы избавимъ нашихъ читателей.

Московская Духовная Академія, праздновавшая недавно годичный актъ, пережила преобразованіе—введеніе новаго устава, почему въ ней образовались первый и третій курсы, съ тремя разрядами въ каждомъ: богословскимъ, церковно-историческимъ и церковно-практическимъ. Всѣхъ штатныхъ преподавателей къ концу учебнаго года состояло 25 человѣкъ, студентовъ на первомъ и третьемъ курсахъ—94.

Для всѣхъ курсовъ назначено новыхъ 11 каѳедръ, изъ которыхъ нѣкоторыя открыты для двухъ курсовъ; сверхъ того, вмѣсто закрытой каѳедры математическихъ наукъ, открыто преподаваніе естественно-научной апологетики. По окончаніи трехъ-годичнаго курса трое изъ учащихся выпущены со званіемъ дѣйствительнаго студента, прочіе перешли на четвертый курсъ. Въ теченіе учебнаго года отъ воспитанниковъ Академіи, рекомендованныхъ на преподавательскія ваканціи въ семинаріяхъ, наставники Академіи выслушали 132 пробныя лекціи. Мы приводимъ лишь крупнѣйшіе факты изъ вышеупомянутаго извлеченія, желающіе же подробнѣе ознакомиться съ нимъ могутъ обратиться къ Москов. Вѣдомостямъ, изъ которыхъ мы и заимствовали эти свѣдѣнія. Дѣла нашей Академіи Наукъ волнуютъ не только впечатлительную журналистику, но заставляютъ и наше весьма спокойное общество безпокоиться, дѣлиться на партіи и т. п. Я говорю объ Академіи Наукъ по поводу слуха объ предстоящемъ избраніи въ адъюнкты г. Пыпина. Слухъ этотъ произвелъ столь сильное впечатлѣніе на „Голосъ“ и „Московскія Вѣдомости“, забывшихъ о его заслугахъ что вызвалъ Петербургскія Вѣдомости на статью въ 288 нумерѣ, въ которой перечислены труды почтеннаго ученаго.

Общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ открыло 10 октября первую колонію близъ Петербурга. По этому поводу г. Рагозинъ опубликовалъ слѣдующія свѣдѣнія объ окончаніи работъ въ колоніи: „Выкорчевано около 5-ти десятинъ лѣсу, часть котораго пошла на постройки, а остальной распиленъ на дрова, проведена дорога отъ рябовскаго шоссе вплоть до колоніи, въ 3 саж. ширины, на разстояніи болѣе версты, и возведены слѣдующія строенія: два двухъ-этажные дома для колонистовъ, одинъ двухъ-этажный домъ для служащихъ при ко-

лоніи, кухня съ прачешной, баня, изба для рабочихъ, конюшня на 12 стойлъ, сарай и кузница".

„Изъ 29,316 руб. 10 коп., поступившихъ въ кассу Общества по 5-е октября сего года, израсходовано уже 15,812 руб. 19 коп. и потребуется еще уплатить за предпринятыя работы около 5,000 руб., такъ что въ наличности останется не болѣе 8,500 руб. Между тѣмъ Обществу предстоитъ для окончательнаго устройства колоніи построить еще 10 домовъ для колонистовъ, домъ для служащихъ, школу и мастерскую. Понятно, что остающейся суммы далеко не хватитъ на исполненіе всѣхъ этихъ работъ, и Общество принуждено будетъ постепенно развивать дѣло, по мѣрѣ накопленія средствъ, путемъ пожертвованій, которыя постоянно поступаютъ въ кассу изъ всѣхъ городовъ Россіи и въ особенности отъ лицъ, служащихъ по судебному вѣдомству, естественно сочувствующихъ цѣли Общества.

„Въ настоящее время колонія будетъ открыта на 15 мальчиковъ, къ будущему же лѣту будетъ заготовленъ лѣсъ изъ дачи колоніи и выстроятся еще 2 или 3 дома для колонистовъ, смотря по средствамъ, затѣмъ къ слѣдующему лѣту еще 2 дома и т. д., пока колонія не въ состояніи будетъ принять къ себѣ 200 дѣтей. Параллельно съ развитіемъ колоніи будетъ развиваться и ремесленный пріютъ, необходимый для дѣтей изъ городскаго сословія. Пріютъ, какъ сказано въ уставѣ колоніи, впредь до увеличенія средствъ Общества, учреждается при колоніи, а потому на первое время воспитанники пріюта будутъ размѣщаться въ колоніи же, въ особыхъ только домахъ и подъ особымъ надзоромъ спеціально назначеннаго для того лица. Это соединеніе колоніи съ пріютомъ значительно облегчитъ задачу—принимать всѣхъ дѣтей, принадлежащихъ какъ къ городскому, такъ и сельскому сословіямъ и укажетъ на будущій размѣръ колоніи и пріюта подъ Петербургомъ. Намъ остается понадѣяться, что люди, такъ сочувственно отозвавшіеся на призывъ Общества, поддержатъ начатое дѣло и дадутъ ему средства вполнѣ установиться".

При открытіи, не смотря на дурную погоду и отдаленность колоніи отъ города, присутствовало значительное число лицъ, интересующихся судьбою новаго учрежденія. Такое сочувствіе вполнѣ оправдываетъ надежду, высказанную г. Рагозинымъ, и, по всей вѣроятности, дѣла колоніи, при сочувствіи публики, пойдутъ хорошо и принесутъ ту пользу, которую ожидаетъ отъ нея все образованное общество.

Благотворительное Общество, существующее при Обуховской больницѣ, обратило вниманіе на тѣхъ несчастныхъ дѣтей, родители которыхъ лежатъ больными или умираютъ въ названной больницѣ, оставляя ихъ безъ всякихъ средствъ къ жизни. Благотворительное Общество открываетъ для нихъ пріютъ и, какъ слышно, уже собрало для этой цѣли 40,000 рублей. Дѣло подвигается впередъ: нанято уже и помѣщеніе, открытіе ожидается въ ноябрѣ. Въ пріютѣ будутъ не только давать общее образованіе, но и обучать различнымъ ремесламъ, которыя могли бы обезпечить будущимъ питомцамъ честный кусокъ хлѣба. Въ Харьковѣ возникла тоже мысль объ учрежденіи пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ и съ этою цѣлью присяжные засѣдатели втораго періода третей четверти пожертвовали 24 сентября 101 р. 50 к. По всей вѣроятности, мысль эта будетъ сочувственно встрѣчена харьковскими жителями и вскорѣ пожертвованія дадутъ возможность осуществиться предположеніямъ почтенныхъ присяжныхъ.

Преступленіе—это общественная болѣзнь, для освобожденія отъ которой необходимо поднятіе какъ умственнаго, такъ и экономическаго уровня народа. Бѣдность и невѣжество порождаютъ такія явленія, ближайшія причины которыхъ часто ускользаютъ отъ вниманія ихъ изслѣдующаго. Трудно винить въ преступленіи дѣтей, не получившихъ никакого воспитанія, не имѣющихъ правильнаго понятія даже о религіи, которую они исповѣдуютъ. Они продуктъ общественной нравственности и общественнаго развитія; общество, невоспитавшее своихъ малолѣтнихъ членовъ, не имѣетъ права ограничиваться одними репрессаліями, оно должно принять радикальныя мѣры исправленія и изъ дѣтей-преступниковъ сдѣлать честныхъ и полезныхъ гражданъ. Такъ, полагаемъ, смотрѣли на дѣло харьковскіе присяжные, понявшіе, что во многихъ случаяхъ слѣдуетъ не осуждать только, а озаботиться объ исправленіи нравственно-больныхъ дѣтей. Мысль о парализующемъ вліяніи школъ на преступленія не разъ была высказываема и въ государственныхъ учрежденіяхъ и въ печати. Остается только желать, чтобъ убѣжденіе въ необходимости исправленія малолѣтнихъ преступниковъ, и вообще образованія какъ можно глубже проникло въ сознаніе общества и способствовало созданію необходимыхъ воспитательныхъ учрежденій. Насъ въ высшей степени радуетъ всякое извѣстіе, говорящее въ пользу того, что въ обществѣ находятся дѣятели, посвящающіе свои труды распространенію образованія. Въ Петербургѣ существуетъ при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ Комитетъ Грамотности, главная дѣятельность котораго заключается въ безплатномъ снабженіи книгами бѣднѣйшихъ школъ. Въ послѣднемъ засѣданіи Комитета А. Ѳ. Погосскій сдѣлалъ сообщеніе „объ изданіи избранныхъ народныхъ произведеній А. С. Пушкина и о распространеніи этой книги въ народѣ, продажею ея по дѣйствительной стоимости изданія“. Памятникъ великому поэту, по мнѣнію докладчика, уже воздвигнутъ имъ самимъ: это его произведенія; слѣдуетъ только открыть его народу, для чего онъ предполагаетъ обратиться къ публикѣ, которая, безъ сомнѣнія, сочувственно отнесется къ этому дѣлу и доставитъ средства, необходимыя на это изданіе. Комитетъ Грамотности, выслушавъ докладъ А. Ѳ. Погосскаго и не входя въ подробности его проэкта, постановилъ: 1) въ виду предположенія воздвигнуть памятникъ Пушкину, Комитету слѣдуетъ принять на себя иниціативу по изданію избранныхъ его сочиненій; 2) войти въ сношеніе по этому вопросу съ издателемъ-собственникомъ произведеній Пушкина, Я. А. Исаковымъ; 3) составить къ ноябрьскому засѣданію проэктъ обращенія по этому поводу къ публикѣ. Безъ сомнѣнія, мысль эта будетъ вполнѣ раздѣлена и земствомъ, которое окажетъ дѣлу матеріальную поддержку; мы высказали это предположеніе въ виду заявленія одного изъ земскихъ дѣятелей, прибывшаго въ засѣданіе Комитета. Въ самомъ дѣлѣ дать хорошія книги въ руки грамотному крестьянину крайне необходимо, а въ числѣ ихъ, полагаемъ, почетное мѣсто принадлежитъ и произведеніямъ нашего великаго поэта, который въ большинствѣ случаевъ народенъ. Успѣшное распространеніе книгъ находится въ прямой зависимости отъ почтоваго тарифа, который съ 1 января имѣетъ быть значительно повышенъ. При Комитетѣ составилась особая коммиссія „для изысканія лучшихъ способовъ распространенія полезныхъ книгъ въ народѣ“ и первымъ вопросомъ надъ которымъ ей пришлось остановиться былъ, конечно, вопросъ о новой почтовой таксѣ. Коммиссія, разсмотрѣвъ

всесторонне это дѣло, пришла къ заключенію о необходимости просить Комитетъ Грамотности войти съ немедленнымъ ходатайствомъ объ отмѣнѣ новыхъ правилъ, тѣмъ болѣе, что тяжесть ихъ прежде всего обратилась бы на книги народныя, какъ наиболѣе дешевыя. Для народныхъ журналовъ новая такса чрезмѣрно тяжела: подписная ихъ цѣна простирается отъ одного рубля до четырехъ; по разсчету коммиссіи, эти изданія будутъ платить не по 8% и 12%, какъ это установлено для журналовъ болѣе дорогихъ, выходящихъ одинаковое съ ними число разъ въ мясяцъ, а по 25% и по 60%. Вопросъ о пониженіи почтовой таксы на журналы и книги желателенъ въ высшей степени, потому что высокая такса будетъ имѣть весьма гибельное вліяніе на успѣшное распространіе книгъ въ народѣ, а слѣдовательно—и на его образованіе. Весьма интересныя библіографическія свѣдѣнія, относительно появившихся на русскомъ языкѣ книгъ, находятся въ „календарѣ для всѣхъ за 1872". Съ іюля 1870 г. до августа 1871 г. появилось 1359 сочиненій, распредѣляющихся по отдѣламъ слѣдующимъ образомъ: по богословскому—85 сочиненій, философіи—9, педагогикѣ—21, дѣтской литературѣ—83, правовѣдѣнію, политической экономіи и торговлѣ—133, технологіи, домашнему и сельскому хозяйству—109, желѣзно-дорожному дѣлу, водяныхъ путей и телеграфу—15, исторіи—118, географіи, этнографіи, картографіи, статистики и путешествій—62, математикѣ—72, военныхъ и морскихъ наукъ—40, естествовѣдѣнію—88, врачебнымъ наукамъ—91, искуствамъ—29, словесности—242, языкознанію—153, справочныхъ книгъ и пр.—9, изъ нихъ оригинальныхъ 1,047, а переводныхъ 313. Большинство книгъ вышло въ центрахъ интелигентной жизни: въ Петербургѣ—822 и въ Москвѣ—392. Относительно книжнаго дѣла мы можемъ сообщить, что недавно Императорская Публичная Библіотека пріобрѣла одну весьма рѣдкую книгу—собраніе документовъ на испанскомъ языкѣ, относящихся до жизни и публичной дѣятельности Симона Боливара, напечатанныхъ въ Каракасѣ, въ 1826—1833 годахъ. Изданіе это столь рѣдко, что Петербургскія Вѣдомости, сообщая объ этомъ, насчитываютъ всего четыре экземпляра, одинъ принадлежитъ дармштатской библіотекѣ, другой—библіотекѣ св. Женевьевы въ Парижѣ, третій—британскому музею въ Лондонѣ и четвертый, пріобрѣтенный нашей Публичной Библіотекой. Собраніе книгъ въ нашей Публичной Библіотекѣ даетъ возможность появленію многихъ работъ и способствуетъ образованію массы, ее посѣщающей; въ провинціи, къ сожалѣнію, далеко не вездѣ имѣются подобныя учрежденія, хотя польза ихъ и признается. Въ Херсонѣ, сообщаютъ мѣстныя губернскія вѣдомости, дѣло объ учрежденіи городской общественной библіотеки близко къ осуществленію. На 10 октября было назначено первое собраніе членовъ-учредителей, для окончательнаго обсужденія редакціи устава и составленія каталога книгъ для первой выписки. Желательно только чтобъ будущіе распорядители библіотеки позаботились, чтобъ дѣло пошло раціонально, а то, пожалуй, можетъ повториться весьма обыкновенная исторія—книги будутъ стоять безъ употребленія и въ городѣ на вопросъ: гдѣ общественная библіотека—будутъ отвѣчать, что библіотека кажись есть, а гдѣ находится неизвѣстно и книгъ изъ нея не выдается. У насъ подобныя вещи случались. Провинція нуждается въ чтеніи чуть ли не болѣе столицы; необходимость провинціальныхъ изданій также весьма сильно ощущается, до сихъ поръ въ губернскихъ городахъ издаются только казенныя губернскія вѣдомости, редактируемыя губернскими чиновниками. Исключеній въ этомъ случаѣ весьма мало.

Слишкомъ много существуетъ причинъ, неблагопріятно вліяющихъ на развитіе въ провинціи книжно-издательскаго и журнальнаго дѣла. Необходимость самостоятельныхъ провинціальныхъ органовъ печати сознается и городскими общественными учрежденіями, такъ Курская Дума недавно приняла предложеніе П. А. Устимовича объ изданіи съ будущаго года „Курской городской газеты", подписная цѣна которой предполагается 2 рубля.

Потребность въ образованіи сказывается всюду, во всѣхъ слояхъ общества и стремится найти исходъ. Извѣстно, что уже два года читаются профессорами здѣшняго университета публичныя лекціи, большинство посѣщающихъ которыя составляютъ женщины. Въ нынѣшнемъ учебномъ году будутъ читать такіе курсы, между прочими профессора Ціонъ и Бестужевъ-Рюминъ. Лекціи эти обыкновенно по своему изложенію доступны большинству, получившему какое либо образованіе, поэтому мы не можемъ не пожелать имъ и на этотъ разъ полнаго успѣха. Вотъ программа лекцій профессора Бестужева-Рюмина по исторіи древней Руси, заимствованная нами изъ газетъ:

Понятіе объ исторіи.—Источники и пособія.—Славяне, ихъ образъ жизни и вѣрованія.—Инородцы.—Варяжская дружина.—Первые князья.

Принятіе христіанства.—Вліяніе христіанства и византійской образованности.

Очеркъ географіи Руси удѣльной.—Исторія княжествъ.—Бытъ Руси въ періодъ удѣльный.—Татары.—Судьба Руси западной и восточной до основанія великихъ княжествъ московскаго и литовскаго.—Новгородъ и особенности его бытовыхъ основъ.

Великое княжество московское.—Иванъ Даниловичъ и его дѣти: Дмитрій Ивановичъ, Василій Дмитріевичъ, Василій Васильевичъ.

Бытъ Руси восточной въ періодъ татарскій.—Западная Русь подъ властью литовской.—Ягелло.—Соединеніе Литвы съ Польшею.

Иванъ Васильевичъ: удѣлы, Новгородъ, татары, сношеніе съ западомъ, борьба съ Литвою, дѣла семейныя.—Василій Ивановичъ.—Иванъ Васильевичъ Грозный: казни, Ливонія, опричина, Баторій.—Ѳеодоръ Ивановичъ.—Смутное время.—Русь восточная въ XVI вѣкѣ.—Характеристика управленія общества и просвѣщенія.

Русь западная.—Стремленіе полонизировать.—Статутъ.—Унія политическая; унія религіозная.—Казаки.

Въ Москвѣ также организованы публичныя чтенія, которыя идутъ весьма хорошо; обращаясь къ провинціи, мы съ удовольствіемъ можемъ сказать, что въ Кіевѣ помощникъ попечителя кіевскаго учебнаго округа, М. А. Туловъ взялъ на себя трудъ прочесть двѣ публичныя лекціи „объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбукѣ". Корреспондентъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей сообщаетъ по этому поводу слѣдующее:

„Почтенный лекторъ старался, прежде всего, выяснить важность правильнаго рѣшенія вопроса объ элементахъ человѣческой рѣчи для общей и русской грамматики. До-сихъ-поръ, по словамъ г. Тулова, ни одна русская грамматика не представила удовлетворительной классификаціи звуковъ, а неправильное пониманіе звуковъ ввело ложь въ объясненіе этимологическихъ формъ. Такъ, въ нашихъ грамматикахъ принято дѣлить гласные звуки на твердые (*а, у*) и мягкіе (*я, ю*); на этомъ основаніи и склоненіе какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ раздѣлили на твердое (*ъ, ый*) и мягкое (*ь, ій*). Между тѣмъ, мягкихъ гласныхъ звуковъ не существуетъ ни въ одномъ языкѣ,

не исключая и русскаго: въ языкѣ есть твердые и мягкіе согласные звуки, а не гласные. Въ словахъ—*стола* и *корабля* конечный гласный звукъ одинъ и тотъ же (*а*), но предпослѣдній звукъ *л* въ словѣ—*стола* твердый, а въ словѣ—*корабля* мягкій. Такимъ образомъ наши грамматисты безъ нужды и безъ всякаго основанія усложнили систему склоненій, взявъ за основу дѣленія ихъ собственно не окончанія, а предпослѣдніе твердые и мягкіе согласные звуки. Ошибка ихъ состояла въ томъ, что они начертаніе (*я*, *ю*) приняли за самый звукъ, который въ сущности тожественъ съ *а* и *у*, но представляется самостоятельнымъ звукомъ вслѣдствіе сосѣдства съ мягкими согласными. Впрочемъ, начертаніе звуковъ не однихъ насъ ввело въ заблужденіе: нѣмцы также долго думали, что *sch* (ш) и *tsch* (ч)—сложные звуки, между тѣмъ какъ положительно извѣстно что звуки *ш* и *ч*—такіе же простые, какъ *с*, *ц* и т. п. Послѣ вступленія, М. А. Туловъ перешелъ къ разсмотрѣнію звуковъ человѣческой рѣчи съ физической, физіологической и филологической точекъ зрѣнія. Разсматривая звукъ вообще, какъ предметъ физики, почтенный ректоръ обратилъ вниманіе на его *силу*, зависящую отъ широты колебанія частицъ воздуха,—на его *высоту*, какъ результатъ большаго или меньшаго числа колебаній въ извѣстную единицу времени, и—на *тембръ*, какъ качество звуковъ, зависящее, по теоріи проф. Гельмгольца, отъ формы волнъ воздуха. „При этомъ было обращено вниманіе на созвучные или подобные тоны. Въ заключеніе лекціи г. Туловъ только слегка коснулся“ ученія о звукѣ, какъ физіологическомъ актѣ, приведя при этомъ высказанное Максомъ Мюллеромъ сравненіе голосовыхъ связокъ (chordae vocales) съ сотрясающимся аппаратомъ кларнета, а различныхъ положеній рта и дыхательнаго пути съ внѣшнею или наставною трубой.

Во второй публичной лекціи, М. А. Туловъ указавъ на органическую связь мышленія съ членораздѣльностью звуковъ человѣческой рѣчи, приступилъ къ ученію о гласныхъ и согласныхъ звукахъ. Почтенный лекторъ сначала показалъ различіе между ними въ акустическомъ отношеніи, какъ между тономъ и шумомъ, а потомъ, разсматривая тѣ и другіе звуки съ физіологической точки зрѣнія, обратилъ вниманіе на дѣятельность гортани и устъ въ образованіи гласныхъ и согласныхъ звуковъ. Въ частности, излагая ученіе о гласныхъ звукахъ, онъ, прежде всего, выяснилъ зависимость видоизмѣненій гласныхъ звуковъ—*а*, *о*, *у*, *э*, *и*, отъ положенія языка и губъ, при выходѣ голоса изъ глубины груди наружу. Съ этой точки зрѣнія показано было различіе между *и* и *э*, какъ результатъ повышенія или пониженія языка, и различіе между *а*, *о*, *у*, какъ слѣдствіе удлиненія или укорачиванья трубы губъ. При этомъ было замѣчено, что, по теоріи *Гельмгольца*, различіе въ характерѣ гласныхъ звуковъ, какъ и измѣненіе тембра инструментовъ, зависитъ отъ присутствія въ тѣхъ или другихъ гласныхъ разныхъ побочныхъ тоновъ (Obertöne). Упомянуто также было и объ извѣстномъ опытѣ Гельмгольца надъ камертонами, издававшими чистые гласные звуки. Въ опроверженіе стараго мнѣнія о связи различія между гласными съ большею или меньшею высотою ихъ тона, г. Туловъ указалъ на возможность произнесенія гласныхъ звуковъ шопотомъ, такъ какъ измѣненія въ тонѣ зависятъ собственно отъ большей или меньшей степени напряженія голосовыхъ струнъ, вовсе не принимающихъ участія въ звукахъ, образуемыхъ шопотомъ. Послѣ этого, онъ обратился къ системѣ гласныхъ звуковъ. Всѣ филологи представляли ее въ видѣ пирамиды, основаніемъ которой служатъ звуки *а*, *о*, *у*, а вершиной *э* и *и*. Для примѣра пред-

ставлены пирамиды Дюбуа-Рэмана и проф. *Хладнаго*. Но самъ г. Туловъ признаетъ болѣе справедливымъ изображать систему гласныхъ звуковъ въ формѣ двухъ сторонъ треугольника, вершину котораго составляетъ звукъ *а*, одна изъ сторонъ изображаетъ движеніе гласныхъ отъ *а* къ *у*, т. е. тѣхъ гласныхъ, которая образуются вслѣдствіе большаго или меньшаго удлиненія трубы губъ, а другая представляетъ собою движеніе гласныхъ отъ *а* къ *и*, т. е. гласныхъ образующихся вслѣдствіе большаго или меньшаго повышенія языка.—Между тѣмъ какъ число основныхъ гласныхъ звуковъ, при незначительныхъ видоизмѣненіяхъ, во всѣхъ языкахъ остается неизмѣннымъ, согласные звуки, по словамъ г. Тулова, въ различныхъ языкахъ представляютъ чрезвычайное разнообразіе, такъ что почти каждое племя имѣетъ свою особую азбуку согласныхъ звуковъ. Такъ нѣкоторыя изъ американскихъ племенъ не выговариваютъ ни одного губнаго звука; жители острововъ Товарищества не произносятъ гортанныхъ звуковъ; китайскому языку чужды звуки *д* и *р*; въ славянскомъ и санскритскомъ языкахъ нѣтъ звука *ф*. При этомъ, какъ на отличительную особенность славянской рѣчи, почтенный филологъ указалъ на смягченіе согласныхъ: у насъ, говорилъ онъ, двѣ азбуки, потому что каждый согласный звукъ у насъ имѣетъ два выговора—твердый и мягкій: *кровъ* и кровь, *братъ* и *братъ*, *гладъ* и *гладь*, *былъ* и *быль*. Въ довершеніе картины отличныхъ особенностей, представляемыхъ согласными звуками различныхъ языковъ, онъ упомянулъ объ особенныхъ согласныхъ въ языкѣ негровъ: тутъ есть четыре согласныхъ звука, образуемыхъ не посредствомъ выдыханія воздуха изъ легкихъ, а наоборотъ—посредствомъ втягиванія воздуха внутрь груди, и похожихъ на причмокиванье и прищолкиванье. Возможно ли, послѣ этого—спрашивалъ г. Туловъ—начертать общую систему элементарныхъ звуковъ человѣческой рѣчи? Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, лекторъ счелъ нужнымъ коснуться ученія объ общемъ и индивидуальномъ въ языкѣ, и старался доказать, что языкъ есть выраженіе національной индивидуальности и въ строеніи своемъ подчиненъ не обще-человѣческой логикѣ, а духу націи. Въ подтвержденіе общихъ положеній было представлено нѣсколько фактическихъ доказательствъ".

Къ сожалѣнію, замѣчаетъ корреспондентъ, на ученой лекціи г. Тулова слушателей было очень мало, изъ чего онъ заключаетъ, что кіевскую публику мало интересуютъ научные вопросы. Явленіе это дѣйствительно странно потому что Кіевъ принадлежитъ къ числу городовъ съ наиболѣе развитымъ населеніемъ, а во вторыхъ, имя г. Тулова уже по его офиціальному положенію хорошо извѣстно кіевской публикѣ. Впрочемъ у насъ вездѣ публика довольно сонна, почему же ей не быть такой въ Кіевѣ?

Вотъ нѣмцы другое дѣло; въ Ригѣ, по словамъ одного изъ тамошнихъ корреспондентовъ, существуетъ множество такъ называемыхъ ферейновъ съ разными цѣлями и направленіями. Что ни рижанинъ, то членъ какого либо ферейна. Не мѣшало бы и намъ развить въ себѣ большую наклонность къ общественной жизни и самимъ заботиться о своихъ интересахъ, а не ждать всегда иниціативы внѣ себя.

Въ Ригѣ существуетъ между прочимъ Общество ремесленниковъ „Gewerbevereiп", которое, въ виду доставленія своимъ членамъ возможности дополнить свое образованіе, учредило воскресную школу для взрослыхъ, которая успѣла достичь довольно удовлетворительныхъ результатовъ. Вслѣдъ за этимъ Обществомъ и Латышское Общество открыло такую же школу, въ которой

преподаются: латышскій языкъ, письмо, ариѳметика, географія, естествовѣдѣніе и геометрія. Образовательное значеніе театра также понято этимъ Обществомъ: по словамъ „Петербург. Вѣд.“, и подъ управленіемъ опытнаго и способнаго актера, родомъ тоже латыша, латышскій театръ все болѣе и болѣе совершенствуется и дѣлается популярнымъ. Теперь не только въ Ригѣ, Митавѣ и въ мелкихъ городахъ Лифляндіи и Курляндіи бываютъ театральныя представленія на латышскомъ языкѣ, но при всякомъ удобномъ случаѣ— въ деревнѣ, въ сельскихъ школьныхъ зданіяхъ, корчмахъ и т. д.

Соразмѣрно съ распространеніемъ среди латышскаго народонаселенія наклонности къ театральнымъ представленіямъ, образовалась и развивалась латышская театральная литература. Въ этой области производительность была въ послѣднее время самая плодовитая, такъ что почти большинство въ послѣднее время изданныхъ на латышскомъ языкѣ сочиненій и книгъ принадлежитъ къ этой области литературы. Хотя бо́льшую часть произведеній по этой части составляютъ переводы съ нѣмецкаго и русскаго языковъ, но бываютъ и оригинальныя произведенія между ними, и сочиненія въ пяти дѣйствіяхъ. Любопытно, что въ прошломъ году дама удостоилась премін, назначенной рижскимъ латышскимъ Обществомъ за лучшее оригинальное сочиненіе для театра, на латышскомъ языкѣ. Съ русскаго языка переведенъ на латышскій языкъ „Ревизоръ“ Гоголя и нѣсколько разъ представленъ на сценѣ въ Ригѣ и Митавѣ.

Чтобъ вообще поднимать уровень умственнаго развитія своихъ собратьевъ по народности, управляющій комитетъ латышскаго Общества усердно заботится о устройствѣ популярныхъ и общеобразовательныхъ чтеній, и наконецъ, учредилъ воскресную школу для взрослыхъ. Теперь комитетъ ввелъ новое учрежденіе, хотя оригинальное, но несомнѣнно полезное и практичное. Въ Обществѣ поставленъ ящикъ, куда каждый членъ Общества можетъ вбрасывать бумажки съ запросами, касающимися не только дѣлъ Общества, но всякаго рода предметовъ. Бумажки съ запросами вынимаются, и члены Общества, принадлежащіе къ образованному классу, отвѣчаютъ на нихъ, причемъ каждый членъ Общества имѣетъ право присутствовать и высказать свое мнѣніе. Данная свобода содѣйствуетъ къ тому, что возникающія пренія очень оживлены и интересны. Чтобъ почтенные читатели получили понятіе о предметахъ, вызывающихъ эти пренія, приведу нѣкоторые разъясненные въ нихъ вопросы:

1) „Какія бумаги и акціи приносятъ наивысшіе проценты и болѣе надежны“?

2) „Въ чемъ состоитъ у другихъ народовъ народная честь и слава“?

3) „Какую пользу приносятъ воскресныя школы“?

4) „Что полезнѣе, театръ или библіотеки“?

5) „Какъ можно работать подъ водою, особенно, какъ нужно подъ водою копать землю на глубинѣ 60-ти футовъ, какъ теперь дѣлается при постройкѣ новаго постояннаго моста черезъ Двину“? и т. д.

И такъ, рижское латышское Общество, не предаваясь никакимъ несбыточтымъ мечтаніямъ, усердно работаетъ и старается о распространеніи образованія между латышскимъ населеніемъ, о поднятіи уровня его умственнаго развитія, объ ознакомленіи его съ выгодами общественной жизни, объ отклоненіи его отъ грубыхъ и безнравственныхъ увеселеній, возбуждая въ немъ наклонность къ театральнымъ представленіямъ, къ пѣнію, къ популярнымъ и

образовательнымъ чтеніямъ и т. д. Этихъ цѣлей латышское Общество достигаетъ своими средствами, потому что стоитъ на дѣйствительной почвѣ, потому что имѣетъ въ виду практическую пользу.

Большинство нашихъ провинцій далеко еще отъ такой степени развитія общественной жизни; есть такія мѣста, куда если попадетъ и образованный человѣкъ, не обладающій особенно характеромъ, то кончаетъ тѣмъ, что спивается; да и на болѣе крѣпкихъ захолустная жизнь производитъ вліяніе притупляющее.

„Среда, какъ говорятъ, заѣдаетъ“ и это выраженіе, къ сожалѣнію, далеко нельзя назвать вполнѣ несправедливымъ. Намъ нужно развивать и поддержать образовывающій элементъ; при этомъ условіи только дѣла могутъ идти лучше. Это сознается и нашими государственными людьми; такъ по слухамъ большинство членовъ коммиссіи о личной воинской повинности, руководствуясь соображеніемъ о недостаткѣ преподавателей во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, пришло, какъ передаетъ это „Русскій Міръ“, къ заключенію въ необходимости избавить отъ призыва на службу всѣхъ молодыхъ людей, которые будутъ избраны учебными вѣдомствами для приготовленія къ занятіямъ профессорскихъ и учительскихъ должностей, и которые получатъ на этотъ предметъ стипендіи, по окончаніи университетскаго курса. Преподаватели же всѣхъ учебныхъ заведеній, хотя и призываются къ жребію на общемъ основаніи, но ихъ предположено зачислять прямо въ запасъ, по достиженіи тридцати лѣтняго возраста.

Этимъ мы полагаемъ закончить нашу первую хронику.

Хроникеръ.

Представляя читателямъ первый отчетъ по текущему движенію народнаго просвѣщенія, мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ въ утѣшеніе читателя, послѣ тѣхъ не совсѣмъ пріятныхъ впечатлѣній, которыя совсѣмъ невольно остаются, пробѣгая и натыкаясь на факты иногда весьма грустнаго свойства.

Въ народномъ образованіи очевидно совершается реформа; одно изъ отличій ея отъ другихъ реформъ нынѣшняго царствованія заключается въ томъ, что правительство предоставило иниціативу открытія, устройства и содержанія школъ самому населенію: земствамъ, обществамъ, фабричнымъ ассоціаціямъ и т. п.: не послѣдовало ни одного распоряженія, которое бы дѣло образованія ставило на обязательную точку; изъ образованія не сдѣлано ничего въ родѣ повинности, въ родѣ какихъ либо обязательныхъ отношеній населенія къ школѣ, кромѣ тѣхъ, какія населеніе принимаетъ на себя добровольно. Предоставивъ каждому обществу свободу, правительство весьма правильно удержало за собою инспекцію и присмотръ за ходомъ дѣла въ школѣ—его обязанность слѣдить, чтобы школы не могли выработать дѣятелей вредныхъ обществу. Эта инспекція возложена на такихъ лицъ, которыя не *должны* ограничиваться полицейскимъ надзоромъ, но *обязаны быть* руководителями во всѣхъ педагогическихъ дѣлахъ.

Давать ли образованіе дѣтямъ, или нѣтъ—предоставлено вполнѣ доброй волѣ и усмотрѣнію родителей,—обязательнаго нѣтъ ничего. Такое отношеніе реформатора къ дѣлу народнаго образованія мы находимъ вполнѣ правильнымъ и всегда предпочтемъ его насильственному втискиванію образованія въ ту среду, которая не сознаетъ потребности въ немъ, не чувствуетъ необходимости. Все навязываемое насильно не прочно, и тѣмъ менѣе приноситъ пользы

чѣмъ болѣе оно имѣетъ соотношенія и связи съ духовною стороною человѣка; понятія, убѣжденія, воля составляютъ ту собственность человѣка на которую не слѣдуетъ посягать никому, до тѣхъ поръ, пока проявленія въ дѣйствіяхъ не выразятся такъ или иначе; только та среда, то общество, въ которомъ вращаются и изъ которой вырабатываются дѣятели имѣютъ возможность точно судить на сколько имъ полезны или вредны тѣ или другія убѣжденія и дѣйствія.

Не разъ высказывались мысли, что образованіе, по крайней мѣрѣ школа грамотности, должно быть обязательно для всего населенія—дѣло прекрасное не споримъ, но вспомнимъ какіе результаты еще недавно приносили намъ обязательныя школы; всѣмъ извѣстны факты существованія школъ только на бумагѣ, вовсе не утѣшительны и повтореніе ихъ—не желательно. Мы твердо убѣждены, что добровольная и свободная дѣятельность земства принесетъ несравненно болѣе пользы, и польза будетъ ощутительнѣе, чѣмъ при обязательныхъ школахъ того или иного рода. Правда мы имѣемъ слишкомъ малое число просвѣтительныхъ центровъ и дѣятелей, но да не смущаетъ васъ ни окружающій мракъ, ни набѣгающія иногда тучи: восходящее солнце народнаго образованія постепенно, хотя и медленно, но вполнѣ разсѣитъ мракъ невѣжества.

Неутѣшительные факты, странныя, чтобы не сказать болѣе, различныя мѣстныя и частныя распоряженія составляютъ, если и прискорбныя, то, по крайней мѣрѣ, понятныя явленія тамъ, гдѣ самому обществу предоставленъ починъ въ дѣлѣ. Если люди не вполнѣ сознающіе пользу образованія, или считающіе распространеніе образованія въ массахъ вреднымъ встрѣчаются въ странахъ наиболѣе образованныхъ, если во Франціи и Англіи раздаются иногда голоса дико звучащіе въ ушахъ ревнителя просвѣщенія, то чтоже удивительнаго если у насъ существуютъ тѣже явленія; но ни тамъ, ни тутъ эти голоса не остановятъ постоянно разширяющагося потока образованія, постепенно охватывающаго всю почву человѣчества.

Подведите итогъ подъ суммы жертвуемыя и ассигнуемыя частными лицами и земствами на дѣло народнаго образованія во всѣхъ концахъ Россіи и всѣми сословіями; вспомните, что еще пѣтъ и десятилѣтія со времени свободнаго участія земства въ дѣлахъ школы и посмотрите на результаты хотя Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта (*), Бордзенскаго, Новгородскаго и другихъ земствъ и тогда, мы увѣрены вы спокойнѣе взглянете на будущее.

Желательно только, чтобы пресса возможно болѣе и чаще указывала на дѣятелей и дѣятельность земствъ по дѣламъ народнаго образованія; указаніе на эту дѣятельность послужитъ фактическимъ укоромъ коснѣющимъ въ бездѣйствіи и сваливающимъ все на недостатокъ суммъ, инспекцію и т. п. распоряженія.

Ред.

---

*) Когда настоящія замѣтки были заключены тогда въ редакціи полученъ отчетъ *Александровскаго Училищнаго Совѣта* за 1870—1871 учебный годъ. Особою статьею мы ознакомимъ читателей съ дѣятельностью этого почтеннаго совѣта и передовыхъ его вожаковъ.

ЗАМѢТКА УЧИТЕЛЯ

по поводу библіотекъ при уѣздныхъ училищахъ.

Въ настоящее время въ нашихъ уѣздныхъ училищахъ, благодаря участію Министерства Народнаго Просвѣщенія и пожертвованіямъ частныхъ лицъ, имѣются библіотеки какъ для наставниковъ, такъ и для учащихся. Но эти библіотеки далеко не выполняютъ предназначенной имъ роли; онѣ едва-ли могутъ въ этомъ отношеніи сравниться съ сельскими, гдѣ чувствуется благодѣтельное вліяніе Комитета Грамотности, и близко то время, когда уѣздныя училища далеко отстанутъ отъ сельскихъ. Не смотря на то, что первыя имѣютъ довольно обширныя, такъ называемыя, фундаментальныя библіотеки, онѣ располагаютъ меньшимъ числомъ полезныхъ книгъ, ибо, паничканы большею частью старьемъ. Напримѣръ, въ Л—скомъ уѣздномъ училищѣ можно встрѣтить на ряду съ сочиненіями Лапласа, Гумбольдта и такія убогія, превосходящія своею численностью, книги какъ Зотова, Поль-де-Кока и др. Есть здѣсь между отдѣльными сочиненіями и періодическія изданія, но они или разрознены, или растрепаны до того, что нѣтъ никакой возможности составить нѣчто цѣлое. Но все это, надо сказать, неизбѣжно тамъ, гдѣ жертвователи руководствовались не принципомъ пользы для училищнаго дѣла, а однимъ лишь желаніемъ свалить куда бы то ни было весь хламъ, доставшійся въ наслѣдіе отъ дѣдовъ. Ассигнованная же сумма министерствомъ на библіотеки при уѣздныхъ училищахъ слишкомъ ничтожна (80 руб. въ годъ). Изъ ней идутъ расходы и на обязательныя періодическія изданія, и на ученическую библіотеку, и на переплетъ вновь пріобрѣтенныхъ книгъ. Если все это взять въ соображеніе, то въ результатѣ едва-ли останется и 50 руб. *). Теперь спрашивается, что можно пріобрѣсть на оставшуюся сумму, когда надо выписать по всѣмъ преподаваемымъ въ уѣздныхъ училищахъ предметамъ? Выписать капитальныя сочиненія по какому-нибудь одному предмету—это значитъ оставить остальныхъ преподавателей на цѣлый годъ безъ чтенія по своей спеціальности. И вотъ въ виду вышеизложенныхъ обстоятельствъ училищныя библіотеки наполняются учебниками и учебничками. Наставникамъ стоитъ небольшихъ усилій и непродолжительнаго времени познакомиться съ послѣдними. Остальное же время они убиваютъ на чтеніе хлама или перечитываютъ не разъ прочитанное. Умственныя силы ихъ, утомленныя ежедневными классными занятіями въ душной атмосферѣ и среди, такъ сказать,

---

*) Мы не вполнѣ согласны съ авторомъ настоящей замѣтки: 50 руб. сумма дѣйствительно не большая, желательно было бы имѣть и больше; но, пользуясь и ею осмотрительно, можно хотя и не вдругъ, а въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ составить достаточно хорошую библіотеку для учащихся—все зависитъ отъ выбора. Корень недостатка лежитъ въ отсутствіи *библіографическихъ указаній*, которыми могли бы руководствоваться пріобрѣтатели ученическихъ и дѣтскихъ книгъ въ школахъ и семьяхъ. Редакція давно сознаетъ это и принимаетъ мѣры, чтобы неоставить своихъ читателей безъ такихъ *указаній*.

Ред.

дѣтей природы, притупляются и становятся вялыми. Въ концѣ года въ учителяхъ замѣчается апатія и педагогическое дѣло изъ рукъ валится. Обвинять ихъ въ небрежности и лѣни—это значитъ не знать натуры человѣка, способной поддаться окружающему вліянію, или всѣхъ наставниковъ считать такими натурами, которыя могутъ выдержать упорную борьбу съ застоемъ мысли и отсутствіемъ теплаго соучастія въ общечеловѣческихъ интересахъ, борьбу, неизбѣжную вдали отъ столицы и губернскихъ городовъ. Въ такомъ то жалкомъ положеніи находятся фундаментальныя библіотеки при уѣздныхъ училищахъ; но едва-ли не въ худшемъ находятся ученическія.

Въ однихъ училищахъ ученическія библіотеки существуютъ съиздавна, а въ другихъ только-что зарождаются. Первыя отличаются тѣми же недостатками, какъ и фундаментальныя, послѣднія же, благодаря излишней рачительности смотрителей, существуютъ подспудомъ, хранятся какъ зѣница ока. А между тѣмъ ученикамъ хочется и надо читать. Жалко смотрѣть на нихъ, когда видишь, что они ходятъ въ классъ и уходятъ домой съ вѣчными учебниками! Еще несноснѣе становится при видѣ той жадности, съ какою они накидываются на сказки и разныя книжонки, покупаемыя ими на базарѣ у заѣзжихъ офеней!!! Какъ бы у мѣста была тутъ хорошо скомплектованная ученическая библіотека. Она могла бы служить вѣрнымъ помощникомъ для наставниковъ, давая серьезныя знанія, знакомя съ стройной русской рѣчью и правописаніемъ; она имѣла бы вліяніе и на семью, потому что мальчикъ, взявши книгу на домъ, всегда охотнѣе прочитаетъ вслухъ и во услышаніе семьи. При существованіи библіотеки и толстыя христоматіи не стали бы тяготить учащихся, которымъ онѣ, большею частью, не по карману. Тогда онѣ замѣнились бы не въ ущербъ дѣлу преподаванія русскаго языка тоненькими и дешовенькими. Будущимъ составителямъ христоматій для употребленія вообще въ народныхъ училищахъ не мѣшало бы всегда имѣть въ виду педагогическую истину: «не много, но многое». Часто учителямъ русскаго языка приходится сталкиваться съ матеріальнымъ положеніемъ учащихся и все болѣе и болѣе убѣждаться, съ какимъ трудомъ послѣдніе выпрашиваютъ у тятекъ и мамокъ лишній семишникъ. Они до тѣхъ поръ будутъ встрѣчать на своихъ классахъ безъ необходимыхъ книгъ учениковъ, пока наши училищныя библіотеки не поведутся иначе и на нихъ не обратятъ болѣе вниманія, а составители христоматій, пользуясь этимъ, не выпустятъ хорошія и дешевыя пособія.

«Какъ это можно давать на произволъ малюткамъ такую опасную вещь какъ книги»? можетъ быть возразятъ нѣкоторые. Не опасайтесь ничего, скажемъ смѣло, когда ученическая библіотека составлена съ знаніемъ дѣла, давайте тогда волю дѣтямъ. Ничего, что на первый разъ они переберутъ много книгъ, посмотрятъ на ихъ обложку, переплетъ и виньетку и отдадутъ назадъ: натура такого маленькаго читателя ищетъ разнообразія, игры красокъ... Но вотъ ихъ заинтересовала одна какая-нибудь виньетка или простопечать, и они пробѣгаютъ нѣсколько строкъ. А хорошо написанную книжку только надо начать малюткѣ, а тамъ ужъ онъ и самъ не оторвется. Прочитавши разъ хорошую книгу, въ другой разъ онъ принимается и за тѣ, которыя только что предъ тѣмъ повертѣлъ. За второю книгою онъ ужъ навѣрно иначе смотритъ на книги и съ этихъ поръ для него начинается новый періодъ умственной жизни. Не будучи сторонникомъ педантическаго контроля, мы тѣмъ не менѣе не прочь отъ участія наставниковъ (даже близкаго) въ чтеніи учениками дѣтскихъ книгъ. Для этой цѣли хорошо бы было, еслибъ наставники согласились завести бесѣды съ учениками въ свободное отъ прямыхъ занятій время. Примѣръ недавно существовавшихъ при уѣздныхъ училищахъ бесѣдъ, но исчезнувшихъ какъ мода, былъ; слѣдовательно, это дѣло не ново, только требуется разрѣшенія ближайшаго начальства.

Въ заключеніе нельзя не порадоваться такому небывалому и очень полезному явленію, какъ Кронштатдская библіотета, устроенная годъ тому назадъ Кронштатдскимъ обществомъ для дѣтей. Да послужитъ она живымъ урокомъ и подтвержденіемъ моихъ словъ.

Θ. Т.

ЗАСѢДАНІЕ

С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества.

(18-го сентября).

По открытіи засѣданія г. **Перетцъ** заявилъ слѣдующее: честь имѣю пригласить членовъ коммиссіи по разработкѣ проекта взаимно-вспомогательной учительской кассы въ слѣдующую субботу въ засѣданіе для выслушанія окончательнаго проекта, который предлагаю принять или отвергнуть. Засѣданіе будетъ происходить въ этой же залѣ.

По прочтеніи г. Брянскимъ реферата о Пѣніи *) г. референтомъ были выставлены слѣдующіе тезисы:

1) Хоровое пѣніе служитъ средствомъ для развитія въ массѣ людей музыкальнаго слуха, голоса и эстетическаго чувства, поэтому въ учебныхъ заведеніяхъ оно должно быть обязательнымъ для всѣхъ учащихся.

2) Надо начинать обученіе съ одноголоснаго пѣнія по слуху, для этого слѣдуетъ пользоваться народными и художественными напѣвами. Нѣсколько позднѣе, одновременно съ пѣніемъ по слуху, слѣдуетъ теоретическое изученіе нотъ и музыкальнаго ритма.

3) Программа занятій можетъ быть составлена въ слѣдующемъ порядкѣ: a) пріученіе къ чтенію нотъ безъ напѣва по систематически расположеннымъ упражненіямъ съ соблюденіемъ ритма. b) Исполненіе тоновъ гаммы въ послѣдовательно разнообразномъ порядкѣ по диктовкѣ учителя, имѣющее цѣлью развитіе тональнаго чувства. c) Опыты въ пѣніи нотъ съ листа по упражненіямъ, составленнымъ изъ означеннаго послѣдованія тоновъ. d) Двуголосное пѣніе молитвъ и свѣтскихъ напѣвовъ по слуху. e) Упражненіе въ интервалахъ тоновъ по диктовкѣ. f) Опыты въ исполненіи напѣвовъ, составленныхъ изъ интерваловъ тоновъ. g) Исполненіе напѣвовъ въ другихъ ладахъ съ имѣющимися значеніями измѣненія тоновъ.

Противъ перваго тезиса записался возражать г. Волковъ, а противъ всего реферата гг. Волковъ и Миропольскій.

Предсѣдатель. Позвольте просить объясненіе: вы говорите «народное» и «художественное», да развѣ народное не художественное? Это раздѣленіе, мнѣ кажется, невѣрно.

*) См. Семья и Школа. № IV. Кн. II, стр. 60.

Г. Брянскій. Слово «художественное» я отношу къ произведеніямъ музыкальнаго искусства; слово же «народное» составляютъ произведенія самого народа, передаваемыя непосредственно имъ самимъ.

Предсѣдатель. Значитъ, вы придаете словамъ условное значеніе, потому что въ общемъ смыслѣ слова эти имѣютъ не такое значеніе.

Г. Брянскій. Можетъ быть, такъ.

Предсѣдатель. Г. Симашко! Ваша очередь возражать противъ всего реферата г. Волкова.

Г. Симашко. Послѣ тѣхъ возраженій, которыя были сдѣланы предшествующими оппонентами, мнѣ остается сказать весьма немного, развѣ только нѣсколько развить ихъ мысли, и остановиться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вслѣдствіе преній, довольно быстро переходили отъ одной мысли къ другой, не останавливаясь на столько, чтобы придти къ какимъ либо окончательнымъ рѣшеніямъ. Изъ преній выяснилось чрезвычайно опредѣленно, что г. референтъ раздѣляетъ научныя занятія подъ руководствомъ учителя отъ внѣ классныхъ занятій подъ руководствомъ воспитателя, говоря между прочимъ, въ отвѣтъ на возраженія г. Раевскаго, «не мыслимо было бы расчитывать на силы воспитателя, требовать, чтобы онъ могъ организовать внѣклассныя занятія дѣтей такъ, чтобы они служили цѣлямъ преподаванія естествознанія». Мнѣ кажется, что ежели воспитатель не въ состояніи вести занятій не только по естествовѣденію, но если при внѣклассныхъ занятіяхъ онъ не можетъ быть руководителемъ дѣтей и по исторіи, и по географіи, и по математикѣ, и въ играхъ то въ такомъ случаѣ онъ напрасно беретъ на себя званіе воспитателя, будетъ-ли это въ учебномъ заведеніи, о которомъ очень много говорится въ рефератѣ, или въ семьѣ, какъ сказано въ окончательномъ тезисѣ. Въ воспитаніи интеллектуальная и моральная стороны должны одна другую поддерживать и дополнять. Ваши мысли о вредѣ собиранія коллекцій возникли оттого, что вы видѣли какъ мало воспитатели обращаютъ вниманіе на то, что дѣлается дѣтьми внѣ классовъ, а также и отъ того, что воспитатели неумѣютъ воспользоваться внѣклассными занятіями. Гг. Сентъ-Илеръ и Раевскій совершенно правильно указывали, что ошибка лежитъ не въ характерѣ занятій, а въ неумѣньи преподавателей и воспитателей направить эти занятія воспитанниковъ; я съ этимъ совершенно согласенъ. Какъ доказательство того, что воспитатель и не натуралистъ можетъ и долженъ руководить внѣ классными занятіями дѣтей, я приведу слѣдующаго рода фактъ. Въ нынѣшнемъ году въ педагогическомъ отдѣленіи выставки лондонской коллегіальной школы Св. Петра, подъ эпиграфомъ: „Res non verba quaesto“ выставлена работа 13 лѣтняго мальчика въ неклассное время, именно во время каникулъ. Работа эта—собраніе насѣкомыхъ въ числѣ 75—85 экземпляровъ. Доказательствомъ того, что воспитатель его не натуралистъ, служитъ исполненіе самой работы. Въ коллекціи выставлены три ящика. Въ одномъ наколоты насѣкомыя, разобранныя не по ранжиру и росту, цвѣту, а видимо по той системѣ, которая осталась у мальчика вслѣдствіе класснаго ученія, съ тѣми ошибками, которыя свойственны ученику. Если мы всѣ признали, что въ гербаріяхъ весьма важно подводить растенія подъ семейства, группы, то я не знаю почему относительно насѣкомыхъ считается необходимымъ ограничиться раздѣленіемъ ихъ по ранжиру, величинѣ, цвѣту и т. д. Здѣсь существуетъ точно также система наглядная, приносящая столько же пользы для ума, для развитія наблюдательности, для анализа, какъ и при герборизаціи. Во второмъ ящикѣ на

бумажкахъ, разрѣзанныхъ очевидно впослѣдствіи, находятся рисунки тѣхъ же самыхъ насѣкомыхъ, сдѣланные воспитанникомъ въ свободное время. Рисунки сдѣланы красками на бумагѣ; это такое занятіе, которымъ можетъ руководить и не натуралистъ, но тѣмъ не менѣе занятіе въ высшей степени воспитательное въ томъ отношеніи, что для того, чтобы нарисовать насѣкомое, надо вглядываться въ него, замѣчать и узнавать такія детали, о которыхъ ни одинъ учитель никогда говорить не будетъ; это изощряетъ способность и наблюдать, и сравнивать. Будетъ-ли впослѣдствіи учитель провѣрять эти рисунки или нѣтъ все равно: польза этого занятія—въ которомъ можетъ руководить воспитатель и не натуралистъ—останется при ученикѣ навсегда. Конечно, можно сказать, что не всѣ въ одинаковой степени могутъ рисовать красками, но ничто не мѣшаетъ дѣлать это карандашомъ, — это добрая воля воспитанника. Въ третьемъ ящикѣ находится анатомія тѣхъ же насѣкомыхъ, та анатомія, которая, къ сожалѣнію, у насъ мало развита. Это очень грубая анатомія,—я предложилъ назвать ее *расчлененіемъ* насѣкомыхъ—это раздѣленіе ихъ на суставцы. Тутъ представлены части рта, части органовъ движенія; это требуетъ не только знанія уроковъ, но и полнаго вниманія, акуратности, осторожности, пріучаетъ руку къ ловкости, словомъ представляетъ много воспитательныхъ элементовъ для некласнаго занятія. Въ одной брошюрѣ, о собираніи и храненіи насѣкомыхъ, напечатанной мной еще въ 1852 г., я указывалъ, что эти занятія въ высшей степени полезны въ томъ случаѣ, если ими руководятъ до извѣстной степени; очень жаль, если воспитатели, о которыхъ говоритъ г. Волковъ, не воспользовались всѣми возможными для нихъ средствами. Такъ напр., чтобы пріучить дѣтей ясно и опредѣленно выражаться, я предлагалъ вести журналъ, въ которомъ бы они записывали, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ, въ какихъ обстоятельствахъ собраны насѣкомыя. Если воспитатель сколько нибудь образованъ, окончилъ курсъ гдѣ слѣдуетъ, если даже въ средне-учебномъ заведеніи, то ему не представитъ никакого затрудненія руководить воспитанниками ни въ рисованіи, ни въ веденіи журнала, ни въ расчлененіи насѣкомыхъ. Тутъ не нуженъ натуралистъ, и тутъ не будетъ классныхъ уроковъ, а полезное препровожденіе времени, въ сообществѣ воспитателя. Въ замѣнъ всего этого вы предлагаете собирать коллекціи живыхъ животныхъ и растеній. Ни одинъ изъ натуралистовъ, конечно, никогда не признавалъ и не признаетъ, что изученіе насѣкомыхъ и вообще животныхъ или растеній по однимъ мертвымъ экземплярамъ составляетъ *все:* напротивъ того, всѣ они требуютъ и сознаютъ необходимость познанія живой природы, наблюденія надъ живыми животными и живыми растеніями; но дѣло въ томъ, что противъ этого является обстоятельство, въ высшей степени сложное и трудное, если наблюденія должны идти нѣсколько далѣе того чтобы видѣть какъ животныя движутся и умираютъ у васъ въ неволѣ. Кажется, что очень легко устроить зоологическій дворикъ, ботаническій садикъ и т. д., но это только кажется лицамъ незнакомымъ съ дѣломъ: на практикѣ это чрезвычайно трудно, даже болѣе: для частныхъ семействъ, учебныхъ заведеній и воспитателей почти не возможно. Съ одной стороны спрошу-кто-же будетъ руководить? Воспитатель? Воспитатель, который не можетъ руководить въ собираніи для мертвыхъ коллекціи, развѣ онъ въ состояніи руководить въ учрежденіи такихъ живыхъ вмѣстилищъ? въ охраненіи жизни, въ холѣ ихъ населенія? Для цѣлой Европы представляется только пять, шесть личностей, въ родѣ Брема, Hooker'а и др, стоящихъ во главѣ зоологическихъ и

ботаническихъ садовъ; у нихъ учрежденія успѣшно идутъ и приносятъ дѣйствительную пользу наблюденіями. Я приведу примѣры: кажется, чрезвычайно легко наблюдать бабочку, жука; но это только кажется, а въ сущности наблюдать весьма трудно, если подъ наблюденіемъ разумѣть нѣчто болѣе перемѣщенія и умиранія. Во первыхъ, очень затруднительно сохранить насѣкомое долгое время живымъ, во вторыхъ, чтобы наблюдать, надо его поставить въ искусственныя условія, а для этого надо имѣть обширныя знанія, которыхъ чрезвычайно мало даже въ средѣ натуралистовъ, въ особенности о низшихъ животныхъ, безпозвоночныхъ, о которыхъ преимущественно говорится въ рефератѣ. Чтобы доказать, что я не защитникъ исключительно мертвыхъ коллекцій, я укажу на то, что еще въ 1852 году мною были предложены выводочные для насѣкомыхъ садки, потомъ мною первымъ изданы дѣтскіе акваріи, доступные каждому. Въ своей брошюрѣ я указываю и признаю полную необходимость живыхъ наблюденій, настаиваю на необходимости наблюдать живыхъ насѣкомыхъ, указываю какъ можно устроить помѣщеніе для нихъ самыми дешевыми, общедоступными способами въ родѣ цвѣтныхъ горшковъ и куска кисеи и проч. Все это вещи весьма полезныя, но возможны-ли онѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, какіе нужны для болѣе или менѣе полнаго курса; если не только въ семьѣ, но даже и въ учебныхъ заведеніяхъ пробки, булавки, коробки представляютъ значительную стоимость, и если съ ними воспитанникъ, что мнѣ извѣстно изъ практики, не знаетъ куда дѣться по возвращеніи домой въ зимнее помѣщеніе? Я бы желалъ знать, куда онъ помѣститъ хоть-бы стаканъ съ крапивой, на которой живетъ, червь крапивной бабочки? Это матеріальное возраженіе касающееся матеріальной стороны дѣла; оно можетъ быть устранено; но главное то, что мы не имѣемъ руководителей для учрежденія зоологическихъ двориковъ и т. п. Относительно растеній требованіе ваше можетъ быть легче исполнено и теперь уже при Кронштадтскомъ дѣтскомъ садѣ Г-жи Маслаковецъ устроенъ ботаническій садикъ, въ которомъ сами дѣти на грядкахъ размѣщаютъ растенія по семействамъ. Но это дѣтскій садъ чрезвычайно счастливо обстановленный. Что будетъ происходить въ вашемъ ботаническомъ садѣ, при общественныхъ заведеніяхъ? А то, что водянымъ растеніямъ помѣщенія нѣтъ; растенія, любящія песчаную почву, должны сидѣть рядомъ съ растеніями, любящими почву черноземную; растенія, любящія тѣнь, вмѣстѣ съ растеніями, живущими на солнцѣ. Затѣмъ, можно-ли наблюдать постепенное появленіе одного листка за другимъ, зародышное развитіе цвѣтка тамъ, гдѣ растеніе находится не въ естественномъ положеніи? оно или не дастъ цвѣтка, или дастъ его неправильно, не въ тѣхъ обстоятельствахъ, не такъ, какъ дастъ его въ природѣ. Для того, чтобы прослѣдить естественное развитіе растенія, ближе узнать природу въ самой природѣ, экскурсіи и прогулки представляютъ гораздо болѣе удобствъ, такъ какъ растенія собираются въ началѣ весны, потомъ тѣ же растенія черезъ недѣлю, двѣ, мѣсяцъ, среди лѣта и т. д.; такимъ образомъ, составляется цѣлый, послѣдовательный рядъ растеній въ разныхъ стадіяхъ развитія: коллекторъ имѣетъ все, что ему нужно для изученія.

Обращаюсь къ тому замѣчанію, что всѣ подобныя занятія дѣлаютъ человѣка болѣе жесткаго нравомъ или, какъ сказано, небезопасны въ воспитательномъ отношеніи. Относительно растеній, мнѣ кажется, не приходится сказать ни одного слова, потому что всѣ оппоненты были совершенно одного мнѣнія, именно что на растеніяхъ чувства ожесточаться не могутъ. Я позволю себѣ

обратиться къ собиранію живыхъ животныхъ, которое по моему мнѣнію точно также не можетъ ожесточить чувствъ. Скажу болѣе: еще недавно было время, при крѣпостномъ правѣ, когда на людей смотрѣли какъ на рабочую силу; не полагаю, чтобы всѣ тѣ, которые въ высшей степени жестко и грубо обращались съ своими крестьянами, были люди дѣйствительно жестокосердые въ кругу равныхъ себѣ; напротивъ того, многіе изъ нихъ были весьма мягкосерды какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни. Причина этого кроется въ тѣхъ же практическихъ началахъ, по которымъ врачъ, отрѣзывающій членъ, дѣлающій операцію, за вѣрный исходъ которой онъ не можетъ ручаться, врачъ этотъ—не жестокосердый человѣкъ, хотя онъ и приступаетъ къ операціи, не будучи увѣренъ въ ея счастливомъ исходѣ. Точно также мясникъ вовсе не жестокъ; судьи, приговаривающіе къ смертной казни, вовсе не жестокіе люди. Корень этого лежитъ въ тѣхъ внутреннихъ побужденіяхъ, въ тѣхъ мысляхъ, въ тѣхъ цѣляхъ, которыя сопровождаютъ занятія, руководятъ дѣйствіями. Ребенокъ оторвалъ крыло у мухи; оторвалъ и разсматриваетъ; я останавливаю его, говорю: «зачѣмъ ты мучаешь муху?» При словѣ «мучаешь» ребенокъ остановился, ему не понятно слово «мучаешь», онъ наблюдаетъ, изучаетъ; безъ подобныхъ наблюденій не будетъ понятно значеніе крыльевъ, безъ нихъ самые мягкосердые люди необходились въ дѣтствѣ; понятіе «мучить», «больно» тогда только доступно намъ, когда мы достигнемъ извѣстнаго возраста, извѣстной степени развитія. Ребенокъ, накалывающій насѣкомое на булавку, вовсе не разглядываетъ, какъ двигаются его лапки, онъ не думаетъ и не сознаетъ, чтобы этому насѣкомому было больно. На этомъ то основалъ свои возраженія г. Классовскій, сказавшій, что если ребенокъ не понимаетъ мученій насѣкомаго, какъ вы сами сказали, то это его не ожесточаетъ, а въ такомъ случаѣ и самого реферата нѣтъ. Я нахожу, что это возраженіе г. Классовскаго было вѣрно. Конечно, если дѣти ловятъ насѣкомое съ тѣмъ, чтобы наклеить ему на спину бумажнаго гуся и пустить на учительскій столъ, или съ тѣмъ, чтобы сдѣлать мельницу изъ майскаго жука, такого рода занятія дѣйствительно вредны — по тѣмъ побудительнымъ причинамъ, которыя ихъ вызвали; тутъ воспитатель долженъ употребить всѣ силы, конечно не карательныя, чтобы отвратить ученика отъ такого направленія; весьма понятно, что разореніе гнѣздъ, свертываніе воробьямъ шей, сбрасываніе щенковъ, топленіе котятъ ожесточаетъ чувства; но когда воспитанникъ имѣетъ другую цѣль, когда онъ собираетъ насѣкомыхъ съ цѣлью изучить ихъ, разобрать на части, хотя бы этого онъ впослѣдствіи и не осуществилъ, то это не можетъ вредно дѣйствовать на его чувства. Я позволю себѣ итти далѣе. Полагаю, что подобная мысль, попавъ на болѣзненно настроеннаго человѣка, можетъ привести къ не совсѣмъ удобнымъ результатамъ. Приведу слѣдующее подтвержденіе: какъ извѣстно, существовала цѣлая школа (вегетаріанцы) а отчасти и теперь существуетъ среди квакеровъ, которая проповѣдуетъ что человѣкъ поступаетъ крайне эгоистично, употребляя въ пищу мясо; допускается только пользоваться молокомъ коровы, потому что если молоко не сцѣживать, то у нея сдѣлается воспаленіе сосцовъ, куриныя яица, плоды также допускаются, но считается жестокосердымъ употребленіе въ пищу звѣрей, птицъ, рыбъ, даже растеній въ цвѣту, въ родѣ цвѣтной капусты, это считается посягательствомъ на чужую жизнь, упражненіемъ ожесточающимъ человѣка. Такихъ убѣжденій, какъ извѣстно, былъ нѣсколько лѣтъ, даже Д. Франклинъ. Я нахожу, что если продлить или продолжить это направленіе,

то мы совершенно раціонально придемъ къ тому взгляду, что не слѣдуетъ употреблять вьючныхъ животныхъ для того только, чтобы облегчить собственные труды, это эгоистично: сѣсть самому на лошадь, да еще погонять ее нагайкою или шпорою. Полагаю, что въ этомъ отношеніи вопросъ болѣе подходитъ къ Обществу Покровительства Животныхъ нежели къ Педагогическому Обществу.

Въ заключеніе позволю себѣ замѣтить, что мало было обращено вниманія на важный въ высшей степени вопросъ, поставленный г. Перетцомъ который сказалъ: допуская даже, что это вредно, надо взвѣсить, гдѣ больше пользы,—если ребенокъ собираетъ безъ сантиментальнаго чувства или онъ будетъ заводить садики и т. п. Въ этомъ отношеніи г. Перетцъ поставилъ вопросъ чисто на практическую почву. Мнѣ кажется, что въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится теперь педагогическое дѣло и экономическій бытъ въ Россіи, едва-ли не будетъ удобно нашему Обществу поставить или по крайней мѣрѣ выслушать контръ рефератъ, который, пожалуй, я же готовъ ввести, именно рефератъ о необходимости усилить практическія занятія собиранія не только насѣкомыхъ, моллюсковъ, вообще животныхъ, растеній но и всякаго рода естественныхъ произведеній. Десять лѣтъ тому назадъ мы не знали, что у насъ находится подъ ногами; лѣтъ пять не болѣе прошло съ того времени какъ въ весьма многихъ мѣстахъ стали открывать то каменный уголь, то нефть, то богетъ, то бурый уголь, до того времени это выписывалось изъ-за границы, откуда даже до сихъ поръ привозятся множество лекарствъ какъ и другихъ предметовъ общежитія растительнаго и даже животнаго происхожденія: ибо своими мы пользоваться не умѣемъ. Это происходитъ между прочимъ и отъ того, что наши предки слишкомъ пренебрегали изученіемъ окружающей природы; имъ было не чужда и та идея что собиранія животныхъ, насѣкомыхъ чрезвычайно ожесточаетъ людей; бороться противу этого мнѣнія въ сороковыхъ годахъ намъ стоило не мало усилій; часто слышались сужденія: «пусть лучше мы не знаемъ, что находится у насъ подъ ногами,—у насъ довольно денегъ, чтобы выписывать все, въ чемъ мы нуждаемся, но пусть дѣти наши не ожесточаются». Я полагаю, что не слѣдуетъ даже останавливаться на доказательствахъ всей несостоятельности подобныхъ доводовъ, что не нужно говорить о важности, въ воспитательномъ отношеніи, наблюденій въ самой природѣ, какъ на живыхъ такъ и на мертвыхъ образцахъ, лишь бы цѣлію было изученіе природы. Тотъ эпиграфъ, который выставленъ при цитированной мною англійской коллекціи Res non verba quaesto достаточно характеризуетъ на сколько это нужно, въ Россіи же еще болѣе чѣмъ въ какой либо другой странѣ, притомъ какъ въ педагогическомъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Если Обществу угодно, то къ концу зимы я представлю контръ рефератъ о необходимости этихъ занятій, съ указаніями какъ ихъ направить для достиженія бо̀льшей пользы. Въ заключеніе остановлюсь на тезисахъ. Въ первомъ тезисѣ было упомянуто только о нашихъ семьяхъ, такъ что я не знаю, находите-ли вы, что занятія эти неудобны только въ семьяхъ или и въ школахъ?

Г. Волковъ. Я высказалъ въ своемъ рефератѣ, что занятія эти неудобны и въ школахъ, и въ семьяхъ.

Г. Симашко. Во второмъ тезисѣ говорится: устранить эту опасность можно, *отказавшись отъ собиранія*... Противъ этого я возстаю всею силою опыта и убѣжденій. Отказаться отъ собиранія естественныхъ произведеній

для учебныхъ цѣлей невозможно, даже съ финансовой стороны, каждому учебному заведенію каждой семьѣ. Г. Сентъ-Илеръ, не знаю съ парижской или съ лондонской выставки, привезъ намъ, за что мы ему очень благодарны, образецъ того, какъ раціонально изучаются насѣкомыя заграницей; одинаковыя насѣкомыя собираются въ 20, 30, 50 экземплярахъ; каждому воспитаннику дается насѣкомое, о которомъ учитель читаетъ, а они должны разобрать, вглядываться въ тотъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь. Система въ высшей степени раціональная! Если мы откажемся отъ того, чтобы воспитанники сами для себя собирали, то, согласно съ мнѣніемъ г. Сентъ-Илера, вызказаннымъ въ его возраженіи, должны отказаться отъ изученія естественной исторіи. Мы будемъ изучать учебники, будемъ толковать очень много, но не будемъ близко знакомы съ предметомъ, потому что накупить потребное количество насѣкомыхъ и растеній положительно не возможно. Напр. пятьдесятъ шелковичныхъ бабочекъ или обыкновенныхъ крапивныхъ, или бабочекъ, поѣдающихъ ржаныя поля (Agrotis segetum) нельзя получить ни за какія деньги даже въ теченіе пяти лѣтъ, не смотря на то, что они милліонами плодятся въ Россіи. Я могу привести факты изъ оффиціальныхъ переписокъ, и факты эти объясняются тѣмъ, что мы не приготовляемъ людей умѣющихъ обходиться съ природою. Я кончилъ.

Г. Волковъ. Вы высказали столько соображеній, и сдѣлали столько сообщеній, что, признаюсь, я очень затрудняюсь отвѣчать вамъ.

Г. Симашко. Оно иначе и быть не могло, потому что я предлагаю контръ-рефератъ, слѣдовательно, мы во всемъ не сходимся.

Г. Волковъ. Я позволю себѣ не отвѣчать на каждую частную мысль въ отдѣльности, а отвѣчу только на мысли, наиболѣе выдающіяся изъ замѣченныхъ мною.

Предсѣдатель. Но если будетъ контръ-рефератъ, то не будетъ-ли удобнѣе возражать противъ него...

Г. Эвальдъ. Да, когда г. Симашко подробнѣе выскажетъ свои мысли...

Г. Волковъ. Я согласился бы на это, если бы въ возраженіяхъ г. Симашко не встрѣчалось довольно часто повторенія тѣхъ возраженій, на которыя я уже отвѣчалъ, но, можетъ быть, недостаточно убѣдительно, такъ какъ я слышу ихъ во второй разъ. Я считалъ пренія прошлаго засѣданія совершенно покончеными, но оказывается, что мои отвѣты остались, по крайней мѣрѣ г. Симашко, незамѣченными...

Г. Симашко. Были замѣчены и взвѣшены, но не были признаны достаточно сильными аргументами.

Г. Волковъ. Словомъ, я предложилъ бы отвѣчать только на тѣ возраженія г. Симашко, которыя, такъ или иначе, входили въ возраженія оппонентовъ, съ которыми мнѣ пришлось говорить въ прошлое засѣданіе.

Предсѣдатель. Собранію было бы пріятнѣе, если бы вы сдѣлали возраженія на контръ-рефератъ.

Г. Волковъ. Это совершенно вѣрно, но если возраженіе разъ сдѣлано, то было бы не совсѣмъ удобно оставить его безъ отвѣта, тѣмъ болѣе, что оно носитъ характеръ рѣшительности, опредѣленности, такъ что....

Предсѣдатель. Вы только откладываете ваше возраженіе, но нисколько не уклоняетесь отъ отвѣта.

Г. Волковъ. Но мой рефератъ и безъ того былъ надолго отложенъ,—читался прошлый сезонъ, обсуждается же только теперь.

Предсѣдатель. Какъ вамъ угодно, я высказалъ только то, что, вѣроятно, одобритъ собраніе, но если вы настаиваете, то мы выслушаемъ васъ.

Г. Эвальдъ. Было бы справедливѣе, если-бы вы отвѣчали на тѣ возраженія, которыя впервые явились теперь, а не на тѣ, которыя, по вашимъ словамъ, состоятъ въ повтореніи прежде сказаннаго. Эти возраженія послужатъ темой, которую г. Симашко разовьетъ въ своемъ рефератѣ, а вы, являясь на него оппонентомъ, постараетесь опровергнуть тѣ положенія, которыя выставляетъ противъ васъ г. Симашко. Теперь же справедливѣе было-бы коснуться того, что высказано въ первый разъ. Вы говорите, что вашъ рефератъ былъ отложенъ на долгое время, но согласитесь, что это споръ очень сложный и никто не можетъ поручиться, что онъ еще разъ не возобновится, такъ какъ, разумѣется, мы никакъ не можемъ надѣяться, что совсѣмъ исчерпали этотъ вопросъ.

Г. Волковъ. Я совершенно съ этимъ согласенъ, только думаю, что отложить споръ было-бы очень удобно въ томъ случаѣ, если-бы г. Симашко, вмѣсто того, чтобы дѣлать возраженія, прочелъ свой контръ-рефератъ съ тезисами, тогда я явился бы оппонентомъ, а не защитникомъ тѣхъ мнѣній, на которыя онъ теперь нападаетъ. Но разъ онъ выставилъ свои соображенія въ видѣ возраженій на мысли, развиваемыя въ моемъ рефератѣ, то мнѣ кажется просто неудобнымъ не отвѣчать на нихъ.

Г. Эвальдъ. Но если Педагогическое Общество признаетъ, что считаетъ вопросъ этотъ нерѣшеннымъ съ вашей стороны, слѣдовательно, ваши положенія не считаются уничтоженными тѣми положеніями, которыя сдѣлалъ г. Симашко...

Г. Волковъ. Но оставленными безъ отвѣта...

Г. Эвальдъ. Не по вашему желанію, а по желанію Педагогическаго Общества.

Г. Волковъ. Если Общество желаетъ, то я согласенъ.

Предсѣдатель. Какъ угодно Собранію? Угодно отложить или нѣтъ? Самъ референтъ ссылается на Общество.

Г. Эвальдъ. Надо надѣяться, что г. референтъ еще болѣе выяснитъ этотъ вопросъ, тогда и пренія будутъ положительнѣе.

Предсѣдатель. Можетъ-быть, кто-нибудь выскажется въ пользу неотложенія.

Г. Сентъ-Илеръ. Такъ какъ пренія уже начались, то я нахожу менѣе удобнымъ отложить, потому что въ противномъ случаѣ могутъ быть излишнія повторенія.

Г. Рашевскій. Но, г. референтъ мотивируетъ свое нежеланіе отложить пренія; положенія были высказаны еще въ прошлый разъ другими оппонентами, слѣдовательно, то, на что дѣлалъ свои возраженія г. референтъ, останется какъ бы безъ отвѣта. Это такое положеніе, которому конца нѣтъ. Вѣдь члены Педагогическаго Общества слышали возраженія, представленныя г. референтомъ, значитъ, они взвѣсятъ на чьей сторонѣ правда.

Г. Волковъ. Но имѣютъ-ли они возможность правильно судить, потому что въ преніяхъ можетъ высказаться новая точка зрѣнія, новыя возраженія.

Г. Рашевскій. Но когда будетъ контръ-рефератъ, тогда можно выяснить всѣ точки зрѣнія...

Г. Миропольскій. Но это слишкомъ далеко, Обществу желательно послушать и въ данномъ случаѣ, потому что все это состоитъ въ связи.

Г. Рашевскій. Я указываю на то положеніе референта, что нѣтъ возможности....

Г. Миропольскій. Но тотъ же вопросъ можетъ разбираться съ другой точки зрѣнія, слѣдовательно, повторенія могутъ и быть, и не быть.

Г. Рашевскій. Но то же самое возраженіе, слѣдовательно, и тѣ же отвѣты...

Г. Миропольскій. Если новая точка зрѣнія, то и новые отвѣты.

Г. Евтушевскій. Мнѣ кажется, справедливость требуетъ, чтобы г. Волковъ возразилъ г. Симашко на его весьма пространныя возраженія.

Предсѣдатель. Никто не отказалъ бы ему въ этомъ правѣ, если-бы онъ самъ не сослался на Собраніе. Такъ какъ мнѣнія раздѣлились, то не угодно-ли вамъ, г. Волковъ, отвѣчать г. Симашко.

Г. Волковъ. Во многихъ мѣстахъ вы высказываете, что предлагаемая мною организація занятій неудобна въ педагогическомъ отношеніи, потому—что лишаетъ музеи школъ и вообще разнаго рода кабинеты такихъ предметовъ, которые очень желательно было бы имѣть въ нихъ.

Г. Симашко. Это возраженіе противъ хозяйственной, а не педагогической стороны дѣла.

Г. Волковъ. Я позволю себѣ напомнить то, что вы сказали о великолѣпной коллекціи, не знаю какъ ея названіе, потому что не записалъ его, которую вы видѣли на лондонской выставкѣ. Объ этой коллекціи вы говорили довольно много и, сколько я понялъ, доказывали, что воспитатель можетъ руководить этими занятіями также какъ учитель, т. е. съ учебными цѣлями. такъ что тутъ вопросъ не только хозяйственный, а напротивъ...

Г. Симашко. Я полагаю, что я высказался напротивъ: я сказалъ, что воспитатель можетъ быть *не натуралистъ* и въ то же время руководить занятіями дѣтей, потому что, собирая насѣкомыхъ, ребенку не дается непремѣнно естественно-историческій урокъ, тутъ существуютъ и другаго рода занятія—упражненія въ языкѣ, рисованіи, и наконецъ дѣйствительный анализъ. разборъ насѣкомыхъ, такъ что не непремѣнно учитель.

Г. Волковъ. Это другаго рода вопросъ, это одно изъ доказательствъ. Я вамъ напомню тотъ фактъ, что вы говорили о коллекціяхъ для музеевъ, и говорили не только съ хозяйственной точки зрѣнія; но, положимъ, что здѣсь хозяйственный вопросъ. Въ такомъ случаѣ скажу вамъ, что, обдумывая вопросъ, которымъ я занимался для составленія реферата, я имѣлъ въ виду не хозяйственныя соображенія заведеніи, а другое, именно что въ школѣ, нигдѣ нельзя ребенка дѣлать средствомъ для чего бы-то ни было, тѣмъ болѣе для какихъ нибудь хозяйственныхъ соображеній, для какихъ нибудь музеевъ и т. д. Въ воспитаніи и обученіи ребенка на первомъ планѣ должна стоять забота о томъ, что ему полезно, что ему вредно, затѣмъ будутъ-ли достигаться вещи удобныя и хорошія въ хозяйственномъ отношеніи, будутъ-ли украшаться музеи и выставки, до этого воспиттаелю и дѣла нѣтъ.

Г. Симашко Позвольте; о музеяхъ въ моемъ возраженіи не было ни слова; того, что вы говорите я не имѣлъ и въ виду; вы даете не то направленіе...

Г. Волковъ. Вы отвѣтите потомъ, я прошу васъ не перебивать меня, потому что я молчалъ все время, пока вы говорили. Я не только не имѣлъ этого въ виду но высказалъ это даже въ своемъ рефератѣ и теперь еще считаю нужнымъ повторить, что я рѣшительно отвергаю правильность вся-

кихъ хозяйственныхъ соображеній въ учебномъ и воспитательномъ вопросѣ. Я думаю прежде всего ребенку надо дать то, что ему полезно въ воспитательномъ отношеніи; если это полезно и въ хозяйственномъ отношеніи, то хорошо, если не полезно, то все-таки заботиться не надо. Мнѣ кажется, что воспитатель не въ правѣ ни на минуту останавливаться на этомъ соображеніи и хоть нѣсколько измѣнить для него свои мѣры, свои дѣйствія, поэтому все то, что вы говорите о необходимости коллекцій для школъ и въ особенности о достоинствѣ видѣнныхъ вами въ Лондонѣ, я считаю положительно неосновательнымъ возраженіемъ, не отвѣчающимъ на самое основное требованіе педагогики. Затѣмъ я перейду къ другому возраженію, которое въ сущности я уже слышалъ въ прошлый разъ отъ г. Сентъ-Илера, именно что устраненіе собираній коллекцій труповъ, скелетовъ насѣкомыхъ и гербаріевъ должно повести къ измѣненію въ ходѣ преподаванія естествознанія. Прежде всего я долженъ замѣтить, что не вижу, въ чемъ будутъ заключаться эти измѣненія и затѣмъ почему именно они будутъ касаться хоть одного существеннаго пункта программы естествознанія? Ни г. Сентъ-Илеръ, ни вы не пояснили этого. Что же касается до меня, то я готовъ сколько угодно спорить о томъ, что существенныхъ измѣненій программа ни въ какомъ случаѣ отъ этого потерпѣть не можетъ.

Г. Сентъ-Илеръ. Я этого не говорилъ.

Г. Симашко. Я полагаю, что г. Сентъ-Илеръ достаточно и весьма опредѣленно выяснилъ это въ своемъ возраженіи; о себѣ же я послѣ скажу—о программахъ и распредѣленіяхъ я и не заикался.

Предсѣдатель. Г. Волковъ, не угодно-ли вамъ замѣтить эти отвѣты и потомъ возражать.

Г. Волковъ. Затѣмъ, я думаю, что если бы программа естествознанія и потерпѣла въ частности нѣкоторыя измѣненія въ виду болѣе правильной въ воспитательномъ отношеніи постановки вопроса о внѣ классныхъ занятіяхъ дѣтей, то это во всякомъ случаѣ не даетъ еще повода отвергать мое положеніе; быть можетъ выигрышъ въ воспитательномъ отношеніи будетъ въ данномъ случаѣ болѣе, нежели проигрышъ въ учебномъ отношеніи. Такъ что, мнѣ кажется, желающимъ возражать на этотъ пунктъ придется прежде всего доказать: дѣйствительно ли проигрышъ при измѣненіяхъ въ учебной программѣ, принесетъ гораздо болѣе вреда, сравнительно съ тою пользою, которая достигнется болѣе правильною постановкою вопроса о воспитательномъ значеніи внѣ классныхъ занятій. Теперь я перейду къ тому соображенію, которое вы напомнили и которое такъ обстоятельно было разобрано г. Миропольскимъ. Я готовъ признать что отвѣтъ мой г-ну Миропольскому въ прошлый разъ былъ не достаточенъ и, въ такомъ случаѣ, считаю нужнымъ нѣсколько опредѣленнѣе и яснѣе высказать свой взглядъ. Дѣло въ томъ, что г. Миропольскій отвергалъ мое положеніе насколько оно касалось собиранія растеній на томъ основаніи, что въ отношеніяхъ дѣтей къ растеніямъ не можетъ имѣть чувство состраданія, могущее возникать только въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ ставитъ себя на мѣсто предмета, которому онъ доставляетъ страданіе и вообще въ тѣхъ случаяхъ когда ребенокъ по наружнымъ, внѣшнимъ признакамъ догадывается о страданіи разрушаемаго имъ предмета. Нельзя не согласиться съ г. Миропольскимъ въ томъ отношеніи, что если ребенокъ не сознаетъ страданія разрушаемаго имъ предмета, то этотъ фактъ нельзя признать фактомъ, прямо дѣйствующимъ на развитіе

жестокосердія; если бы я имѣлъ въ виду только непосредственное вліяніе на развитіе жестокости въ ребенкѣ, то это возраженіе г. Миропольскаго было бы вполнѣ справедливо не только по отношенію къ растеніямъ, но и по отношенію къ животнымъ, такъ какъ я сказалъ въ прошлый разъ, въ отвѣтѣ моемъ г-ну Миропольскому, что дѣти по отношенію къ очень немногимъ животнымъ и, во всякомъ случаѣ, далеко не по отношенію ко всѣмъ, могутъ проникаться мыслью о страданіи животныхъ, потому что признаки страданія у животныхъ въ особенности у тѣхъ, которыя въ большей части случаевъ собираются дѣтьми, въ такой степени не походятъ на признаки страданія человѣка, что очень часто ребенокъ уже довольно развитой для того, чтобы понимать сравнительно болѣе тонкія выраженія страданій человѣка, совсѣмъ не задаетъ себѣ даже вопроса о томъ, можетъ ли страдать ящерица, или муха и т. д. Такъ что, если бы собственно на основаніи того факта, что чувство состраданія не можетъ имѣть мѣсто для растеній, отвергать опасность отъ умерщвленія и разрушенія растеній, то мнѣ кажется слѣдовало бы сказать, точно тоже и по отношенію къ животнымъ, если не ко всѣмъ, то по крайней мѣрѣ очень многимъ. Но, дѣло въ томъ, что я собственно говорилъ не о прямой опасности умерщвленія животныхъ и растеній; я утверждалъ, что эта опасность существуетъ не только потому что фактъ дурнаго обращенія съ животными и растеніями непосредственно дѣйствуетъ на развитіе жестокосердія, а потому что самая привычка къ безучастному обращенію съ живыми существами—понимая подъ этимъ словомъ и животныя и растенія—съ одной стороны подготовляетъ развитіе чувства безсострадательности, чувства жестокосердія; съ другой стороны препятствуетъ возникновенію и развитію въ ребенкѣ другаго чувства—состраданія. Мнѣ кажется, что если ребенокъ привыкъ безсознательно, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ мучить животныхъ, если отъ частаго повторенія такого обращенія у него образовалась привычка мучить животныхъ...

Г. Симашко. Но, тогда онъ не мучитъ; если нѣтъ сознанія, то нѣтъ и мученія, и слѣдовательно нѣтъ самого реферата, какъ вамъ замѣтилъ г. Классовскій.

Г. Волковъ. Мучить я разумѣю въ смыслѣ воспитателя, наблюдающаго за совершеніемъ внѣ классныхъ работъ ребенка.

Г. Симашко. Да вѣдь вредъ-то ожидается воспитаннику.

Г. Миропольскій. Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что постоянная привычка къ безцѣльному разрушенію вредна; я вполнѣ признаю дурное вліяніе простой привычки безразличнаго, безцѣльнаго отношенія къ животнымъ существамъ; но я останавливалъ ваше вниманіе на томъ, что отсюда вытекаетъ вовсе не требованіе совершеннаго уничтоженія собиранія коллекцій мертвыхъ животныхъ и растеній, а только требованіе наблюденія, чтобы не было безцѣльнаго разрушенія. Что же касается до невозможности устанавливать градаціи моральнаго вліянія на нравственность дѣтей сообразно степени чувствительности, то въ этомъ мы съ вами совершенно сходимся.

Г. Волковъ. Но я ставилъ вопросъ о занятіяхъ, которыя ведутся въ нашихъ школахъ и семьяхъ въ свободное отъ классныхъ занятій время, въ то время, которое дѣти проводятъ просто ища развлеченія, удовольствія, отдохновенія; слѣдовательно, здѣсь, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть и рѣчи о той цѣлесообразности занятій, которая въ вашихъ глазахъ оправдываетъ такое обращеніе съ животными. Я думаю, что эта цѣлесообразность является

только тогда, когда животное приносится въ классъ, гдѣ преподавателемъ въ присутствіи или даже при помощи самихъ дѣтей уничтожается животное или растеніе съ цѣлью изслѣдованія его, при чемъ строгими и сильными средствами преслѣдуются учебныя цѣли, какъ то: знаніе внутренняго и наружнаго строенія, образа жизни и т. д. Такимъ образомъ я считаю достаточнымъ оправданіемъ уничтоженія животныхъ и растеній только тѣ работы, которыя имѣютъ учебную цѣль, весьма опредѣленно поставленную и проводимую очень сильными средствами.

Г. Миропольскій. Но, уже одно предположеніе о цѣлесообразности занятія, безъ знанія частностей, само по себѣ имѣетъ извѣстное нравственное вліяніе на ребенка, онъ знаетъ, что дѣйствуетъ не безъ цѣли, что онъ собираетъ для сохраненія, бережетъ каждый листокъ, уже одно это морально спасаетъ его, т. е. оказываетъ смягчающее вліяніе на ту сторону нравственнаго вреда, которую вы указали, и которая дѣйствительно можетъ имѣть мѣсто при отсутствіи мысли о цѣлесообразности труда, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ.

Предсѣдатель (къ Волкову). Что цѣлесообразность оправдываетъ подобныя занятія, вы съ этимъ соглашаетесь.

Г. Волковъ. Да; но, подъ словомъ «цѣлесообразность» я понимаю цѣль, весьма опредѣленно поставленную и преслѣдуемую тѣми сильными средствами, какими только обладаетъ учитель въ классѣ, но если приготовлять въ свободное время коллекціи для учителя, для музеевъ и т. п. то я продолжаю стоять на томъ, что это можно дѣлать чьими угодно руками, но только не руками дѣтей.

Г. Симашко. По поводу раздѣленія вами занятій учителя отъ воспитателя, я въ самомъ началѣ своего возраженія выразилъ опредѣленно, что въ воспитатели не должны поступать такія лица, которыя не могутъ руководить внѣ классными развлеченіями и занятіями дѣтей, даже такими занятіями, которыя находятся въ тѣснѣйшей связи, съ класснымъ ученіемъ; и большую ошибку дѣлаютъ тѣ, кто принимаетъ подобныхъ воспитателей.

Г. Волковъ. Мнѣ кажется, что это отвлечетъ насъ далеко, если мы станемъ говорить объ условіяхъ, удовлетворяющихъ, или не удовлетворяющихъ должности воспитателя.

Г. Симашко. Но, вы не брали воспитателей тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ учрежденій. Вы поставили въ своемъ рефератѣ такое положеніе: такъ, какъ ведется у насъ это занятіе, оно представляетъ нѣкоторую опасность. Вамъ возражалъ на это г. Сентъ-Илеръ въ томъ смыслѣ, что это служитъ только доказательствомъ неумѣнья воспитателя руководить занятіями ребенка; вы съ этимъ не соглашались и продолжали настаивать, что занятія эти вредны сами по себѣ. На это г. Миропольскій высказалъ въ прошлый разъ и тоже самое повторилъ я сегодня, что вредное вліяніе можетъ произойти только тогда, когда занятія безцѣльны, когда онѣ не руководятся извѣстнаго рода побудительными мотивами; что корень зла лежитъ не въ самыхъ дѣйствіяхъ, а въ мотивахъ побуждающихъ къ дѣйствіямъ, въ доказательство чего привелъ примѣры мясника, врача и др.

Г. Волковъ. Вы между прочимъ посмотрѣли на вопросъ, о которомъ я толковалъ въ моемъ рефератѣ съ той точки зрѣнія, съ которой можно разсматривать только работы, касающіяся спеціально вопросовъ, занимающихъ членовъ общества покровительства животныхъ. Я нахожу это по меньшей

мѣрѣ страннымъ, потому что уже одно то обстоятельство, что рефератъ прочитанъ здѣсь, въ Педагогическомъ Обществѣ, что онъ помѣщенъ въ педагогическомъ журналѣ, должно бы повидимому гарантировать меня отъ подобныхъ точекъ зрѣнія на мой рефератъ. Ясное дѣло, что я хлопочу не о животныхъ и растеніяхъ, а о дѣтяхъ.

Г. Симашко. Но, общество покровительства животныхъ, употребляющее извѣстныя мѣры противъ ломовыхъ за жестокое обращеніе съ лошадьми, покровительствующее гнѣздамъ птицъ и проч. заботится также не о лошадяхъ и птицахъ, а о смягченіи людскихъ нравовъ.

Предсѣдатель. Я позволю себѣ замѣтить, что по мнѣнію моему тутъ есть общее между вами, что можетъ привести къ соглашенію вашихъ мнѣній; вы г. Волковъ требуете, чтобы подобныя занятія происходили только подъ руководствомъ учителя; г. Симашко имѣетъ въ виду такихъ воспитателей, которые могутъ руководить воспитанникомъ при извѣстнаго рода занятіяхъ. Вы должны согласиться, что тутъ опредѣленная цѣль также есть.

Г. Волковъ. Да, если воспитатель будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преподавателемъ естествознанія; и если онъ въ свободное время не побоится занять дѣтей учебною работою; но, тогда можно порицать его стремленіе завалить дѣтей работою.

Предсѣдатель. Въ такомъ случаѣ соглашенія между вами конечно быть не можетъ.

Г. Волковъ. Я ограничусь еще только однимъ замѣчаніемъ на то, что оппонентъ мой отрицалъ возможность (я не скажу «пользу» хотя можно было вывести изъ словъ его даже и это заключеніе) собиранія живыхъ коллекцій животныхъ и растеній. Я думаю, что здѣсь недоразумѣніе между нами заключалось именно въ томъ, что вы говорите о зоологическихъ дворикахъ, объ акваріумахъ въ родѣ Берлинскаго; вы говорите о ботаническихъ садахъ...

Г. Симашко. Я прибавилъ: въ школѣ.

Г. Волковъ. Однако, вы прибавили, что только Бреме и еще не многіе другіе могутъ окружить животныхъ естественными условіями ихъ существованія. Мнѣ кажется, что вопросъ здѣсь гораздо проще; что тѣ животныя, которыхъ дѣти съумѣютъ окружить естественными условіями ихъ правильнаго существованія, тѣ войдутъ въ коллекціи, а тигровъ, львовъ, змѣй, въ зоологическихъ садахъ, конечно, не нужно; тоже самое можно сказать и о тропическихъ, или какихъ нибудь другихъ растеніяхъ; я говорилъ только о томъ, что можетъ быть помѣщено въ зоологическомъ дворикѣ и на домашнихъ грядкахъ, словомъ, только о томъ, что дѣти обыкновенно собираютъ въ гербаріи и коллекціи. Я вовсе не имѣлъ въ виду музеевъ и прямо высказалъ, что вопросъ о процвѣтаніи музеевъ я не думалъ смѣшивать съ вопросомъ воспитательнымъ. Я согласенъ, что музеи могутъ помогать дѣлу воспитанія, но помогаютъ какъ одно изъ второстепенныхъ условій.

Г. Симашко. Я начну свое возраженіе съ послѣдняго замѣчанія относительно музеевъ; или я не домолвился, или же здѣсь произошло недоразумѣніе, будто бы я сильнѣе обращалъ вниманіе на музеи чѣмъ на воспитанниковъ, на Бреме и др. нежели на педагогическія требованія. Мнѣ кажется, я высказалъ ту мысль, что если воспитатель не способенъ руководить занятіями дѣтей при собираніи мертвыхъ животныхъ, то онъ тѣмъ менѣе способенъ руководить веденіемъ зоологическаго дворика и въ семьѣ, и въ школѣ, потому что, какъ я уже сказалъ, для наблюденія надъ живыми животными и

растеніями нужны такія познанія, которыми не только не обладаетъ большинство учителей, но и въ цѣлой Европѣ даже найдется мало спеціалистовъ, способныхъ наблюдать и хорошо держать растенія и животныхъ. По этому, не смотря на употребленіе всевозможныхъ средствъ, ботаническихъ садовъ чрезвычайно мало. Такимъ образомъ, я говорилъ только о томъ *противорѣчіи* которое встрѣчается въ вашемъ рефератѣ; противорѣчіе это я вижу въ томъ, что вы считаете воспитателей неспособными на такую легкую вещь, какъ руководство при надлежащемъ собираніи коллекцій и гербаріевъ и, въ то же время, требуете отъ нихъ умѣнія и способности вести зоологическіе дворики или ботаническія грядки.

Г. Волковъ. Нѣтъ, я не говорилъ о томъ, чтобы воспитатель не могъ руководить дѣтей при собираніи коллекцій...

Г. Симашко. Позвольте, я привелъ ваши слова; въ возраженіи вашемъ г. Раевскому вы сказали: «не мыслимо требовать, чтобы воспитатель могъ организовать внѣ классныя занятія дѣтей такъ, чтобы они служили цѣлямъ преподаванія».

Г. Волковъ. Я полагаю, что это не совсѣмъ то, что вы сказали.

Г. Сентъ-Илеръ. Выскажите же наконецъ: какое же ваше мнѣніе, воспитатель можетъ или нѣтъ руководить наблюденіемъ надъ занятіями дѣтей?

Г. Волковъ. Если вопросъ въ томъ, чтобы только собирать коллекціи насѣкомыхъ и гербарій, то этимъ конечно, можетъ руководить воспитатель, но я говорю, что онъ не можетъ вести классной работы.

Г. . . . Да этого не требуется отъ воспитателя.

Г. Волковъ. Я повторяю, что вовсе не говорилъ того, что вы мнѣ приписываете; я говорилъ напротивъ, что эта работа легкая для учителя, но вредная въ воспитательномъ отношеніи.

Г. Симашко. Слѣдовательно, вы допускаете, что онъ способенъ къ правильному собиранію животныхъ и растеній.

Г. Волковъ. Да, онъ способенъ; конечно, не такъ какъ Бреме и другіе, къ собиранію коллекцій живыхъ растеній и животныхъ, но тѣмъ не менѣе способенъ, въ особенности, если учитель на урокахъ естествознанія вмѣсто того чтобы объяснять, какъ слѣдуетъ ловить и накалывать насѣкомыхъ на булавку, разскажетъ ученикамъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ данное животное или растеніе можетъ жить и расти. Тутъ воспитатель, конечно, очень легко можетъ устроить, если не ботаническій или зоологическій садъ, то по крайней мѣрѣ коллекцію живыхъ растеній и животныхъ. Это совершенно возможно.

Г. Симашко. Я полагаю, что это легче сказать, чѣмъ сдѣлать—большинство натуралистовъ сами будутъ въ затрудненіи сказать въ какихъ условіяхъ должно находиться то или другое растеніе, и особенно животное.

Г. Волковъ. Вы очень преувеличиваете; вы же сами рекомендуете, какъ хорошее воспитательное средство терарій и акваріи для семей, гдѣ занятіями дѣтей должна руководить мать; какъ же вы отрицаете у воспитателя возможность руководить подобными занятіями.

Г. Симашко. Нѣтъ, я не отрицаю; я говорю, что чѣмъ больше будетъ наблюденій надъ живыми животными и растеніями, тѣмъ лучше.

Г. Волковъ. Я тоже говорю, а вы мнѣ возражаете.

Г. Симашко. Я возражаю противъ того, что вы считаете необходимымъ

отказаться отъ собиранія коллекцій и замѣнить ихъ тѣмъ, что вы предлагаете; а это представляется не возможнымъ.

Г. Волковъ. Да, какже не возможно, когда вы предлагаете тоже самое занятіе матерямъ и семьямъ, какъ возможное.

Г. Симашко. Я предлагаю, какъ занятіе полезное, какъ матерьялъ, какъ подспорье на которомъ учитель впослѣдствіи можетъ основать свои лекціи.

Г. Волковъ. Я тоже самое предлагаю.

Г. Симашко. Я смотрю на эти занятія, какъ на средство пріобрѣтенія практическимъ, осязательнымъ путемъ свѣденій, которыя послужатъ *основаніемъ* дальнѣйшаго изученія природы при помощи мертвыхъ коллекцій, но они также составляютъ необходимость...

Г. Волковъ. Для изученія въ классѣ.

Г. Симашко. Не только въ классѣ, но и внѣ класса. Что касается послѣдняго, т. е. занятій внѣ классныхъ, то у насъ является недоразумѣніе; вы мнѣ приписываете будто я привелъ въ примѣръ коллекцію, выставленную въ Лондонѣ, въ видахъ хозяйственныхъ, а я привелъ ее въ видахъ педагогическихъ, чтобы показать, что даже не натуралистъ воспитатель на собираніи насѣкомыхъ упражняетъ дѣтей многообразно и слѣдовательно, собираніи мертвыхъ насѣкомыхъ можетъ быть ведено съ пользою, «какъ внѣ классное занятіе». Оно является у ученика само собою, оно не вынуждено, оно добровольно, оно ему отдыхъ отъ другихъ занятій. иначе онъ бы его и не предпринималъ, не затѣвалъ.

Г. Волковъ. Я и не отрицаю совершенно извѣстной пользы этихъ занятій; въ своемъ рефератѣ, я съ полною искренностью высказалъ, что занятія противъ которыхъ я ратую въ настоящее время, имѣютъ свои хорошія стороны; но что сопоставляя эти хорошія стороны съ дурными, я прихожу къ тому заключенію, что съ одной стороны большая часть полезныхъ сторонъ этихъ занятій совершенно сохраняются при другой организаціи ихъ, съ другой же стороны уничтожаются тѣ условія, которыя дѣлаютъ эти занятія опасными.

Г. Симашко. Ни одинъ натуралистъ не согласится съ вами: развѣ возможно устроить такое воспитательное учрежденіе, гдѣ бы не было сообщенія знаній по естествовѣденію, гдѣ часть учебная не была бы въ тѣснѣйшей связи съ воспитательною?

Г. Волковъ. Избави Богъ.

Г. Симашко. Между тѣмъ вы какъ то отдѣляете обученіе классное отъ воспитанія внѣкласснаго. Вамъ г. Сентъ-Илеръ совершенно правильно замѣтилъ, что ваше мнѣніе будто собираніе насѣкомыхъ и гербаріевъ навязывается учителями, совершенно невѣрно, что это есть только необходимое и естественное послѣдствіе классныхъ занятій.

Г. Волковъ. Я тогда же говорилъ по поводу этого, что сообщилъ это, [п]росто какъ фактъ, извѣстный мнѣ, но общности этого явленія я не думалъ [отс]таивать. Сколько мнѣ извѣстно, большинство нашихъ естествоиспытателей [избр]али эту дорогу, потому что въ дѣтствѣ полюбили этого рода занятія; я [заявил]ъ этотъ фактъ, но не думалъ его отстаивать.

Г. С[и]машко. Чтобы не возбуждать дальнѣйшихъ преній, я позволю себѣ обратить вниманіе на то, что собираніе коллекцій дѣлается главнымъ образомъ не для [м]узеевъ и т. п., а для изученія предметовъ самими учениками при слѣдую[щ]ихъ за каникулами лекціяхъ; если же лекціи предшествуютъ собиранію то[гд]а коллекціи составляются съ одной стороны, какъ повтореніе

и закрѣпленія въ умѣ пройденнаго, съ другой стороны, воспитанникъ дѣлаетъ коллекцію для себя, хранить ее гдѣ ему позволятъ средства заведенія; хозяйственныя соображенія никоимъ образомъ, конечно, я не позволю себѣ поставить выше педагогическихъ цѣлей, напротивъ, чисто воспитательная цѣль безспорно стоитъ всегда выше. Ни въ одномъ сказанномъ мною словѣ я не вижу, чтобы я говорилъ о средствахъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ объ обстоятельствѣ болѣе важномъ, чѣмъ педагогическія потребности учащихся. Если я упомянулъ о средствахъ, то только въ томъ смыслѣ, что заведенія не будутъ имѣть не только матерьяльныхъ средствъ, но и *никакихъ* средствъ не хватитъ, чтобы имѣть то количество животныхъ, минераловъ и растеній, которое необходимо для раціональнаго изученія естественной исторіи; въ Россіи нѣтъ коллекторовъ отъ которыхъ можно было бы купить то, что нужно для нашихъ учебныхъ заведеній. Я повторяю, что воспитанники собираютъ не для музеевъ и коллекцій, а какъ матерьялъ для изученія, для самихъ себя. При раціональномъ изученіи изъ 30 экземпляровъ, принесенныхъ воспитанниками, не останется ни одного кромѣ того, который держитъ въ рукахъ учитель. Обогащать же кабинеты и музеи руками воспитанниковъ, если это гдѣ нибудь и дѣлается, конечно представляется явленіемъ совершенно не раціональнымъ.

Г. Сентъ-Илеръ. (Обращаясь къ г-ну Волкову) Я позволю себя замѣтить, что вы не поняли мое возраженіе заявляя будто-бы я говорилъ, что эти занятія необходимы также для класснаго преподаванія. Я этого совсѣмъ не говорилъ; относительно связи занятій внѣклассныхъ съ классными, я говорилъ, что первыя являются такимъ естественнымъ слѣдствіемъ преподаванія естественной исторіи, что преподавателю трудно устранить ихъ, что ему придется много толковать съ воспитанниками, чтобы убѣдить ихъ отказаться отъ этихъ занятій. На это замѣчаніе вы кажется не возражали. Кромѣ того, вы не отвѣтили на нѣсколько вопросовъ, а именно не разрѣшили слѣдующаго весьма важнаго сомнѣнія: вы сами сознаете, что во время преподаванія въ классѣ учитель можетъ вести занятія цѣлесообразно, такъ какъ отъ уничтоженія имъ животныхъ и растеній получается польза; воспитатель же этого дѣлать не можетъ, потому что онъ не ведетъ учебныхъ работъ, а занимается дѣломъ воспитанія. Мнѣ кажется, что если эти занятія цѣлесообразны въ классѣ, то можно предположить, что тотъ же учитель придетъ послѣ класса, повторитъ ихъ, или научитъ воспитателя, и тогда вы должны сознаться, что являются полезныя занятія внѣ класса. Затѣмъ, вы также не возражали противъ того замѣчанія, что весь рефератъ вашъ прямо направленъ противъ худо устроенныхъ занятій и что вамъ слѣдовало бы объяснить, неужели невозможно устроить хорошихъ занятій. Мнѣ кажется, совершенно возможно, потому что если вы допускаете ихъ въ классѣ, то почему же не допустить и внѣ класса. Въ вопросѣ о развитіи чувства состраданія вы также говорили довольно поверхностно, вы брали его за нѣчто данное, не поясняя какимъ образомъ слагается это чувство, какія упражненія слѣдуетъ считать развивающими его и какія нѣтъ. Наконецъ, по поводу желанія вашего замѣнить собираніе коллекцій собираніемъ живыхъ растеній и животныхъ, вамъ возражали совершенно вѣрно, что отрицая у воспитателей способность руководить собираніемъ коллекцій, трудно ожидать отъ нихъ умѣнья руководить собираніемъ живыхъ растеній и животныхъ. Да, наконецъ и при такомъ устройствѣ занятій, придется все таки уничтожать растенія и животныхъ, какъ

напр. придется полоть грядки и т. п. Такимъ образомъ я нахожу, что очень много вопросовъ осталось не вполнѣ доказанными.

Г. Волковъ. Что касается до того, что я не вѣрно передалъ вашу мысль о томъ вліяніи, которое будетъ имѣть измѣненіе этихъ занятій на занятія классныя, то конечно возражать не буду, потому что я приводилъ только то, что я слышалъ изъ вашихъ словъ. Затѣмъ, вы говорите, что нельзя будетъ повести дѣло такъ, чтобы дѣти не собирали насѣкомыхъ; я на это опять таки возразить не имѣю; чего нельзя, что не во власти воспитателя за то онъ и не отвѣчаетъ. Я стою только за то, чтобы воспитатель собственными руками не развращалъ дѣтей. Вопросъ о томъ, что воспитатель могъ бы повести собираніе насѣкомыхъ и растеній такъ, чтобы дѣти чему нибудь научились на этихъ занятіяхъ, подобно тому какъ они учатся на урокахъ,—то это опять таки не касается моего реферата, потому что я тамъ говорю собственно о занятіяхъ въ свободное время, въ тѣ, по правдѣ сказать, не очень то большіе досуги, которые имѣютъ дѣти послѣ школьныхъ занятій; стало быть въ то время, когда у рѣдкаго воспитателя хватитъ духу навалить на ребенка опять классныя занятія. Что касается до возможности лучшаго устройства занятій, то я не знаю: быть можетъ при другомъ распредѣленіи класснаго времени, при другомъ составѣ воспитателей, при другихъ условіяхъ воспитанія это и возможно; но, я отправляюсь отъ условій данныхъ. Послѣднее замѣчаніе о томъ, что въ рефератѣ мною не развита мысль моя объ образованіи дурныхъ свойствъ характера вслѣдствіе собиранія коллекцій насѣкомыхъ и растеній, это соображеніе я вполнѣ принимаю въ томъ смыслѣ, что я не развилъ своей мысли съ тою обстоятельностью, съ которою можно и должно было развить.

Г. Бетхеръ. Мнѣ остается сказать очень не много: мнѣ кажется, что вы нѣсколько односторонне смотрите даже на самое чувство жестокости, возбуждаемое занятіями необходимыми при изученіи естественной исторіи, какъ то накалываніе насѣкомыхъ и т. д. Дѣло въ томъ, что чувство, возбуждаемое зрѣлищемъ страданія есть только частное чувство, т. е. относится вообще къ чувству какъ часть къ цѣлому. Наконецъ, многіе даже предполагаютъ, что насѣкомыя боли не чувствуютъ, и не особенно трудно убѣдить въ томъ, что если чувствуютъ, то очень мало и даже вовсе не чувствуютъ. О томъ, что насѣкомыя мучатся, накалываемыя на булавку, обыкновенно судятъ по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, сходнымъ съ тѣми, которые неизбѣжно сопровождаютъ страданіе человѣка, но цѣлый рядъ явленій доказываетъ, что насѣкомыя не чувствуютъ, такъ напр. есть такого рода фактъ, что стрекоза сама себѣ загибала конецъ брюшка въ ротъ и съѣдала его до половины; майскій жукъ, которому птица выклевала всѣ внутренности, продолжалъ ползать; шмели, разрѣзанныя пополамъ, старались брюшкомъ ужалить. Если бы они ощущали при всемъ этомъ тѣ страданія, которыя имъ приписываются, то едва ли возможны бы были подобныя явленія. Мнѣ кажется, что вы прiучаете къ нѣсколько неправильному взгляду на природу, дѣло въ томъ, что вамъ ужасно трудно будетъ продолжать поддерживать такой взглядъ, такъ какъ по мѣрѣ развитія человѣкъ все болѣе и болѣе завладѣваетъ природой и приноситъ ее себѣ въ жертву. Но, положимъ даже, что это вамъ удастся, тогда это можетъ перейти въ такую крайность....

Г. Волковъ. Замѣтьте, что я не предлагаю возбуждать состраданія къ животнымъ.

Г. Бетхеръ. Но, это непремѣнно явится.

Г. Волковъ. Я только говорю, что фактъ истязанія животныхъ вреденъ въ воспитательномъ отношеніи и совсѣмъ не касаюсь того: страдаетъ ли животное, или нѣтъ.

Г. Бетхеръ. А, если ребенокъ убѣжденъ, что животное не мучится?

Г. Волковъ. Во всякомъ случаѣ я утверждаю, что разрушать жизнь животнаго нельзя, а вы говорите, что можно.

Г. Бетхеръ. Да, можно, но при этомъ должна имѣться какая нибудь цѣль.

Г. Волковъ. Я съ этимъ согласился.

Г. Бетхеръ. Можно ли по вашему мнѣнію моль выводить потому что она портитъ платье, можно ли убивать мухъ, потому только что онѣ надоѣдаютъ?....

Г. Волковъ. Положительно, можно, также какъ косить сѣно.

Г. Бетхеръ. Продолжая вашъ взглядъ можно дойти до того, что, какъ указалъ г. Снмашко, существуетъ цѣлое общество, которое не питается мясомъ.

Г. Волковъ. Я отвергаю этотъ взглядъ, потому что онъ нисколько не касается того, что я говорилъ; цѣль моя та, чтобы развивать въ дѣтяхъ интересъ къ поддержанію жизни и нормальнаго существованія животныхъ и растеній его окружающихъ и боязнь развитія въ нихъ противоположныхъ отношеній.

Г. Бетхеръ. Мнѣ кажется, что въ дѣтяхъ надо развить между прочимъ убѣжденіе, что по мѣрѣ того какъ человѣкъ становился образованнѣе, онъ болѣе и болѣе завладѣвалъ природою и природа стала, такъ сказать, его слугою и рабомъ.

Г. Волковъ. Но замѣтьте, что при этомъ мысль о необходимости сострадапія къ животнымъ все болѣе утверждалась въ человѣкѣ.

Г. Бетхеръ. Мнѣ кажется, что, напротивъ, на урокахъ слѣдуетъ сказать, что большинство насѣкомыхъ вредно и ихъ слѣдуетъ уничтожать даже безцѣльно; въ Швейцаріи напр. какъ извѣстно, даютъ крестьянину, или крестьянкѣ извѣстное количество денегъ за доставленіе ведра жуковъ; все это я привожу потому, что вашъ рефератъ главнымъ образомъ направленъ противъ мученія насѣкомыхъ....

Г. Волковъ. Да, нѣтъ; только противъ безцѣльныхъ, ненужныхъ занятій.

Г. Бетхеръ. Въ такомъ случаѣ мнѣ кажется, слѣдовало бы озаглавить рефератъ вашъ «о безцѣльности занятій», и тутъ мученіе насѣкомыхъ представлялось бы собственно частностью, потому что тоже самое можно бы было сказать и о томъ, что не слѣдуетъ пуговицы рвать, столы рѣзать и т. д.

Г. Волковъ. Я писалъ свой рефератъ только о занятіяхъ по естественной исторіи откуда вовсе не слѣдуетъ, чтобы я долженъ былъ касаться порчи мебели и т. п.

Г. Бетхеръ. Я болѣе ничего не имѣю сказать.

Г. Волковъ. И я также.

ЗАСѢДАНІЕ

С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества.

(3-го октября).

Г. Перетцъ. Гг. члены, которые занимаются разработкой *проекта взаимно-вспомогательной учительской кассы*, приглашаются въ засѣданіе коммиссіи, назначенное въ будущую субботу въ 7 часовъ вечера въ залѣ гимназіи.

По прочтеніи реферата г-жей Москвитиновой были выставлены слѣдующіе тезисы.

По первой части реферата: 1) Преподаваніе въ подготовительныхъ классахъ должно обогощать умъ ученика познаніями, развивая въ немъ способность самодѣятельности; вслѣдствіе этого оно не должно давать уму ученика готовыхъ выводовъ, но посредствомъ наводящихъ вопросовъ заставлять его работать самостоятельно; нѣкоторую часть работы, по сильной ученику, оно должно предоставлять для внѣклассныхъ занятій.

2) Преподаваніе должно интересовать ученика, быть ему пріятнымъ.

3) Оно должно возбудить въ умѣ ученика идею о внутренней связи всѣхъ учебныхъ предметовъ, о наукѣ въ обширномъ ея значеніи. Вслѣдствіе этого программа подготовительныхъ классовъ должна заключать въ себѣ элементарныя понятія изъ всѣхъ учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ высшихъ классахъ и кромѣ того въ каждый учебный предметъ должны вноситься относящіеся къ нему факты изъ другихъ предметовъ.

4) Нѣсколько предметовъ можно преподавать въ совокупности.

5) Должно развить въ ученикѣ любовь къ послѣдовательности въ изученіи и къ анализу всего изучаемаго. Факты преподаваемаго предмета нужно для этого группировать по возможности логично и обращать на эту логичность вниманіе ученика. Надо, чтобы ученикъ самъ составлялъ программы пройденнаго. Для развитія критическаго взгляда въ ученикѣ надо развивать въ немъ наблюдательность относительно изучаемаго.

По второй части: 1) Кромѣ образовательнаго значенія изученіе русскаго языка служитъ еще средствомъ къ изложенію другихъ учебныхъ предметовъ, поэтому необходимо, чтобы при изложеніи каждаго учебнаго предмета обращалось должное вниманіе на правильность конструкціи и логичность мысли.

2) Въ виду доставленія разумнаго и полезнаго матеріала для занятій по языку, а также сокращенія программы надо совершенно изгнать безсодержательный матеріалъ изъ грамматическихъ упражненій и замѣнить его какимъ-нибудь послѣдовательно веденнымъ учебнымъ предметомъ.

3) Такъ какъ знаніе языка заключается во 1) въ умѣніи правильно передавать свою мысль какъ устно, такъ и письменно, во 2) логично развить сужденіе о предметѣ, въ 3) въ знакомствѣ съ исторіей литературы, преподаваніе языка должно стремиться развить въ ученикахъ всѣ три вышеизложенные элемента.

4) Главные элементы при преподаваніи языка: a) матеріалъ для грамматическихъ упражненій (исторія, географія, естествовѣдѣніе), b) изложеніе остальныхъ учебныхъ предметовъ, c) образцовыя произведенія литературы.

5) Средства, которыми долженъ руководиться преподаватель: устный разсказъ учениковъ, упражненіе въ чтеніи, заучиваніе наизусть, письменныя упражненія и преподаваніе грамматики.

6) При устномъ разсказѣ матеріалъ долженъ подходить подъ уровень учениковъ, т. е. быть приравненъ къ ихъ понятіямъ по содержанію и соотвѣтствовать ихъ силамъ по количеству; въ то же время въ немъ постепенно должны усложняться формы языка, слѣдовательно, въ младшихъ классахъ разсказъ учителя долженъ ограничиться простыми, незапутанными формами рѣчи, въ среднихъ классахъ должны вводиться постепенно болѣе сложныя комбинаціи мыслей.

7) Разсказъ учителя долженъ служить ученику за образецъ, къ которому ученикъ долженъ относиться сознательно, не повторяя только словъ учителя, усвоивая себѣ мало по малу новыя формы.

8) Надо пріучить дѣтей обоюдно всматриваться въ свои ошибки и исправлять ихъ другъ у друга.

9) Чтеніе неразрывно связано съ разсказомъ учителя и учениковъ, оно или предшествуетъ ему, или непосредственно за нимъ слѣдуетъ, при этомъ ученики читаютъ или каждый отдѣльно, или хоромъ.

10) Для внѣкласнаго чтенія служитъ повтореніе статей, читанныхъ въ классѣ, и легкія по содержанію статьи, вполнѣ подходящія подъ уровень понятій ученика.

11) Заучиваніе наизусть производится въ младшихъ классахъ только подъ руководствомъ учителя, дома только повторяется выученное; оно всегда слѣдуетъ за чтеніемъ и разсказомъ.

12) Матеріалъ для диктовки долженъ быть совершенно знакомъ дѣтямъ.

13) При диктовкѣ дѣти съ помощью учителя повторяютъ фразы, складываютъ трудныя слова, записываютъ ошибки и говорятъ ихъ наизусть.

14) Письменныя грамматическія упражненія ограничиваются только повтореніемъ устныхъ.

15) Въ младшихъ классахъ письменныя грамматическія упражненія исполняются только подъ надзоромъ учителя.

Въ среднихъ внѣклассныя упражненія не должны заключать въ себѣ ничего незнакомаго для ученика.

16) Самостоятельныя работы могутъ быть: переложенія, описанія разныхъ предметовъ, разборъ характеровъ, описанія случаевъ изъ дѣтской жизни.

17) Классъ долженъ написать съ помощью учителя нѣсколько сочиненій сообща.

По третьей части: 1) Предполагаются три года занятій: первый годъ—простая мысль въ обыкновенномъ составѣ, второй годъ—сочиненіе и подчиненіе мыслей, третій годъ — періодъ и особенности русской рѣчи въ сравненіи съ церковно-славянскимъ языкомъ и иностранными.

2) Частная программа перваго года: первая глава—подлежащее и сказуемое (логическія). Вторая глава — подлежащее — существительное, сказуемое глаголъ; дополненіе. Третья глава—опредѣленіе—прилагательное.

3) При изученіи русской исторіи на первомъ планѣ должны стоять этнографическія данныя, самыя важныя историческія событія и самыя выдающіяся личности.

4) При описаніи народностей необходимо сравненіе ихъ, также сравненіе выученныхъ характеровъ.

5) Практическій ходъ уроковъ: a) устный разсказъ учителя и разсказъ учениковъ, b) чтеніе по книгѣ, c) записываніе фразъ для грамматическаго урока, d) грамматическія упражненія.

6) Общій составъ учебника: матеріалъ для чтенія и повтореніе грамматики, исключительно предназначенный для учениковъ, и грамматическіе уроки въ катехитической формѣ, а также примѣчанія, служащія для учителя, какъ путеводная нить, а для учениковъ—какъ подспорье при повтореніи пройденнаго. Предисловіе—исключительно для учителя.

Г. Эвальдъ. Я хотѣлъ бы попросить васъ объяснить мнѣ для какого возраста, по вашему мнѣнію, назначаются классы, которые вы назвали нормальми, подготовительными, такъ какъ вы недостаточно выяснили это.

Г-жа Москвитинова. Не приготовительные, а подготовительные классы нормальнаго училища я раздѣляю на младшіе и на средніе. Младшимъ курсомъ я считаю третій годъ послѣ азбуки, слѣдовательно, если съ 7 лѣтъ начинать азбуку, то въ младшіе классы будутъ поступать девятилѣтніе дѣти и оставаться—два года, слѣдовательно, въ среднихъ будутъ двѣнадцатилѣтніе ученики.

Г. Эвальдъ. Вашъ курсъ для дѣтей какого возраста?

Г-жа Москвитинова. Для дѣтей отъ девятилѣтняго, если они развиты, а если мало развиты, то отъ десятилѣтняго возраста.

Г. Бѣловъ записался возражать по поводу всѣхъ тезисовъ. Противъ перваго тезиса записался г. Водовозовъ. Противъ втораго—г. Груздевъ. Противъ третьяго — гг. Иваньковъ, Водовозовъ, Гарусовъ, Волковъ. Противъ четвертаго—гг. Водовозовъ, Иваньковъ, Груздевъ, Гарусовъ. Противъ пятаго—гг. Водовозовъ, Иваньковъ, Пятковскій, Груздевъ. Противъ 6-го тезиса и 1-го изъ 2-й части реферата никто не пожелалъ записаться. Противъ 2-го тезиса гг. Груздевъ, Иваньковъ, Гарусовъ, Водовозовъ, Пятковскій. Противъ третьяго тезиса—гг. Иваньковъ, Груздевъ, Водовозовъ, Гарусовъ. Противъ четвертаго—гг. Иваньковъ, Груздевъ, Противъ пятаго—никто. Противъ шестаго—г. Водовозовъ. Противъ седьмаго—г. Водовозовъ. Противъ восьмаго—г. Груздевъ. Противъ девятаго—гг. Иваньковъ, Гарусовъ. Противъ десятаго—гг. Иваньковъ, Водовозовъ. Противъ одинадцатаго — г. Иваньковъ. Противъ двѣнадцатаго — гг. Иваньковъ, Груздевъ, Гарусовъ. Противъ тринадцатаго—гг. Иваньковъ, Водовозовъ, Груздевъ. Противъ четырнадцатаго гг. Водовозовъ, Иваньковъ, Груздевъ, Гарусовъ. Противъ пятнадцатаго — гг. Водовозовъ, Груздевъ, Гарусовъ. Противъ шестнадцатаго—г. Груздевъ. Противъ семнадцатаго—г. Иваньковъ. Противъ перваго тезиса по третьей части реферата — гг. Водовозовъ, Груздевъ. Противъ втораго—гг. Водовозовъ. Противъ третьяго — г. Овсянниковъ. Противъ

четвертаго—г. Водовозовъ. Противъ пятаго — никто не записался. Противъ шестаго—гг. Иваньковъ, Груздевъ.

Послѣ этого было приступлено къ преніямъ по реферату г. Сентъ-Илера.

Г. Классовскій. Такъ какъ я позволю себѣ не соглашаться съ тѣми мыслями, которыя высказаны въ рефератѣ, то прошу напередъ, чтобы это не дало повода думать, что я буду хвалить то, что справедливо порицалъ референтъ. Эту оговорку считаю необходимой во избѣжаніе лишнихъ возраженій. Эпиграфомъ къ моимъ немногимъ и краткимъ словамъ будетъ служить мысль—„на медали надобно смотрѣть съ двухъ сторонъ“. Референтъ, показавъ удачно и вѣрно темныя стороны того дѣла, которое послужило темой для его реферата, собственно говоря, говорилъ не о воспитаніи въ знатныхъ или богатыхъ семействахъ, а только о темныхъ сторонахъ жизни сословій, которымъ слишкомъ легко жить на свѣтѣ, такъ что если-бы озаглавить рефератъ такъ, какъ я сказалъ, т. е. „темныя стороны въ жизни тѣхъ людей, которымъ слишкомъ легко жить на свѣтѣ“, то никто бы даже не подозрѣвалъ, что въ немъ говорится о воспитаніи. Референтъ кратко и энергически назвалъ его здѣсь нецѣлесообразнымъ. Я, ссылаясь на то, что не намѣренъ хвалить того, что не цѣлесообразно, нахожу, что упущена изъ виду другая сторона, именно та, которая можетъ быть названа и цѣлесообразной. Ограничусь немногими соображеніями. Надобно строго различать богатыя семейства отъ важныхъ. Извѣстно, что въ послѣднее время, въ новѣйшее, начиная съ извѣстнаго событія въ исторіи прошлаго столѣтія, богатые не преимущественно знатны, такъ что теперь богатство далеко не пропорціонально знатности. Беру и то, и другое въ самыхъ общихъ чертахъ, которыя a priori сами собой приходятъ на умъ. Напр. въ знатныхъ семействахъ есть преданія, которыя резюмируются словами «*noblesse oblige*». Это, какъ все другое, красиво, пожалуй, въ афоризмѣ...

Предсѣдатель. Прошу васъ остановиться. Я бы просилъ гг. членовъ, вводящихъ гостей, предложить имъ быть внимательнѣе къ преніямъ, не выходить изъ залы и не мѣшать нашимъ занятіямъ. Покорнѣйше прошу гг. членовъ уговорить ихъ, потому что я не имѣю никакой возможности сдѣлать это, несмотря на то, что я уже нѣсколько разъ просилъ ихъ объ этомъ. Слѣдовательно теперь на обязанности нѣкоторыхъ членовъ, которые вводятъ гостей на своей отвѣтственности лежитъ внушить имъ, что здѣсь занятія серьозныя, такъ что они мѣшаютъ всѣмъ другимъ, желающимъ дѣло дѣлать.

Г. Классовскій. Я говорю, что выраженіе, «*noblesse oblige*», какъ и многое другое, подлежитъ оговоркѣ, ограниченію, но общій смыслъ его понятенъ... Чтобы это не было банальностью, сошлюсь и на слѣдующее. Дѣти знатныхъ семействъ, (а не богатыхъ, потому что это не одно и тоже) съ довольно ранняго возраста пріучаются смотрѣть на вещи не сверху внизъ и не снизу вверхъ, а, такъ сказать, въ упоръ, противъ самой середины. Дѣти, находящіяся въ противоположныхъ условіяхъ не поставлены въ необходимость страдать этой крайностью. Далѣе: референтъ сказалъ, что дѣти знатныхъ, и какъ онъ смѣшалъ знатныхъ съ богатыми, то и богатыхъ, семействъ окружены преимущественно наемщиками. Слово это потому звучитъ презрительно, что тутъ есть суфиксъ презрительный,—шарманщикъ, обманщикъ и т. д.,—но если дѣло назвать другимъ терминомъ, если сказать, что на нихъ работаютъ за гонорарій, тогда окажется, что получающіе гонорарій въ гораздо большемъ количествѣ и съ менѣе удовлетворительною качественностью окружаютъ и въ школѣ дѣтей. Что же касается до наемщиковъ, которыхъ можно разумѣть съ презритель-

нымъ суффиксомъ, проще говоря, лакеевъ, то они не имѣютъ никакого соприкосновенія съ дѣтьми въ знатныхъ семействахъ. Я не вижу никакой разницы между гувернеромъ, получающимъ жалованье въ семействѣ, и учителемъ, получающимъ жалованье въ гимназіи, прогимназіи и гдѣ бы то ни было.

Слѣдовательно, хотя это слово неблагозвучно, здѣсь оно не имѣетъ значенія. Далѣе референтъ сказалъ рѣзко, какъ и слѣдуетъ въ тезисѣ, и кратко, каковы должны быть мужскіе тезисы *(смѣхъ)* что домашнее воспитаніе нецѣлесообразно, безусловно нецѣлесообразно. А напр. что такое мать? Русская пословица говоритъ,—пословица же, какъ извѣстно, есть мысль всѣхъ, высказанная однимъ, слѣдовательно, мысль безконтрольно вѣрная,—пословица говоритъ: отцовъ много, а мать одна. Въ общемъ смыслѣ пословица эта фактична и содержательна,—мать скорѣе присутствуетъ, чѣмъ отсутствуетъ при домашнемъ воспитаніи, и никакъ нельзя утверждать, что чѣмъ выше общество, тѣмъ хуже мать. Вопросъ усложняется въ пользу той мысли, что нельзя назвать нецѣлесообразнымъ то воспитаніе, которое, почти какъ правая сторона безъ лѣвой, не можетъ обходиться безъ присутствія матери. Мнѣ кажется, что не хваля не хорошаго, не наводя розовой краски на то, что черно, или даже на сѣрое, если посмотрѣть на двѣ стороны медали, то нельзя высказать того, что говоритъ г. референтъ. Неужели онъ посмотритъ иронически на то, что мать, по пословицѣ, одна (впрочемъ я отказываюсь отъ чего либо похожаго на остроту, она вышла бы и не удачна). Въ рефератѣ, который, повторяю, указываетъ на темныя стороны условій или, лучше сказать, на обстановку жизни, разсуждая о „питаніи“ ребенка въ семействахъ знатныхъ и богатыхъ (на этотъ разъ можно слить одно съ другимъ, тѣмъ болѣе, что это входитъ въ мысль самого референта) референтъ говоритъ, что питаніе тамъ „гораздо благопріятнѣе“ чѣмъ въ другихъ обстановкахъ. По моему, въ этомъ можно видѣть только хорошее, потому что извѣстно—mens sana in corpore sano; референтъ же указываетъ тутъ на раннее развитіе эротическаго элемента какъ на слѣдствіе хорошаго питанія! Неужели же хорошее питаніе ведетъ только къ развитію эротическаго инстинкта? Я полагаю, нисколько не преувеличивая, что отъ чтенія грязныхъ стихотвореній и анекдотовъ, доступъ которымъ скорѣе преграженъ, чѣмъ открытъ, въ семейства не только знатныя, но даже состоятельныя, между тѣмъ какъ въ школѣ они поминутно бываютъ въ рукахъ мальчиковъ, что отъ этого гораздо скорѣе, чѣмъ отъ хорошаго питанія, разовьется этотъ инстинктъ. Притомъ же есть физіологическіе факты, доказывающіе, что онъ рано развивается болѣе у лимфатиковъ, бѣдныхъ кровью, но съ непормально задорными нервами, а прибавленіе шариковъ въ крови черезъ хорошее питаніе скорѣе приведетъ организмъ въ равновѣсіе, чѣмъ направитъ его въ ту сторону, которую я назвалъ употребленнымъ мною именемъ. Мимоходомъ замѣчу, что, говоря объ обращеніи въ школѣ у мальчиковъ сальныхъ анекдотовъ и стиховъ, я вовсе не хочу бросить камнемъ въ этихъ мальчиковъ и въ заведенія. Опытъ показываетъ, что не всегда развращены тѣ, которые имѣютъ въ рукахъ эти стихотворенія, а только у нихъ сильно развито воображеніе; точно также извѣстенъ разсказъ про одного изъ самыхъ честныхъ въ жизни людей, Дельвига, который былъ лгуномъ въ школѣ вслѣдствіе сильнаго воображенія: слѣдовательно фактъ, развращающій ребенка, распространенный въ школѣ и несуществующій рѣшительно въ семействахъ, я привелъ съ цѣлью, которая, мнѣ кажется, ясна. Наконецъ, воспитаніе дѣтей въ знатныхъ и богатыхъ семействахъ въ такомъ случаѣ можно было бы безусловно, безоговорочно назвать нецѣлесообразнымъ, если бы школа про-

цвѣтала болѣе, чѣмъ она процвѣтаетъ въ настоящее время. Словомъ: я договорился до того, чѣмъ я еще не заключаю моего возраженія, хотя оно уже близко къ заключенію—референту слѣдовало разсмотрѣть дѣло съ двухъ сторонъ, не только въ интересахъ истины, но даже въ интересахъ убѣдительности, потому что коль скоро истина ярко бросается въ глаза, коль скоро она доказательно подтверждена несомнѣнными фактами, то не слѣдуетъ прилетать къ ней тенденціозности. Если бы референтъ, съ какой бы то ни было цѣлью, хоть по прихоти, рѣшился написать тенденціозный рефератъ, ему бы сказали „вы достигли цѣли". Теперь послѣдняя мысль. Мнѣ кажется, что о домашнемъ воспитаніи нельзя сказать почти ничего опредѣленнаго...

Въ этомъ и заключается причина, почему даже въ нѣмецкой педагогикѣ, самой богатой, очень мало о немъ написано. По моему мнѣнію, частныхъ воспитаній ровно столько, сколько частныхъ случаевъ, а кто-же возьмется перечислить частные случаи? Положимъ, въ домѣ *А*, знатномъ и богатомъ, ребенка воспитываетъ англичанинъ, въ другомъ домѣ—швейцарецъ, въ третьемъ—французъ, въ четвертомъ—русскій. Я назвалъ только самое крупное подраздѣленіе, а развѣ не существуетъ и другихъ еще подраздѣленій? Бываютъ русскіе воспитатели, одни, получившіе образованіе въ духовныхъ заведеніяхъ, другіе—въ военныхъ, третьи, наконецъ,—въ гражданскихъ, развѣ это три однаковыя вещи? Далѣе: у мальчика есть сестры, родные и двоюродные братья, которые вмѣстѣ съ нимъ берутъ уроки, играютъ съ нимъ, или онъ ростетъ одиноко,—такъ что нѣтъ никакой возможности подвести домашнее воспитаніе къ одному знаменателю... Я еще только одно прибавлю, (это мнѣ прежде слѣдовало сказать, но я забылъ, только теперь припомнилъ): референтъ такъ же безусловно, какъ безусловно назвалъ онъ домашнее воспитаніе нецѣлесообразнымъ, вооружается противъ пользы, возможной отъ частныхъ уроковъ, сравнительно съ тою, которую онъ очень рельефно выставилъ, какъ неизбѣжную въ общественныхъ заведеніяхъ. Когда мы говоримъ здѣсь о чемъ-нибудь общемъ, то ничто не мѣшаетъ намъ имѣть въ виду идеальнаго учителя; для упрощенія задачи я предполагаю такого учителя, а хорошій учитель въ числѣ своихъ неотъемлемыхъ, существенныхъ качествъ долженъ обладать находчивостью. Прежде всего онъ приноравливается къ тѣмъ условіямъ, среди которыхъ будетъ преподавать. Неужели же онъ не найдетъ возможности хорошо преподавать частные уроки? Г. референтъ привелъ факты въ пользу общественныхъ уроковъ и во вредъ урокамъ частнымъ. Такъ онъ сказалъ, что въ многолюдномъ классѣ какимъ бы эвристическимъ способомъ ни былъ найденъ фактъ учениками или переданъ учителемъ, онъ повторится нѣсколько разъ на разные лады, съ разными ошибками, которыя очень поучительны: этого нельзя сдѣлать на частномъ урокѣ и т. д. Но развѣ нельзя суррогатировать этого чѣмъ-нибудь другимъ? Очень возможно, напр. изложеніемъ чего бы то ни было на нѣсколько ладовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что можно придумать еще многое другое, что мнѣ теперь въ голо в не приходитъ, но что можетъ быть употреблено скорѣе въ пользу, чѣмъ во вредъ частнымъ урокамъ. Нѣтъ также никакого сомнѣнія, что, занимаясь съ однимъ ученикомъ, учитель можетъ болѣе принадлежать ему, чѣмъ занимаясь со многими.

Слѣдовательно, то вѣское, неопровержимое, что приведено г. референтомъ въ пользу общественныхъ уроковъ, по крайней мѣрѣ не безусловно неопровержимо. Этимъ я ограничусь: больше, кажется, мнѣ нечего прибавлять.

Г. Сентъ-Илеръ. Нѣкоторыя изъ вашихъ возраженій были мнѣ очень интересны, но мнѣ кажется вамъ было-бы удобнѣе отвѣчать на отдѣльные тезисы. Если подъ этимъ подразумѣваютъ возраженія на весь рефератъ, то это неудобно для референта.

Г. Классовскій. Я сдѣлалъ это по двумъ, нѣтъ—по тремъ причинамъ. Во первыхъ, я думаю, что все существенное можетъ быть кратко выражено, хотя съ самой широкой возможностью ошибокъ, которыя я охотно беру на свою долю. Во-вторыхъ, я по разнымъ обстоятельствамъ, между прочимъ по разстроенному здоровью, не надѣюсь быть на слѣдующихъ засѣданіяхъ, въ третьихъ, теперь до конца засѣданія остается всего полчаса, записалось же много желающихъ вамъ возражать, которые выскажутъ и то, что мнѣ въ голову не приходило, такъ что съ моей стороны было бы самолюбіемъ не предоставить простора тѣмъ, которые записались и удовлетворять васъ болѣе меня.

Г. Сентъ-Илеръ. Одно ваше возраженіе я принимаю вполнѣ, именно, что заглавіе моего реферата, можетъ быть, неточно и если дѣйствительно очень строго понимать названіе реферата, «О воспитаніи дѣтей въ богатыхъ семействахъ», то, конечно, мой рефератъ неполный. Я не хотѣлъ писать трактата о воспитаніи въ этихъ семействахъ вообще, и вовсе не касался оборотной стороны медали, о чемъ впрочемъ я въ самомъ началѣ оговорился. Собственно говоря я долженъ бы былъ озаглавить свой реферата такимъ образомъ: «нѣкоторыя педагогическія болѣзни, существующія въ семействахъ, въ которыхъ дѣтямъ даютъ исключительное домашнее воспитаніе». Я въ самомъ началѣ прямо сказалъ, что вовсе не считаю этого воспитанія особенно дурнымъ, что въ бѣдныхъ и другихъ семействахъ бываютъ темныя стороны, но что ихъ труднѣе свести, потому что причины ихъ различны. Къ этому я также отношу ваше возраженіе, что трудно сдѣлать общій обзоръ домашняго воспитанія, вотъ поэтому-то я и ограничился только тѣмъ, что высказано авторомъ статьи Prinzen Erziehung, и старался только объяснить діагнозу той педагогической болѣзни, которая по моимъ наблюденіямъ во многихъ случаяхъ существуетъ и у насъ въ Россіи. Поэтому мнѣ очень жалко, что вы считаете мой рефератъ тенденціознымъ, такъ какъ я вовсе не желалъ, чтобы онъ произвелъ такое впечатлѣніе.

Г. Классовскій. Я беру назадъ слово „тенденціозный“, оно слишкомъ рѣзко и употреблено только вслѣдствіе того, что я боялся распространяться, хотѣлъ быть краткимъ. Приберите другое слово, болѣе простое, я на это согласенъ; остановитесь только на моей метафорѣ—надо смотрѣть на медаль съ двухъ сторонъ, а слово тенденціозность въ смыслѣ, высказывающемъ какъ бы неуваженіе къ вамъ, я беру назадъ.

Г. Сентъ-Илеръ. Я понимаю свой рефератъ такимъ образомъ: если медикъ пишетъ трактатъ о болѣзни горла, то это не значитъ, что онъ долженъ выставить и нормальное состояніе горла. Я старался въ своемъ рефератѣ обобщить нѣкоторые недостатки, общіе многимъ богатымъ мальчикамъ.

Г. Класовскій. Этимъ сравненіемъ вы вполнѣ оправдались.

Г. Сентъ-Илеръ. Тутъ есть еще нѣкоторыя недоразумѣнія. Вы употребили другой терминъ, вы говорите эротическій инстинктъ, а у меня приведено другое выраженіе, именно—половое развитіе. Половое развитіе можетъ существовать помимо эротическаго инстинкта.

Г. Классовскій. Вы указали на него, какъ на зло.

Г. Сентъ-Илеръ. Я указалъ какъ на слѣдствіе. Это причина, которая

заставляетъ воспитателя быть внимательнымъ. Я совсѣмъ не думаю, что при этомъ необходимо что нибудь дурное, это просто фактъ, который я нашелъ въ разбираемой статьѣ и который можно найти во многихъ физіологическихъ и политико-экономическихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ подтверждается, что половое развитіе находится въ связи съ питаніемъ. Затѣмъ ваше возраженіе о матери, извините, я совсѣмъ не понялъ. У меня въ тезисахъ и вообще въ рефератѣ говорится, что мать въ богатыхъ семействахъ бываетъ рѣже съ дѣтьми чѣмъ въ бѣдномъ.

Г. Классовскій. Я поясню свою мысль, хоть и не помню, чтобы вы сказали это. Я имѣлъ въ виду, что при домашнемъ воспитаніи мать почти всегда бываетъ, а при общественномъ ея не бываетъ.

Г. Сентъ-Илеръ. Въ такомъ смыслѣ я считаю совершенно нормальнымъ—и это у меня высказано въ концѣ реферата—не то школьное воспитаніе, когда мальчики живутъ постоянно въ школѣ, а то, когда они учатся въ школѣ, а воспитываются дома. Въ этомъ случаѣ бѣдный ребенокъ больше находится съ матерью, нежели богатый ребенокъ. Вѣроятно, всякій, кому случалось бывать въ такихъ семействахъ, скажетъ, что это дѣйствительно вѣрно.

Г. Классовскій. Едва-ли такъ. Я думаю, что у бѣдной матери семейства въ большинствѣ случаевъ много хлопотъ, заботъ и хозяйственныхъ затрудненій, тогда какъ обезпеченная мать семейства, при любви къ ребенку, скорѣе имѣетъ болѣе времени оставаться съ нимъ.

Г. Сентъ-Илеръ. Это правда, но на фактѣ этого не бываетъ.

Г. Классовскій. Я говорю, что въ общихъ вопросахъ берутся идеальныя лица.

Г. Сентъ-Илеръ. Если вы берете идеальныя лица, то берите ихъ по крайней мѣрѣ въ условіяхъ, которыя существуютъ. Въ богатыхъ семействахъ вообще гораздо чаще бываютъ гувернеры, гувернантки и черезъ это самое матери даже неловко быть постоянно при ребенкѣ.

Г. Классовскій. Вѣдь въ рукахъ матери сдѣлать такъ, чтобы ей было ловко, а гувернанткѣ неловко.

Г. Сентъ-Илеръ. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ брать гувернантку?

Г. Классовскій. Помощницей.

Г. Сентъ-Илеръ. Я по крайней мѣрѣ никогда не встрѣчалъ такихъ случаевъ.

Г. Классовскій. На имена ссылаться трудно, а то я могъ бы доказать... Это все равно, что ссылаться на свою практику, а въ нашемъ же Обществѣ много разъ было замѣчено, что это неудобно. Если бы я съ вами имѣлъ случай вести частный разговоръ, то я сослался бы на имена... Можетъ быть я ошибаюсь, можетъ быть, эти случаи только мнѣ подвернулись,—не даромъ же говорятъ, что случай безсистеменъ.

Г. Сентъ-Илеръ. Въ такомъ случаѣ мы не можемъ спорить о томъ, гдѣ мать имѣетъ больше значенія. Я все-таки утверждаю, что въ томъ семействѣ, гдѣ она играетъ роль, которая ей назначена, т. е. гдѣ она дѣйствительно полная и единственная хозяйка въ домѣ, тамъ она и имѣетъ больше вліяніе на воспитаніе дѣтей. Этого не бываетъ въ богатыхъ семействахъ, гдѣ мать имѣетъ дѣйствительно много досуга, но какъ она его употребляетъ—это другой вопросъ.

Г. Классовскій. Это вопросъ отдѣльный, личный.

Г. Сентъ-Илеръ. Теперь насчетъ наемщиковъ. У меня нѣтъ слова наемщикъ, а употреблено слово наемное лицо, такъ что тутъ тотъ суфиксъ, о которомъ вы говорили, не существуетъ.

Г. Классовскій. Вы уже давно читали вашъ рефератъ, а я никогда не записываю тезисовъ, надѣясь на свою память, которая у меня довольно хороша. Суфиксъ тутъ не важенъ.

Г. Сентъ-Илеръ. Вы, кажется, сказали, что тутъ именно суфиксъ обиденъ.

Г. Классовскій. Суть мысли не измѣняется: я говорю, что наемныя лица одинаково окружаютъ ребенка какъ въ школѣ, такъ и дома.

Г. Сентъ-Илеръ. Это другой вопросъ.

Г. Пятковскій. Почему вы находите, что это обидный суфиксъ, а раскащикъ, пайщикъ?

Г. Классовскій. Вещи раздѣляются на главныя и второстепенныя, и когда кто-нибудь кратко говоритъ, то второстепенныя вещи пропускаются мимо ушей.

Г. Сентъ-Илеръ. Я хотѣлъ сказать насчетъ наемныхъ лицъ. Мнѣ кажется, что нельзя сказать будто одно и тоже учитель, приходящій учить въ школу и гувернеръ, живущій въ домѣ. Учитель въ нормальной школѣ хозяинъ класса, всякій мальчикъ понимаетъ, что это лицо, назначенное учить его; конечно, онъ получаетъ жалованье, но это имѣетъ другой смыслъ, нежели плата жалованья лицу, живущему въ домѣ и находящемуся въ такомъ положеніи, что ему поручено дѣло, которое въ нормальныхъ случаяхъ должны были исполнять сами родители. Ребенокъ очень хорошо понимаетъ, что матери некогда или она не умѣетъ учить его, и онъ идетъ въ школу учиться,— это совершенно нормально.

Г. Классовскій. Вы сказали, что учитель хозяинъ класса. Это смотря по тому какова программа и каковъ начальникъ школы...

Г. Сентъ-Илеръ. Это не относится къ вопросу, это относится къ дисциплинѣ класса. Я понимаю, что ни въ какомъ сколько нибудь нормальномъ заведеніи, ученикъ никогда не можетъ говорить, что учитель даромъ деньги получаетъ? А эта мысль, повѣрьте, довольно часто является у дѣтей богатыхъ семействъ.

Г. Классовскій. Это темная сторона сословія, такъ и отцы ихъ говорятъ.

Г. Сентъ-Илеръ. Нѣтъ, не сословія, а положенія..

Г. Классовскій. Дѣло въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ вопросъ въ характерѣ и въ достоинствѣ. Человѣкъ твердаго характера, имѣетъ-ли онъ дѣло съ родителями учениковъ, или съ своимъ офиціальнымъ начальникомъ, всегда можетъ поставить себя извѣстнымъ образомъ.

Г. Миропольскій. Мои замѣчанія будутъ какъ бы косвеннымъ отвѣтомъ на тѣ возраженія, которыя представлены г. Классовскимъ. Г. Классовскій нашелъ нѣсколько неудобнымъ то обстоятельство, что рефератъ г. Сентъ-Илера могъ бы имѣть и другое названіе, которое дало бы ему болѣе широкое, жизненное значеніе. Мнѣ кажется, что наротивъ, это составляетъ одно изъ лучшихъ достоинствъ реферата, что ему можетъ принадлежать такое заглавіе, которое прямо указываетъ на жизненное значеніе того вопроса, который въ немъ разрабатывается, потому что пока педагогическое дѣло будетъ выдѣляться изъ жизни, до тѣхъ поръ не откроется передъ обществомъ и та живая

непосредственная связь, которая должна существовать между воспитательнымъ дѣломъ и жизнью. Вопросъ, поставленный почтеннымъ референтомъ, имѣетъ такую серьезную важность, что какъ извѣстно, онъ замѣченъ былъ въ литературѣ; настоящее присутствіе многочисленныхъ слушателей въ сегодняшнемъ собраніи также свидѣтельствуетъ, какъ нельзя болѣе, что онъ вызвалъ живой интересъ въ обществѣ; самая постановка вопроса сдѣлана весьма мѣтко, потому что указываетъ на прямое жизненное вліяніе, которое можетъ имѣть рѣшеніе поднятаго педагогическаго вопроса на бытовую сторону нашей жизни; такъ какъ вопросъ этотъ не исключительно педагогическій, ибо онъ широко, глубоко и всесторонне захватываетъ всѣ основы нашей жизни, — это вопросъ общественный, домашній, соціальный, бытовой, нравственный,—то замѣченное выше обстоятельство, что изслѣдователь его дѣйствительно указалъ на неблагопріятныя жизненныя условія среди которыхъ воспитываются дѣти, составляетъ именно лучшее достоинство реферата. Мнѣ напротивъ, представляется даже нѣкоторая недостаточность изслѣдованія въ этомъ отношеніи; само собою разумѣется, что рефератъ очень не великъ, да и референтъ выразилъ въ немъ, что онъ не задавался задачей-исчерпать вопросъ во всей его глубинѣ и широтѣ, такъ какъ этотъ вопросъ рѣшается гораздо болѣе жизнью, чѣмъ непосредственно въ кабинетѣ. Я уже сказалъ, что постановка вопроса сдѣлана очень удачно; съ другой стороны, я отдаю полную справедливость и тому, что къ рѣшенію вопроса референтъ приступилъ съ психологической точки зрѣнія, такъ какъ это единственная правильная точка зрѣнія, которая только и должна существовать въ рѣшеніи педагогическихъ вопросовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросъ этотъ по самой сложности своей чрезвычайно трудный, и вполнѣ рѣшить его въ данномъ случаѣ, при данныхъ условіяхъ, почти невозможно. Рѣшеніе этого вопроса должно быть коллективнымъ, оно совершится путемъ жизни, поэтому, мнѣ кажется, въ настоящее время главная задача наша должна заключаться въ томъ, чтобы по возможности правильною постановкою вопроса, именно указаніемъ тѣхъ сторонъ, которыми вопросъ этотъ непосредственно сближается съ жизнью, вызвать къ нему интересъ. Это и совершено уже почтеннымъ референтомъ; затѣмъ остается по возможности шире поставить это дѣло, такъ чтобы оно захватило собою все общество, привлекло самыя разнородныя силы къ его рѣшенію. Такимъ образомъ, мои общія возраженія, касающіяся всего реферата, будутъ главнымъ образомъ относиться къ самой постановкѣ вопроса.

Мнѣ кажется, сколько я могъ усвоить ваше прекрасное чтеніе, что центромъ его служитъ не столько воспитательная задача, въ строгомъ смыслѣ этого слова, сколько интелектуальная, учебно-воспитательная цѣль. Я далекъ отъ той мысли, чтобы вы совершенно не замѣтили воспитательной стороны дѣла, опустили изъ виду условія образованія характера въ дѣтяхъ; нѣтъ, совершенно нѣтъ; но мнѣ кажется, что вы коснулись этой стороны только слегка, какъ бы вскользь, по крайней мѣрѣ въ тезисахъ мы не встрѣчаемъ вопроса, который я считаю въ высшей степени важнымъ, а именно мы не встрѣчаемъ вопроса объ условіяхъ образованія нравственнаго характера ребенка; главную часть вашего труда составляетъ анализъ интелектуальнаго развитія дѣтской личности; дѣйствительно, вы говорите о ненормальномъ развитіи воли, но одна воля и ея дѣятельность не составляютъ еще характера. Характеръ — это сложный результатъ цѣлой совокупности психическихъ операцій, а не одной только воли; сюда должны входить не только опредѣленія воли, но

и различнаго рода психическія состоянія, эмоціи, особенно тотъ элементъ, который извѣстенъ подъ именемъ *навыковъ*, и который у васъ оставленъ безъ всякаго анализа, безъ всякаго опредѣленія условій его развитія. На эти навыки доселѣ мало еще было обращаемо вниманія въ педагогикѣ, и только Бенъ, Браунъ и отчасти Спенсеръ подвергли ихъ болѣе серьезному разсмотрѣнію, а между тѣмъ они сильнѣе всякихъ умственныхъ ассоціацій вліяютъ на организацію моральной личности; подъ вліяніемъ ихъ организуются самыя глубокія стороны характера. Спенсеръ, въ извѣстномъ, столь часто цитируемомъ всѣми III-мъ томѣ своихъ опытовъ говоритъ, что жизнь наша слагается не по научной программѣ, не въ силу тѣхъ опредѣленій мысли, или понятій, которыя мы вырабатываемъ въ школѣ, но именно въ силу тѣхъ непосредственныхъ возбужденій, которыя двигаютъ нашу волю въ данный моментъ и которыя являются уже, въ видѣ навыковъ, какъ рефлексы. Эти то психологическіе навыки имѣютъ широкое и глубокое значеніе въ выработкѣ характера и раскрытіе ихъ, мнѣ кажется, дополнило бы въ высшей степени интересный и прекрасно составленный рефератъ вашъ, и указало бы ту область, которая до сихъ поръ оставалась не затронутою. Это первое мое возраженіе, заключающееся въ томъ, что, по мнѣнію моему, въ изслѣдованіи о воспитаніи *первое* мѣсто нужно отдать именно *вопросу объ условіяхъ образованія нравственнаго характера*. Я, повторяю еще разъ, далекъ отъ мысли, чтобы почтенный референтъ не замѣтилъ вовсе этой стороны дѣла; нѣтъ; я уже сказалъ, что въ рефератѣ есть указаніе на отсутствіе энергіи, на пассивность, инерцію, недостатокъ трудолюбія и ненормальность развитія воли въ дѣтяхъ, воспитываемыхъ при извѣстныхъ условіяхъ; говорится также и объ отношеніи ихъ къ идеѣ долга, но все это затрогивается слегка и не ставится центромъ, такъ что главнымъ образомъ изслѣдованіе ваше относится къ учебной части или къ домашнему обученію дѣтей въ богатыхъ семействахъ.

Это одна сторона; въ связи съ ней стоитъ другая часть моего возраженія, которое, впрочемъ, я не позволю себя даже назвать возраженіемъ, потому что я нисколько не противникъ того, что выражено въ рефератѣ, а напротивъ вполнѣ согласенъ со взглядомъ и несомнѣнно мѣткимъ и жизненнымъ опредѣленіемъ вопроса, которое сдѣлано почтеннымъ референтомъ. Я только желалъ бы дополнить и расширить постановку вопроса. Мнѣ кажется, что рефератъ не вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ цѣлямъ, которыми задался почтенный референтъ. Почтенный референтъ заявилъ, что онъ стоитъ за выбранное имъ заглавіе, и это вполнѣ вѣрно; но у меня существуетъ точка зрѣнія, нѣсколько отличная отъ той, которая указана г. Классовскимъ. Мнѣ кажется, что изслѣдователь коснулся и захватилъ только одну небольшую часть той области, которая указана заглавіемъ, и это произошло оттого, что главною задачей референта было не изслѣдованіе условій образованій характера дѣтей въ богатыхъ семействахъ, а анализъ условій интеллектуальнаго ихъ развитія. Если бы референтъ задался первою цѣлью, то мнѣ кажется, само собою, естественно и неизбѣжно выдѣлилась бы цѣлая масса новыхъ явленій въ наблюдаемой сферѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ явленія этого обширнаго, богатаго для изслѣдованія міра разгруппировались бы на нѣкоторыя частныя *системы воспитанія*. Я останавливаюсь на этомъ послѣднемъ выраженіи; я хочу этимъ сказать, что открылись бы *не случайныя* факты въ сферѣ воспитанія дѣтей въ богатыхъ семействахъ, а цѣлый рядъ опредѣленныхъ и постоянныхъ явленій, объусловливаемыхъ извѣстными принципами,—принципами, которые припи-

маются не однимъ, двумя, или тремя лицами, но цѣлою категоріей лицъ. Подъ вліяніемъ именно этихъ принциповъ вырабатываются *характеры*, извѣстные въ литературѣ подъ именемъ *типовъ*. Типъ—это не есть случайный фактъ, не индивидуальная особенность личности;—это родовыя черты, постоянно повторяющіяся. Кто думаетъ, что типъ есть явленіе случайное, тотъ смотритъ на дѣло слишкомъ поверхностно. Но, разъяснить, что такое типъ, указать, гдѣ *почва* для извѣстныхъ типовъ, опредѣлить *условія образованія* и *развитія* извѣстныхъ типическихъ чертъ характеровъ, это значитъ оказать великую заслугу и педагогическому дѣлу, и слѣдовательно, обществу. Такая постановка вопроса вмѣстѣ съ тѣмъ показала бы обществу ту жизненную, непосредственную связь, которая существуетъ между жизнью и педагогическимъ дѣломъ. Не имѣя въ виду исчерпать этого сложнаго и обширнаго предмета въ короткой замѣткѣ, я тѣмъ не менѣе для того, чтобы наглядпѣе, конкретнѣе представить тѣ черты, которыя я сейчасъ выразилъ, укажу на нѣсколько крупныхъ характеристическихъ типовъ, образуемыхъ различными *системами* воспитанія въ богатыхъ семействахъ. Такимъ образомъ мнѣ кажется, что въ наблюдаемой сферѣ можно различать нѣсколько системъ воспитанія, такъ напр., можно сказать, что въ сферѣ жизни богатыхъ людей есть система воспитанія *сентиментальнаго;* здѣсь являются *Маниловы, Райскіе*—мечтателѣные, нервные, лихорадочно-дѣятельные, или лѣнивые, но вообще безцѣльные и безполезные въ жизни, тяжесть, или бремя земли, «inutilia pondera terrae», какъ говоритъ Коменскій...

Г. Классовскій. А гдѣ ихъ нѣтъ?

Г. Миропольскій. Нужно выяснить, гдѣ лежитъ причина, корень этого отрицательнаго явленія жизни, это, безъ сомнѣнія, будетъ великая заслуга. Затѣмъ, есть воспитаніе *барское*, которое, какъ мнѣ кажется, вы главнымъ образомъ и имѣли въ виду въ вашемъ рефератѣ; здѣсь главную роль играютъ традиціи, аристократическія преданія, на этой почвѣ часто раждаются *Павлы Кирсановы* и tutti quanti. Здѣсь можно различить нѣсколько видовъ воспитанія: во 1-хъ, воспитаніе *дворянское*. Потомъ есть воспитаніе *бюрократическое;* существенною чертою его можетъ служить слишкомъ ранняя спеціализація, которая ставится задачею и цѣлью воспитанія; такъ напр., отдача дѣтей въ раннемъ возрастѣ въ спеціальныя заведенія, каковы: лицеи, училище правовѣденія, съ его прерогативами, правами и т. д. Едва ребенокъ родился, ему назначаютъ уже извѣстную цѣль и опредѣленнымъ воспитаніемъ подгоняютъ его къ этой цѣли во что бы то ни стало. Такіе педагогическіе пріемы, конечно, даютъ извѣстные результаты и вырабатываютъ то, что называется типомъ этой жизни. Затѣмъ, въ сферѣ богатой жизни есть воспитаніе *животное*—это: «ventres pigri» — лѣнивые желудки, по выраженію того же Коменскаго. Сюда можно отнести Нѣтуха Гоголя и его питаніе. Конечно, это типъ очень рѣзкій, но тѣмъ не менѣе надо согласиться, что есть много людей, коптящихъ небо, для которыхъ главную задачу жизни составляетъ услажденіе своей особы, начиная съ желудка и кончая взорами (балеты). Это явленіе также составляетъ типъ воспитанія въ сферѣ богатой жизни. Затѣмъ наконецъ, въ этой же сферѣ можно отыскать новую систему воспитанія, именно *самодурную* (деспотическую); она по преимуществу относится къ купечеству; сословіе это владѣетъ громадными средствами и изъ среды его выходятъ иногда въ высшей степени замѣчательные дѣятели, разные Кифы Кифіевичи, Моки Мокіевичи, Киты Китовичи и прочее звѣрье, наводящее ужасъ на всѣхъ окру-

жающихъ. Выяснить, какимъ образомъ слагаются эти типы, гдѣ почва для ихъ образованія, гдѣ корень этого зла,—это значитъ оказать великую заслугу педагогикѣ. Я, конечно, не вмѣняю недостатокъ этого обстоятельства въ вину референту, я сказалъ, что не опонирую, а только желаю установить болѣе широкую точку зрѣнія на данный вопросъ; я считаю за особенное достоинство реферата, что въ немъ взятъ вопросъ жизни, а что это дѣйствительно такъ, лучше всего доказывается движеніемъ, совершившемся въ пользу этого вопроса и въ обществѣ, и въ литературѣ, но мнѣ кажется, что та точка зрѣнія относительно воспитанія дѣтей въ богатыхъ семействахъ, о которой я говорю, отличаясь полнотою, была бы важна и въ томъ отношеніи, что общество не случайно, поверхностно, а вполнѣ сознательно могло бы убѣдиться въ той живой связи, которая соединяетъ интересы воспитанія съ интересами общества. Если педагогика—сила жизни, то она должна сама идти изъ жизни и не игнорировать тѣхъ явленій, изъ которыхъ слагается наша жизнь, которыя бьютъ въ глаза и которыя тѣмъ не менѣе оставались до сихъ поръ незамѣченными, покрайней мѣрѣ я не встрѣчалъ статей, гдѣ бы трактовалось объ этомъ вопросѣ. Итакъ, вотъ та точка зрѣнія, которая, мнѣ кажется, могла бы дополнить постановку этого вопроса.

Перехожу къ новому возраженію на рефератъ. Я сказалъ, что почтенный референтъ взялъ преимущественно одну сферу изъ наблюдаемой области—*барсков* воспитаніе и дѣйствительно мастерски охарактеризовалъ его; но тѣ черты, которые имъ представлены, взяты слишкомъ частнымъ образомъ; съ моей точки зрѣнія здѣсь выступали бы новые *агенты* воспитанія. Мы встрѣчаемся въ рефератѣ, во 1-хъ, съ лицами наемными. Я вполнѣ согласенъ со взглядомъ референта на дѣятельность наемныхъ лицъ, такъ какъ онъ не разумѣетъ честныхъ тружениковъ, а характеризуетъ людей, которые изъ за куска хлѣба, и не имѣя ни достаточной развитости, ни горячаго расположенія къ труду, принимаютъ на себя великое дѣло воспитанія; естественно, что отыскать человѣка съ глубокой душой, по призванію отдавшагося воспитанію, чрезвычайно трудно. Этотъ элементъ воспитанія и его значеніе въ воспитаніи богатыхъ семействъ указаны совершенно вѣрно; но затѣмъ вліяніе домашнихъ отношеній взято не полно; далѣе, указано на раннее возбужденіе нервной системы, и это черта въ высшей степени характеристическая, такъ какъ раннее возбужденіе нервной системы составляетъ именно типическую особенность воспитанія въ богатыхъ семействахъ; но при этомъ сюда могли бы войдти еще такіе агенты воспитанія, какъ напр., та *моральная атмосфера*, тотъ циклъ понятій и воззрѣній, среди которыхъ живетъ дитя, такъ какъ вліяніе и сила этихъ преданій, предразсудковъ и пр. неотразима, хотя и не замѣтна. Точно также большое имѣетъ значеніе въ воспитаніи и самый *образъ жизни* семьи такъ напр., въ богатыхъ семьяхъ условія жизни поставлены такъ, что ночь обращается въ день и т. д. Г. референтъ весьма основательно также замѣтилъ что въ богатыхъ семействахъ мать имѣетъ менѣе досуга, чѣмъ въ семьяхъ менѣе обезпеченныхъ, вслѣдствіе общественныхъ условій, обязывающихъ ее выѣздами, пріемомъ гостей; здѣсь не лишне было бы указать вліяніе на воспитаніе интереса—онъ также есть результатъ общественныхъ условій модъ, нарядовъ и различнаго рода пустыхъ вещей. Все это въ высшей степени желательно указать. Затѣмъ внутреннія, домашнія отношенія членовъ семьи также служатъ важными элементами образованія характера. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что авторъ разсматривая и анализируя предметъ, беретъ его только

съ отрицательной стороны; правда, что референтъ характеризуетъ его чрезвычайно мѣтко, но ограничиваться одною только отрицательною работою, мнѣ кажется, значитъ быть одностороннимъ. Дѣло въ томъ, что не столько важна помощь, сколько *самопомощь*, а сущность самопомощи заключается въ томъ, чтобы человѣкъ могъ самостоятельно найти въ данныхъ условіяхъ нѣкоторую точку опоры, для того чтобы имѣть возможность начать внутреннюю, личную работу надъ собою и надъ окружающимъ матеріаломъ. По этому, мнѣ кажется, было бы въ высшей степени желательно, рядомъ съ анализомъ явленій чисто отрицательныхъ указать, въ чемъ заключаются условія благопріятныя, даваемыя громаднымъ перевѣсомъ средствъ, для воспитанія въ богатыхъ семействахъ,—указать, какимъ образомъ можно воспользоваться данными условіями для того, чтобы положить предѣлъ существованію не нормальнаго воспитанія, которое мы теперь такъ часто видимъ, и которое обнаруживается произведеніемъ указанныхъ мною различныхъ типовъ. При этомъ я считаю возможнымъ остановиться на одной чертѣ реферата, именно той, гдѣ референтъ, даже не однажды, обращается къ сравнительной характеристикѣ жизни бѣдныхъ и богатыхъ людей. Такъ напр., въ рефератѣ говорится, что въ бѣдныхъ семействахъ дѣти поставленны въ болѣе благопріятныя условія для воспитанія, чѣмъ въ семействахъ богатыхъ. Мнѣ кажется, что съ этимъ едва ли можно согласиться, я бы согласился въ такомъ случаѣ, если бы рѣчь шла о достаточныхъ семействахъ; это другое дѣло; а бѣдность, это—страшно тяжелое положеніе и несчастно воспитаніе подъ гнетомъ бѣдности; вы говорите о соціальныхъ выгодахъ этого развитія, но часто подъ гнетомъ бѣдности вырабатываются самыя дикія воззрѣнія на право, на собственность, на идею обязательствъ, и здѣсь то многимъ привился

... «страшный недугъ, научившій скрывать
Гордости честной и смѣлой порывы,
Вѣчно робѣть, притворяться и лгать,
И—проклинать молчаливо»...

Я прямо говорю, что условія для развитія дѣтей въ бѣдныхъ семействахъ крайне неблагопріятны. Правда, мы видимъ и въ настоящее время, и въ исторіи, что люди, вышедшіе изъ этой среды гнетущей бѣдности, являлись великими дѣятелями, но мы видимъ только единицы, спасшіяся отъ крушенія. Сколько мнѣ извѣстно, бѣдность является такимъ страшнымъ условіемъ воспитанія, что воспитаніе бѣдняка никакимъ образомъ нельзя сравнивать съ воспитаніемъ въ богатыхъ семействахъ. Сравнивая условія воспитанія дѣтей бѣдныхъ и богатыхъ семействъ, референтъ между прочимъ указалъ на слишкомъ раннее развитіе раздраженіе нервной системы послѣднихъ, отъ слишкомъ большой массы раннихъ впечатлѣній, и говоритъ при этомъ, что условія развитія бѣдняка въ этомъ отношеніи гораздо благопріятнѣе; я согласенъ съ высказаннымъ взглядомъ, но долженъ замѣтить, что положеніе это абсолютно опять также не будетъ вполнѣ вѣрно, такъ какъ у бѣдняковъ есть другія неблагопріятныя условія воспитанія. Я нѣсколько знакомъ съ условіями развитія бѣдныхъ дѣтей, наполняющихъ наши сельскія школы; это условія такого рода, отъ которыхъ сжимается сердце. Я позволю себѣ для характеристики той подготовки, съ котораго бѣдныя дѣти вступаютъ въ школу и что они выносятъ изъ дому, привести небольшую выдержку изъ своей статьи, которая неизвѣстна Обществу, потому что печаталась въ провинціаль-

номъ изданіи. Неразвитость дѣтей, поступающихъ въ наши сельскія и даже городскія школы доходитъ до того, что многіе не знаютъ своихъ лѣтъ. Одного мальчика 9 лѣтъ, я такъ и принужденъ былъ записать «Незнайко», потому что на всѣ вопросы объ его отцѣ, матери, имени, отвѣчалъ одно—«не знаю». Разсказывая одному ученику о домѣ и его внутренности, я сталъ съ нимъ измѣрять печку; оказалось, что ученикъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія не только объ измѣреніи, но и о величинѣ вообще, и на вопросы: что больше, домъ или печка? флегматически отвѣчалъ: «а кто его знаетъ». Но рядомъ съ этою неразвитостью дѣти выносятъ массу суевѣрій и предразсудки; они знаютъ молитвы, но какъ знаютъ! Итакъ, вотъ то развитіе тѣ задатки, съ которыми дѣти бѣдняковъ поступаютъ въ школу: знанія никакого, подготовки ни малѣйшей а суевѣрій—богатый запасъ; поэтому, если мы будемъ сравнивать съ богатыми достаточные классы, то это дѣйствительно вѣрно, тамъ менѣе порѣшностей и болѣе серьезнаго отношенія къ жизни, но тамъ есть нѣкоторая обезпеченность; а здѣсь только полное безграничное невѣжество и условія для воспитанія естественно крайне не благопріятныя; по этому проводить здѣсь параллель съ условіями богатыхъ и бѣдныхъ людей, мнѣ кажется, трудно и утверждать, что условія воспитанія послѣднихъ благопріятнѣе—едва-ли справедливо».